

ФГБОУ ВПО «Курский государственный университет»

На правах рукописи

Засельская Татьяна Леонидовна

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРЕПОДОБНОГО НИЛА
СОРСКОГО: ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ВОСПИТАНИЯ**

13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук

Научный руководитель:
доктор педагогических наук, профессор
Меньшиков Владимир Михайлович

Курск - 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НИЛА СОРСКОГО	20
1.1. Смыслы духовно-нравственного развития личности в православной педагогике.....	20
1.2. Духовно-нравственные учебно-воспитательные традиции Древней и средневековой Руси	37
1.3. Теория и практика исихазма как теоретико-методическая основа педагогического учения преподобного Нила Сорского	47
Выводы по главе I	64
ГЛАВА II. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ПРП. НИЛА СОРСКОГО	67
2.1. Духовно-нравственное и педагогическое становление преподобного Нила.....	69
2.2. Концепция духовно-нравственного воспитания прп. Нила Сорского	88
2.3. Нило-Сорский скит и его воспитательная среда.....	112
2.4. Традиция изучения «Божественных Писаний» – системообразующая основа воспитательной системы прп. Нила	128
2.4.1. «Книжное руководство» (книжное обучение) – основа содержания духовно-нравственного воспитания	128
2.4.2. Агиографические труды – важнейший компонент содержания духовно-нравственного воспитания и просвещения.....	135
2.4.3. Принципы и методы «книжной справки» прп. Нила в связи с исихастской учебно-воспитательной традицией.....	137
2.5. Значение педагогического учения прп. Нила Сорского для современной педагогики и образования.....	140
Выводы по главе II	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	157

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В настоящее время многие государственные и общественные деятели, ученые и педагоги в качестве способа выхода из духовно-нравственного кризиса современного общества и образования призывают ориентировать их на традиционные ценности. В государственных документах, посвященных проблемам образования и воспитания, все чаще употребляются такие понятия, как «духовность», «духовно-нравственное воспитание и становление», «формирование и развитие духовно-нравственной личности». Так, в «Законе РФ «Об образовании в Российской Федерации» указывается, что «образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека» [274, ст. 2, с. 1].

В «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» говорится: «Приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [274], а в самой стратегии есть специальный параграф «Духовно-нравственное воспитание», в котором определяется его содержание.

Широко используются эти понятия и в современной педагогике. Концептуальные основы духовно-нравственного воспитания в рамках отечественной духовной традиции разрабатываются в работах как православных духовных деятелей: Алексия II, Патриарха Московского и всея Руси [5, 6];

Кирилла, Патриарха Московского и всея Руси [135, 136]; митрополита Иллариона (Алфеева) [107]; митрополита Зиновия (Корзинкина) [93]; схимитрополита Иувеналий [120]; игумена Петра (Пиголя) [215–220]; архимандрита Георгия (Шестуна) [54]; прот. Глеба Каледя [125, 126]; архимандрита Платона (Игумнова) [224]; игумена Киприана (Яценко) [131, 132]; прот. Андрея Лоргуса [8]; прот. Виктора Дорофеева, прот. Артемия Владимирова [46,47]; иерея Александра Половинкина [231] и др.; так и светских: Е. П. Белозерцева [21, 22]; В. А. Беляевой [23, 24]; М. В. Богуславского [28]; Б. С. Братуся [34, 35]; З. В. Видяковой [44]; П. А. Гагаева [50, 51]; Л. П. Гладких [55]; А. Я. Данилюка [66]; С. Ю. Дивногорцевой [72]; М. В. Захарченко [89]; В. П. Зинченко [94]; В. Н. Катасонова [129]; А. М. Кондакова [146]; А. А. Королькова [149, 150]; М. Н. Костиковой [151]; Н. И. Лифинцевой [160]; Н. В. Маслова [178]; В. М. Меньшикова [180]; И. В. Метлика [182–183]; В. И. Миронова [185]; А. В. Мудрика [187]; Н. Д. Никандрова [194, 195]; А. С. Панарина [210]; С. В. Пашкова [212]; С. В. Перевезенцева [213]; Т. И. Петраковой [221, 222]; И. М. Подушкиной [229]; О. М. Потаповской [236, 237]; В. В. Рубцова [251, 252]; Т. В. Скларовой [263, 264]; В. А. Слостенина [265, 266]; В. И. Слободчиков [267–269]; Л. В. Суровой [275]; Л. А. Харисовой [302]; В. Д. Шадрикова [312]; Л. Л. Шевченко [313]; Н. И. Шеховцевой [316]; О. Л. Янушкявичене [322] и др.

Понятие «духовно-нравственное воспитание» в силу его сложности и многозначности требует своего дальнейшего изучения, в том числе и историко-педагогического, что даст возможность «осознать полноту содержания этой категории» [94, с. 14].

Историко-педагогическое исследование этого явления важно потому, что понятие «духовно-нравственное воспитание», впервые появившееся в христианстве, имеет длительную историю существования. Поэтому закономерно и необходимо осмысление исторического опыта духовно-нравственного воспитания, в том числе и в рамках христианской традиции. Громадный опыт духовно-нравственного воспитания, выраженный в учениях и практической деятельности христианских подвижников, который был направлен на то, чтобы,

«воздвигая совесть к лучшему» [198, с. 53], достигнуть духовно-нравственного совершенства, выработан православной педагогикой. И пока недостаточно используется в современной педагогической практике. А поскольку оно основано на глубинных общечеловеческих законах, ее достижения могут быть использованы всеми. Ее эффективность подтверждается многочисленными примерами великих православных деятелей, принесших истинную пользу Отечеству. Поэтому необходимо знать и применять на практике фундаментальные идеи и принципы православной педагогики, ее практический опыт, в том числе и педагогическое наследие прп. Нила Сорского.

Однако на сегодняшний день малоизученными остаются педагогические взгляды многих церковных деятелей Древней и средневековой Руси. В этой связи особенно актуальным становится исследование и педагогическая интерпретация духовного наследия христианских подвижников – представителей исихазма, так как развитие древней и средневековой культуры России во многом связано с исихазмом. Основоположник русского монашества Антоний был исихастом. Именно он вместе со своим учеником Феодосием Печерским сформировал русское монашество. Исихастские традиции легли в основу монастырей, которые основывал Сергей Радонежский и его ученики.

Исихастом был и «ученый монах» преподобный Нил Сорский (1433–1508). Истинный знаток византийской церковной литературы, Нил Сорский получил достойное воспитание и образование в настоящей школе духовной жизни – на Афоне, после чего сумел обобщить опыт монастырского образования афонской братии, создать концепцию русского православного воспитания и использовать ее в практике открытого им монастыря, получившего со временем название Нило-Сорской пустыни.

Духовно-нравственное наследие прп. Нила Сорского изучалось в разных аспектах: историческом, культуроведческом, богословском, общественно-политическом, частично – в педагогическом. А. С. Архангельский [12]; Г. П. Федотов [293, 294]; отец Павел Флоренский [298]; прот. Г. В. Флоровский [299, 300]; прот. В. В. Зеньковский [92, 93]; Е. А. Князев [143]; Е. В. Романенко [248–

250]; Э. Раков [245]; А. И. Плигузов [225, 226]; Я. С. Лурье [167–172]; В. Н. Лосский [164, 165]; П. В. Знаменский [96]; М. С. Боровкова-Майкова [32, 33] отмечали важную роль трудов прп. Нила Сорского в деле духовного просвещения русского народа.

Вместе с тем опыт воспитательной деятельности, имеющий огромное значение для современной педагогики, до сих пор не был систематически исследован. Опираясь на работы А. А. Королькова [149, 150], С. С. Хоружего [303, с. 160–161], можно утверждать, что учение прп. Нила о духовно-нравственном совершенствовании, находясь в общем русле исихастской традиции, является «зашифрованной» педагогией, которая выражается в живой реальной практике, практике духовного делания, в практике аскезы, а уже затем в знаниях, концептах, знаках, символах и понятиях.

Духовное наследие Нила потому и интересно, что он был не только великим «духовным деятелем», достигшим вершин совершенства в «умном делании», но известен и как образованный «книжник», оставивший выдающиеся произведения, в которых изложены важнейшие педагогические идеи. Он, по мысли Г. П. Федотова, «в произведениях своих составил полное и точное руководство духовного пути» [293, с. 203]. Систематизировав учение христианских богословов о совершенстве человека, прп. Нил предложил свою модель духовно-нравственного развития человека и его воспитания.

Степень разработанности темы исследования

Прп. Нил Сорский, несмотря на монашеский «затвор» в своем отдаленном, пустынном скиту, уже при жизни имел высокий авторитет духовного учителя. Его сочинения существовали во множестве списков.

Особое внимание к сочинениям прп. Нила Сорского, к образу и форме его подвижничества возникло с конца XVIII в. в связи с начавшимся возрождением русской духовной жизни на основах исихазма, а также с проявлением интереса славянофильской частью интеллигенции к духовным традициям Русской Православной Церкви. К наследию сорского наставника обращались такие признанные учителя монахов и мирян, как свв. Паисий Величковский, Игнатий

Брянчанинов, Феофан Затворник, старцы Оптиной пустыни. Сочинения прп. Нила начали издаваться в начале XIX в. (1813, 1820); в 1849 г. значительная часть его творений была опубликована Оптиной пустынью [239].

Известные российские общественные деятели и ученые (С. П. Шевырев, А. Н. Муравьев, М. В. Толстой) в своих работах [314; 189; 282] дали ряд сведений о Нило-Сорской пустыни, первоначальный (Нилов) устав и монашеские правила которой в 1860-х гг. активно изучались церковными властями и российским монашеством на предмет использования их для обновления монастырской жизни. В это же время на Афоне монах Азарий (Попцов) начал составление Афонского патерика на русском языке. Примечательно, что в этот известный сборник житий вскоре было внесено житие прп. Нила, и в нем святой характеризуется как систематизатор учения об умном делании [14].

Внимания заслуживает работа А. С. Архангельского «Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в древней Руси: Историко-литературный очерк» [12]. Это первое фундаментальное исследование о взглядах прп. Нила Сорского и его эпохе. Впервые наиболее полно был представлен по рукописям, ранее науке не известным, биографический материал о преподобном Ниле, его канонизации, указаны рукописи, содержащие творения святого, установлено авторство прп. Нила в отношении некоторых посланий. Одну из глав книги автор посвятил литературному анализу «писаний» прп. Нила Сорского на предмет выявления связей с патристикой. А. С. Архангельский постарался проследить влияние, которое оказали на прп. Нила творения свв. Иоанна Кассиана Римлянина, Нила Синайского, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и Исаака Сирина. И хотя автор допустил некоторые ошибки в оценке событий духовной и общественной жизни Руси в XV–XVI вв., его труд важен для исследования наследия прп. Нила.

Первым научным изданием сочинений прп. Нила считается публикация М. С. Боровковой-Майковой (1912), осуществленная ею после серьезных археографических изысканий [33].

Интересны две публикации произведений прп. Нила. Первая – «Преподобный и богоносный отец наш Нил, подвижник Сорский, и Устав его о скитской жизни» [194]. Здесь положения учения прп. Нила разъясняются и комментируются составителем, известным богословом архимандритом (впоследствии епископом) Иустином (Полянским). Вторая книга – «Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России, и Устав его о жительстве скитском» (195) с предисловием Н. В. Елагина. Составитель изложил текст произведений прп. Нила в виде вопросов и ответов, и таким образом учение святого отца было значительно им систематизировано. Оба издания, имеющие нравственно-назидательный характер, оказались весьма полезны при работе над данной диссертацией при дальнейшей систематизации духовного наследия прп. Нила как учителя и наставника.

К настоящему времени имеется обширная литература о прп. Ниле Сорском. Его духовное наследие рассматривалось разными исследователями – церковными и светскими историками, археографами, богословами, литературоведами, культурологами – и в разных аспектах: историческом, культуроведческом, литературоведческом, нравственно-аскетическом, богословском, общественно- и церковно-политическом. О его трудах и деятельности в дореволюционное время писали митрополит Макарий (Булгаков) [173]; Е. Е. Голубинский [56]; Н. И. Костомаров [152]; А. С. Павлов [206]; В. О. Ключевский [139]; В. И. Жмакин [86]; Н. К. Никольский [197]; М. С. Боровкова-Майкова [31–33]; которая при этом стремилась выявить идеалы созерцательной жизни и показать духовную близость прп. Нила Сорского к исихастам XIV в. и последующих веков. К сожалению, некоторые из ученых приводят ошибочные мнения и бездоказательные утверждения, в определенной мере искажающие историческую реальность, характер и дух русской святости.

Представители русской эмиграции Г. П. Федотов [293] и протоиерей Георгий Флоровский [300] справедливо рассматривали прп. Нила Сорского как продолжателя византийской традиции на Руси, также допустили некоторые

неточности при интерпретации смысла событий и умонастроений эпохи прп. Нила.

В советское и постсоветское время активно продолжались исследования «идеологии» сорского наставника и «исторических схем» с его участием (в числе авторов – Я. С. Лурье [167–172]; Н. А. Казакова [124]; А. И. Плигузов [225, 226] и др.)

Ряд глубоких исследований и публикаций появился недавно. Г. М. Прохоров подготовил к изданию и «опубликовал все разысканные» сочинения прп. Нила Сорского и его ученика прп. Иннокентия Комельского. Это научное издание является ценным источником при исследовании наследия прп. Нила и его ближайшего ученика. Славянский текст в книге сопровождается параллельным переводом на русский язык*.

Т. П. Лённгрен опубликовала агиографический «Соборник» прп. Нила Сорского [158], некоторые ее статьи посвящены значению этих произведений в наследии старца Нила и в книжной культуре монастырей Белозерья.

Е. В. Романенко в работе «Нил Сорский и традиции русского монашества» [247], а также в других своих публикациях тщательно проанализировала «Соборник» прп. Нила, методы его корректорской работы с текстами, внутреннее устройство и особенности жизни Нило-Сорского скита. Исследование Романенко подтверждает характеристику прп. Нила как преемника византийских исихастов и учителя монашествующих.

Вместе с тем, при всем обилии научных, богословских трудов и публикаций религиозно-назидательного характера о жизни и деятельности прп. Нила Сорского, отсутствуют работы, системно исследующие его концепцию духовно-нравственного воспитания.

* Автор настоящей диссертации заметил в русском переводе некоторые неточности и ошибки, искажающие смысл. Например: «неизглаголаный» переведено как «неназываемый» (с. 139 указ. изд.); слово «пре(свя)тый» под титлом расшифровано как «простой» (с. 265); «подвизавшеся чювствене» не есть «подвизавшись в сфере чувств», «люботрудне» не есть «трудолюбиво» (с. 102); «ум имети» не переводится как «иметь в уме» (с. 131); «Бог же смирение есть» не переводится как «Богу же ближе смирение» (с. 117) и т. д. Не всегда можно согласиться с пунктуацией, введенной Прохоровым в текст памятника.

С учетом этого нами была определена **тема исследования:** «Педагогическая концепция преподобного Нила Сорского: духовно-нравственный аспект воспитания».

Проблема исследования: каковы сущностные характеристики в концепции духовно-нравственного воспитания прп. Нила Сорского?

Решение данной проблемы составляет **цель исследования.**

Объект исследования: педагогическое наследие прп. Нила Сорского.

Предмет исследования: концепция духовно-нравственного воспитания человека прп. Нила Сорского.

В диссертации поставлены следующие **задачи:**

- описать сущность христианской педагогики и ее основные категории;
- представить учебно-воспитательные традиции Древней Руси во взаимосвязи с педагогической деятельностью монастырей;
- раскрыть педагогическую концепцию исихазма как методологическую основу воспитательной системы прп. Нила Сорского;
- изучить духовно-нравственное и педагогическое становление прп. Нила;
- осмыслить аскетико-педагогическую концепцию духовно-нравственного воспитания прп. Нила Сорского;
- проанализировать сущность системы воспитания в Нило-Сорском скиту;
- исследовать содержательную основу воспитательного процесса Нило-Сорской пустыни.
- определить значение педагогического наследия прп. Нила Сорского для современной российской педагогики и воспитания.

Методологическая основа исследования: парадигмальный, онтологический, системный, культурологический и аксиологический подходы, антропологический подход, опирающийся на христианское понимание природы человека; принцип целостности в рассмотрении вопросов педагогики; междисциплинарный подход в исследовании, который позволил использовать возможности научных (философии, психологии, истории, культурологии) и

богословских дисциплин в понимании педагогики и педагогических взглядов Нила Сорского.

Теоретическая основа исследования:

– учения, раскрывающие духовный характер культурно-исторического развития России: Н. А. Бердяев [26, 27]; С. Н. Булгаков [36, 37]; В. Я. Дерягин [70]; В. О. Ключевский [139–142]; К. Д. Ушинский [287–290]; Г. П. Федотов [293, 294] и др.;

– концепции, характеризующие проблемы российского образования в контексте исторического культурно-духовного развития русского общества: Г. Н. Алова [7]; М. В. Богуславский [28]; Е. В. Бондаревская [30]; З. В. Видякова [44]; П. А. Гагаев [50, 51]; С. Ю. Дивногорцева [72]; С. Ф. Егоров [82]; В. К. Журавлев [87]; А. А. Корольков [149, 150]; Н. В. Маслов [178]; В. М. Меньшиков [180]; С. В. Перевезенцев [213]; Н. И. Шеховцова [316]; О. Л. Янушкявичене [322];

– исследования, анализирующие историко-педагогический процесс как неотъемлемую часть историко-культурного развития страны: Г. Н. Алова [7]; С. Д. Бабишин [15, 16]; В. Г. Безрогов [17, 18]; Л. Н. Беленчук [19, 20]; Ю. В. Василькова [41]; М. Н. Воробьева [48, 49]; С. Ю. Дивногорцева [72]; М. Н. Костикова [151]; А. В. Овчинников [203]; С. В. Перевезенцев [213]; В. Ю. Троицкий [283];

– концепции онтологических оснований образования: Е. П. Белозерцев [21, 22]; П. А. Гагаев [50, 51]; А. Е. Крикунов [154]; В. В. Мильков [184]; Т. И. Петракова [221–223]; Б. В. Сапунова [257, 258]; Р. А. Симонов [259–261]; В. И. Слободчиков [267–269]; Л. В. Сурова [275] и др.;

– работы по проблемам православной антропологии, раскрывающие определяющую роль духовно-нравственных факторов в развитии человека и духовно-нравственном воспитании: К. А. Абульханова-Славская [1]; игумен Андроник (Трубачев) [9]; Б. С. Братусь [34]; С. Ю. Дивногорцева [72]; прот. В. Зеньковский [91, 92]; архимандрит Георгий (Шестун) [54]; Н. И. Лифинцева [160]; А. А. Корольков [150]; Н. Д. Никандров [194, 195]; В. Н. Слободчиков [267–269]; С. С. Хоружий [306, 307];

– труды, посвященные анализу педагогических взглядов православных философов и педагогов: И. Н. Ванина [38]; С. В. Видов [43]; Н. Н. Гатилова [52]; А. А. Игнатов [108]; А. Б. Хохлова [308] и др.;

– публикации, раскрывающие определяющую роль духовности в профессиональной деятельности учителя: В. А. Беляева [23, 24]; И. М. Ильичева [109]; И. М. Подушкина [229]; С. А. Рачинский [246]; Т. В. Складорова [263, 264]; В. А. Слостенин [265, 266]; К. Д. Ушинский [287–290] и др.

– концепции «культурно-образовательной среды» как важнейшего фактора педагогического процесса: Е. П. Белозерцев [21, 22]; Л. И. Новикова [200, 201]; С. А. Рачинский [246]; В. А. Сухомлинский [276] и др.

Методы исследования: теоретический анализ памятников патристической письменности, в первую очередь наследия прп. Нила; анализ исторической, культурологической, педагогической, психологической, философской, богословской литературы; ретроспективный и перспективный анализ источников; педагогическая интерпретация, сопоставление, систематизация и классификация, теоретическое моделирование положений изучаемого наследия.

Источники исследования:

– духовно-литературное наследие прп. Нила Сорского: его сочинения, послания ученикам, завещание; агиографический «Соборник», составленный прп. Нилом Сорским; житие прп. Нила и историко-биографические материалы; труды прп. Иннокентия Комельского, ученика прп. Нила*;

– исследования наследия прп. Нила, в том числе внутренней жизни и истории Нило-Сорского скита;

– исследования в области христианской антропологии и педагогики; научно-педагогические монографии; исторические и современные документы по вопросам образования;

– патристические сочинения аскетико-антропологического и педагогического характера; сочинения философов, психологов, педагогов по

* При использовании сочинений прп. Нила диссертант цитирует текст в переводе на современный русский язык (переводы Г. М. Прохорова или более ранние). В случаях несогласия с переводом диссертант дает славянский текст или свое прочтение в квадратных скобках.

проблемам духовно-нравственного воспитания; исследовательские работы по афонской тематике;

– русские летописи, труды историков и философов, исследования историко-педагогические; исследования в области этики, литературоведения, культурологии;

– материалы энциклопедий, словарей, периодических изданий, интернет-изданий; материалы научно-образовательных конференций и чтений;

– современная психолого-педагогическая литература, посвященная проблемам духовно-нравственного воспитания.

Личный вклад автора заключается в разработке концепции исследования; в изучении оригинальных трудов прп. Нила Сорского, в том числе и тех, которые раньше не использовались в историко-педагогической науке; в теоретическом осмыслении концепции и опыта духовно-нравственного воспитания прп. Нилом Сорским; в осмыслении основных подходов к пониманию духовности педагогической концепции прп. Нила Сорского и в современной педагогике; в обосновании возможностей использования педагогических идей прп. Нила Сорского в современном образовании и педагогике.

Основные положения, выносимые на защиту:

– Универсальная религиозная система христианства сформировала свою особую педагогику. В ней сложился свой категориальный аппарат, который отражает представления о природе человека и его всестороннем развитии в процессе воспитания, создании условий для такого воспитания.

– В Древней Руси были созданы духовные и социально-педагогические условия, позволившие успешно развиваться образованию. Древнерусские учебно-воспитательные традиции, построенные на идеях христианской педагогики, позволили создать систему древнерусского воспитания и образования, которая была направлена на воспитание общества, семьи, человека. Существенной стороной древнерусского воспитания и образования была их тесная взаимосвязь с монастырем, который являлся важнейшим духовным, культурным и образовательным учреждением Руси. Об успешности монастырей как

воспитательных учреждений свидетельствуют многие святые, которые были воспитаны в них.

– Богословско-аскетическая концепция исихазма, ярким представителем которого явился русский святой прп. Нил Сорский, доказывает необходимость и возможность преобразования человека. Понятие «исихии» раскрывает практический подход к преобразению человека. Он предполагает всестороннее телесное и духовно-нравственное совершенствование человека, преодоление греха и достижение святости, позволяющей человеку достичь Бога и пребывать в Боге, что рассматривается в исихазме в качестве смыслообразующего феномена духовно-нравственного воспитания.

– Прп. Нил Сорский прошел длительный путь духовно-нравственного и педагогического формирования в Кирилло-Белозерском и афонских монастырях. Здесь он в совершенстве овладел практикой духовного делания и изучил «науку» христианского совершенствования. В результате он сложился не только как опытный монах, но и как духовный руководитель, способный успешно руководить другими в их духовно-нравственном совершенствовании.

– Концепция духовно-нравственного воспитания прп. Нила Сорского строится на евангельских принципах, громадном духовном и практическом опыте исихастского воспитания и является дальнейшим развитием педагогических идей святых отцов. Концепция Нила Сорского содержит все компоненты педагогической системы: цель, задачи, принципы, содержание, средства, методы, результаты.

– Свою педагогическую концепцию прп. Нил реализовал в созданном им Нило-Сорском ските, а его педагогический опыт можно считать идеалом воспитательной деятельности. Его воспитательная система может быть реконструирована на основе изучения жизни, деятельности и литературного наследия святого и его ближайших преемников.

– Под «духовным руководством», то есть содержанием воспитания в скиту понималось в основном не устная традиция – указания, получаемые учеником непосредственно от старца, а руководство «книжное» на основе «исследования

Писаний» с целью научиться правильной жизни для очищения души и совершенствования в добродетелях.

– Педагогическая концепция сорского наставника, ее идеи и принципы, и созданная им система воспитания носят фундаментальный характер и имеют большое значение для современного российского воспитания, прежде всего духовно-нравственного, образования и педагогики.

Этапы исследования:

2010–2011 гг. – разработка источниковой базы; изучение публикаций по исследуемой проблеме; анализ методологических подходов к историко-педагогическому исследованию;

2012–2013 гг. – систематизация материала по проблеме; теоретическое осмысление собранных источников; разработка методологии исследования; подготовка текста и публикаций по теме исследования.

2014–2015 гг. – обобщение результатов научного исследования; формулирование выводов, оформление диссертации.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

– охарактеризована сущность и основные категории христианской педагогики;

– конкретизированы понятия «исихазм», «аскетизм», «умная молитва» применительно к теории духовно-нравственного воспитания;

– раскрыта связь древнерусской светской и монашеской педагогической традиции;

– изучена и осмыслена жизнь, деятельность и духовно-нравственное наследие прп. Нила Сорского в аспекте духовно-нравственного воспитания и в контексте онтологической связи христианства и педагогики;

– показано значение древнерусской педагогической традиции в духовном становлении святого – значимость этого факта с научной точки зрения заключается в том, что здесь раскрывается монашеский способ формирования духовно совершенного человека;

– определены теоретико-методологические подходы к духовно-нравственному развитию и совершенствованию человека в педагогическом наследии прп. Нила Сорского;

– изучена исихастская методика развития внутреннего опыта самопознания и самопреодоления как основы духовного развития и воспитания личности человека;

– раскрыта концепция духовно-нравственного воспитания и реконструирована аскетико-педагогическая система прп. Нила Сорского, лежащая в основе данной системы: ее общая методология, цели, содержание, основные методы;

– всесторонне рассмотрены и осмыслены жизнь, деятельность и педагогическое наследие прп. Нила Сорского в контексте онтологической связи христианства и педагогики.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что:

– изучена взаимосвязь древне- и средневековой русской педагогики с исихастской педагогической традицией, благодаря чему материалы диссертации могут способствовать дальнейшему изучению древне- и средневековой русской педагогики, воспитания и образования;

– введенные в научный оборот и неисследованные ранее с педагогической точки зрения труды прп. Нила Сорского пополняют историко-педагогическую, историческую, культурологическую науки новыми фактами о роли духовной школы, православного учительства, что является важным условием дальнейшего развития историко-педагогической науки;

– диссертация может стать основой изучения идей Нила Сорского, а также теоретическо-методологической основой изучения теории духовно-нравственного воспитания в древнерусской и средневековой педагогике;

– изученные с педагогической точки зрения богословские труды прп. Нила Сорского могут быть использованы в качестве источника психолого-педагогических знаний;

– представленный в работе подход к изучению генезиса духовно-нравственного воспитания как к процессу, детерминированному как внутренними факторами развития человека в соответствии с идеалом совершенствования по заповедям Божиим, так и внешними факторами (общественно-политическими, геополитическими, экономическими, социальными), где определяющей является внутренняя целеценностная основа, не только способствует объяснению конкретного хода воспитательного процесса, в том числе и его отрицательных моментов, обусловленных грехом, но и показывает возможность каждого человека достичь высшего духовно-нравственного совершенствования путем синергии: помощи Божией, руководства наставника («старца») и собственных усилий, что вносит вклад в развитие теории духовно-нравственного воспитания;

– охарактеризованная в рамках христианского учения духовная сущность учительского труда обогащает современную теорию педагогической деятельности;

– материалы исследования могут быть полезны в создании современных концепций духовно-нравственного воспитания.

Практическая значимость исследования заключается в том, что:

– показано значение и обоснована возможность использования концептуальных идей и опыта прп. Нила Сорского в современном воспитании и образовании;

– идеи работы могут использоваться при создании региональных муниципальных и школьных систем духовно-нравственного воспитания;

– основные идеи религиозно-педагогического наследия прп. Нила Сорского могут быть использованы при разработке учебных курсов социально-гуманитарных дисциплин;

– педагогический опыт его практической деятельности может быть полезен в повышении воспитательного потенциала педагогического процесса общеобразовательных школ, экспериментальных учебных заведений, православных гимназий, духовных учебных заведений, воскресных школ;

– материалы исследования могут войти в курс истории образования и педагогической мысли, а также при разработке учебных пособий по дисциплинам «История педагогики», «Педагогическая антропология», «Философия образования», «Основы религиозной культуры и светской этики», «Религиозная культура народов России»;

– материалы могут стать основой для чтения спецкурсов и спецсеминаров в духовных и светских образовательных учреждениях.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается:

– системным характером методологических оснований проведенного научного исследования;

– разнообразием источников, используемых в работе, их аутентичностью;

– использованием совокупности научных методов, адекватных объекту, предмету, цели и задачам исследования;

– доказательностью выводов, опирающихся на использование данных научного, историко-педагогического и сравнительного анализа.

Апробация и внедрение результатов исследования

Материалы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры педагогики МГПИ, кафедры управления дошкольным образованием МГПУ (Москва), научно-методологическом семинаре педагогического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, 2010), научной сессии Московского гуманитарного педагогического института (МГПИ, 2010, 2011), научной сессии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, 2010). Часть материалов использовалась при чтении учебного курса «История педагогики» в православной классической гимназии «Радонеж».

Структура диссертации. Диссертационное исследование включает в себя введение, две главы, заключение и список литературы.

Во введении обосновывается актуальность; определяются проблема, цель, объект, предмет, задачи, теоретико-методологическая и источниковая база,

основные этапы; определяется научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, положения, выносимые на защиту; характеризуются достоверность и обоснованность результатов исследования.

В главе I «Идейно-содержательные и теоретико-методологические основы педагогического наследия Нила Сорского» определены основные понятия педагогики в связи с христианским учением, изучены духовно-нравственные учебно-воспитательные традиции Древней Руси; раскрыто содержание теории и практики исихазма как теоретико-методической основы педагогического учения прп. Нила.

В главе II «Педагогическая концепция духовно-нравственного воспитания прп. Нила Сорского» изучено духовно-нравственное и педагогическое становление личности прп. Нила; представлена его педагогическая концепция; исследована воспитательная система Нило-Сорского монастыря и раскрыто ее содержание, показано значение результатов исследования для современной педагогической теории и практики.

В заключении обобщены результаты исследования, систематизированы основные выводы по работе, подтверждающие положения, вынесенные на защиту, намечены перспективы дальнейшего исследования.

Список литературы насчитывает 324 источника.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НИЛА СОРСКОГО

1.1. Смыслы духовно-нравственного развития личности в православной педагогике

С. С. Аверинцев назвал христианство в целом «сугубо “педагогическим” движением», с верой в «неограниченную “перевоспитуемость” людей, в возможность радикально пересоздать их изнутри» [103, с. 27]. С этим утверждением известного ученого не только нужно согласиться, но можно его развить.

Христианство, как универсальная религиозная система, является в прямом смысле педагогией, детоводительством на пути духовно-нравственного совершенствования в стремлении к высшему Идеалу. Учителя-христиане подчеркивают, что «главная цель христианства состоит именно в том, чтобы перевоспитать человека» [292, с. 214]. Христианство педагогично по своей сути, потому что является практическим (πράξις) руководством к постижению умозрительной (θεορία) истины, но его педагогическое содержание «зашифровано» и облечено в понятия и форму, отвечающие богословским дискурсам: нравственно-аскетическому богословию, сотериологии, антропологии. Так, можно сказать, что в определенном смысле теория христианской педагогики есть учение о сотериологии – учение об обожении (о преобразении) человеческой природы, а педагогическая практика воплощается в аскетике.

С точки зрения христианства, в нем Самим Божественным Учителем указан педагогический идеал – Божественное совершенство («Будьте совершенны, как совершен есть Отец Ваш Небесный» (Мф. 5, 48); цель и задачи воспитания (исходящие из цели и задач христианской жизни); «предмет» (К. Д. Ушинский)

(человек, личность в греховном («нижеестественном» состоянии); выявлены проблемы и доказана необходимость преобразования искаженной грехом человеческой природы; даны источник и «свершитель» воспитания – энергия Божественной благодати, основа (правильное вероучение, истины «Святого Писания»), методы воспитания и самовоспитания (методы духовного руководства, аскезы, «доброделание»), способ (синергия); воспитательные средства – таинства, богослужение, книги, молитва, заповеди, устав, наставления. Христианская педагогика научна, потому что именно христианство, по словам педагога Т. П. Петраковой, дает наиболее целостный и всеохватный образ человека, позволяющий вывести адекватные определения основных педагогических категорий [221, с. 15–24].

Таким образом, находясь в рамках христианского мировоззрения, можно считать, что православие как совокупность онтологических целей, условий и средств воспитания является имплицитной педагогикой.

Прп. Нил Сорский в одной из рукописей XVIII в. назван «премудрым учителем и великорассудным наставником» [247, с. 99]. Жизнь и сочинения этого святого Православной Церкви, «русского учителя аскетического безмолвия, “исихии”» [238, с. 2], в настоящее время вызывают интерес не только исследователей исихазма, но и психологов и педагогов. Е. А. Князев рассматривает его подвижническую жизнь и творчество как уникальное педагогическое служение, ибо он прославился как «учитель безмолвия», учитель и руководитель в «мысленном делании», в духовной жизни.

В этой связи необходимо выявить истоки и смысл категорий «воспитание», «образование», а также «духовность», «нравственность», «духовно-нравственное становление» и др., используя христианский «язык аскезы», «внутреннюю речь традиции» [303, с. 160–161].

Понятие «человек» является главным в педагогике, определяет ее цели, задачи, всю систему ее внутренних и внешних взаимосвязей. О высоком назначении человека так говорится в древнерусской «Повести о преподобном отце нашем старце Ниле и о того честней обители» (XVII в.): «владыка человек бе

исперва от Бога поставлен бысть» [238, с. 393]. Человек – венец творения, средоточие тварного бытия. Такое превосходство объясняется свойством его природы, одновременно соединяющей в себе материальное и духовное начало: *тело, душу и дух*, под которым понимается локализованная в сердце «умная сущность души», начало «богообразное», «высшая способность разумной души, посредством которой человек входит в общение с Богом» [164, с. 68].

Согласно христианскому учению, человек создан по *образу и подобию* Бога. Источником бытия человека при его сотворении стало «дуновение духа жизни», исходящее непосредственно от Творца, а «образцом» для этого творения Бог избрал Самого Себя, поэтому в человеческом существе изначально заключено некое соответствие Самому Богу [164, с. 62]. Образ Божий «начертан» в свойствах человеческой природы – в элементах троичного строения, разуме, бессмертии души, свободе воли, творческой способности, в способности к чистой, бескорыстной любви. Образ Божий в человеке – это способность человека *отобразить* Божественные совершенства; совокупность свойств природы человека, реализуя которые он может совершенствоваться, уподобляясь Богу.

Слово «образ» лежит в основе понятия «образование». С точки зрения христианства, содержание образования заключается в раскрытии образа Божия в человеке во всей полноте с целью достижения богоподобия. Это христианское понятие Павел Флоренский объясняет так: «Под первым должно разуметь нечто актуальное – онтологический дар Божий, духовную основу каждого человека как такового, тогда как под вторым – потенцию, способность духовного совершенства, силу оформить всю эмпирическую личность, во всем ее составе, образом Божиим, т. е. возможность образ Божий, сокровенное состояние наше, воплотить в жизни, в личности» [298, с. 92].

«Слово *образ* означает данность, первую ступень на пути к подобию, то, что от рождения принадлежит всем людям; *подобие* же выражает динамическое состояние, еще не осуществившееся, то, что мы имеем в потенции... В этом отношении понятие *обожение*... указывает на высшую цель человеческой жизни – достижение богоподобия» [199, с. 139].

По словам Климента Александрийского, образ дан человеку от начала, тогда как подобие «будет им приобретено впоследствии через усовершенствование» [138, с. 109–110].

Человек от сотворения призван к богоуподоблению, к «соединению с Богом духовно и телесно» [199, с. 139], к полному преобразению своей природы в обожении [199, с. 234], которое совершается посредством Божественной энергии, в христианской традиции – благодати. «Бог создал нас для того, чтобы мы уподобились Ему, будучи обожены благодатью», по словам прп. Максима Исповедника [199, с. 141]. Обожение – это, по словам св. Дионисия Ареопагита, уподобление, насколько возможно, Богу и единение с Ним [73, с. 314], что и составляет смысл, цель и идеал человеческой жизни. Те, в ком подобие осуществилось, «именуются преподобными – вполне уподобившимися Первообразу» [199, с. 243].

Вопрос о богоподобии человека патристическая традиция разъясняет в христологическом духе: быть по образу и подобию Божию значит быть по образу и подобию Иисуса Христа – совершенного Богочеловека. Божественный Учитель явил путь духовно-нравственного совершенствования, но не только для «благочестивого подражания» и «нравственного следования Ему», как полагает католическая, и в целом западная традиция [305, с. 243], а для реального соединения с Ним, преобразования и «обожения благодатью» всей человеческой природы как цели пути. «Слово вочеловечилось, чтобы мы обожились», – говорят учителя христианства [13, с. 156]. Современный исследователь исихазма указывает, что воплотившийся Сын Божий дает онтологический пример полноты соединения двух природ: «Событие Боговоплощения выступает как указание и призыв к соединению человека с Богом во Христе, утверждаемому как бытийное назначение человека; а догматы о природе Христа, о соединенности в Нем природы, а также воли Божественной и человеческой выступают как предпосылки, создающие онтологические условия для такого соединения (Отсюда уже видно, что идея обожения подводит к выводу о прямом характере связи и общения человека и Бога.)» [304, с. 136–137].

По словам М. В. Захарченко, «идеал человеческого совершенства, выработанный в традиции», определяет «закономерности духовно-нравственного становления»: «В православной традиции высший идеал человеческого совершенства выражен в личности Богочеловека – Господа Иисуса Христа. Он призвал всех людей к совершенству Божественной святости: “Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный” (Мф. 5, 48). Этот евангельский призыв в богословской терминологии выражается в понятии “теосис” (θέωσις), “обожение”... В понятии “теосиса” сконцентрировано понимание христианской веры как духовного подвига, ведущего к преображению и обожению всего человека. Это обожение доступно как некое живое переживание здесь, на земле, и еще теперь, в земной жизни, а не только в будущем царстве... Святые Православной Церкви являют образ Божий: человека, как он сотворен “по образу и подобию” и как он воссоздан тайной спасения в образе Христа Иисуса. Предание являет образ Божественной святости, изливая ее свет через тех, кто уже не сам живет, но в ком живет Христос» [90, с. 11].

Наряду с учением о сотворении человека центральным в христианстве являются идеи:

– о глубокой поврежденности природы человека (о первородном грехе) в результате неправильного употребления нашими прародителями своей свободной воли и отпадения их от Бога (от богообщения);

– о восстановлении и обожении *общей* человеческой природы (общечеловеческой сущности) через воплощение, крестную смерть, воскресение и вознесение Второго Лица Святой Троицы – Сына Божия Иисуса Христа;

– о возможности *каждого* человека возродить (восстановить) в себе образ Божий и о возможности достичь *личного* обожения (богоподобия, преображения, святости, спасения) «через единение со Христом силой Святого Духа» [199, с. 147].

Эти основные положения христианства настолько важны, что многие агиографические тексты предваряются кратким изложением истории грехопадения человека и аскетического пути его восстановления. Так, «Повесть о

старце Ниле» начинается следующими словами: «Исперва убо, преступльшу человеку заповедь Божию, прелести того враг и тако им облада... Отнели же прелести повився, предаде прелстившему началство и во глубину прелести низведен бысть, и во дворех ада вселился. И от многого убо якоже без расстояния удалыися от Бога душа, не мощно же той бе приступити и познати Создателя своего... Последи же и Сам пришед Он и... к прелщенной вниде души, се *образ* сей положив, имже мощно ей бе угодити Ему» [238, с. 393–394]. Здесь, как видим, указан идеал воспитания и в целом образования – уподобиться Христу, следуя «образу», т. е. примеру, пути, данному «совершеннейшим Учителем в учении и делах» [54, с. 129].

Личное «образование» человека, с позиций христианства, происходит при условии воцерковления, т. е. путем получения Божественной благодати в крещении, вхождения в Церковь и участия в ее благодатных таинствах.

Человеческую жизнь, таким образом, можно рассматривать как процесс «непрерывного образования» [54, с. 36], цели и содержание которого совпадают с онтологическими целями и содержанием процесса обожения. «Непрерывное образование», в свою очередь, включает в себя процесс *развития личности*, процесс *духовно-нравственного становления (совершенствования)* и условия, в которых они совершаются [54, с. 36]. Понятие «развитие личности» в христианстве можно уяснить из слов В. Н. Лосского: «Образ Божий в человеке есть семя, а личность – росток, вырастающий из него» [165, с. 89]. (В связи с этим становится понятным высказывание А. А. Ухтомского: «Человеком нельзя быть, им можно лишь делаться» [286, с. 492].) Каждый человек является личностью, но, с точки зрения христианства, личностью, обретающей свое бытие в процессе духовно-нравственного становления. *Духовно-нравственное воспитание*, выступающее неотъемлемым компонентом «непрерывного образования», раскрывается как создание условий для *духовно-нравственного становления* всех участников воспитательного процесса [286, с. 41].

Воспитание является компонентом образования, формирующим систему добрых качеств личности. Слово «воспитание» по своей этимологии

ассоциируется с питанием человеческого организма насущно необходимой пищей. В христианстве смысл понятия «воспитание» связан прежде всего с церковным таинством Евхаристии [221, с. 24], с «истинными пищей и питием», получаемыми христианином: «В этом таинстве абсолютно трансцендентное становится абсолютно имманентным: человек входит в живое общение с Богом». Вместе с «питающими» и «обоживающими человека таинствами» [199, с. 137], с Божественной энергией он «получает силы к изменению самого себя и познанию себя как духовного существа, которое должно научиться управлять своей “эмпирией” – интеллектом, волей, чувствами» [221, с. 24]. «Воспитывается» человек также «словесами Евангелия», молитвой и другой «пищей духовной» [215, с. 7], через которую ему сообщается «питающая» энергия Божества.

Таким образом, религиозное понимание слова «воспитание» связано с приобщением к церковной жизни, участием в церковных таинствах. «С этой точки зрения воцерковление и есть *создание условий для духовно-нравственного становления*, поэтому мы вправе определить воспитание как воцерковление» [54, с. 41], – подтверждает данную мысль игумен Георгий (Шестун).

Это представляется тем более необходимым, что, по христианскому сознанию, «невозможно изменение человека в лучшую сторону без помощи Божией, без действия благодати» [221, с. 24]. Как утверждает М. В. Захарченко, «духовное восхождение, по православно-исихастскому пониманию, есть продвижение человека к соединению с благодатью — стяжание благодати, Источник которой совершенно превосходит естество человека» и «в силу сопричастности онтологической основе не может быть описано как монопроцесс, направляемый целеполаганием воли человека» [90, с. 15].

С точки зрения христианства, педагогический компонент процесса воспитания составляет руководящее, наставляющее, «просвещающее» действие Божественной энергии, благодати Божией, оказывающее влияние на всех участников педагогического процесса. По мнению опытных аскетов, воспитуемые воспринимают ее действие тремя способами: «через человека» (старца, педагога-наставника или в духовных беседах с опытными соучениками); через книги,

чтение Священного Писания и патристической литературы; наконец, она непосредственно вразумляет «усердствующих в деле Божиим» и помогает им [198, с. 277]. Следовательно, с позиций христианства, можно сказать, что благодать – это одновременно и основной субъект воспитания, и главное воспитательное средство.

Необходимо подчеркнуть холистичность преобразования человека: «тело обоживается вместе с душой» [58, с. 99], отсюда вытекают патристические традиции признания ценности личности и всего состава психосоматического человека. Термины «обожение», «совершенство», «спасение» (т. е. избавление от духовной гибели), «святость» в христианстве синонимичны. Стремление к ним составляет смысл жизни человека и его цель, которая носит трансцендентный характер, поскольку «совершенство соединения с Богом» достигается «не всецело в пределах эмпирического существования человека» [307, с. 105–106], но в жизни вечной. От самого человека, от «качества» его земной жизни, от состояния его души зависит, будет он с Богом или без Бога в эсхатологической перспективе. Поэтому в христианстве вопросы образования и воспитания решаются прежде всего в контексте вечности.

Помимо трансцендентного свойства, непрерывности и «бесконечности», воспитательно-образовательный процесс в христианстве характеризуется тем, что осуществляется с учетом онтологической поврежденности человеческой природы (первородного греха) и направлен в первую очередь на преодоление последствий грехопадения.

В антропологическом учении и, соответственно, в педагогике христианства различают состояние человека до грехопадения и после него.

События истории грехопадения «первозданных» людей известны из Священного Писания: Адам и Ева не захотели идти к совершенству тем путем «послушания», который был указан им Творцом, и «вкусили от запретного плода» (Быт. 3, 6). Самый существенный момент грехопадения православная традиция обозначает как нарушение воли Бога и «отрыв от Бога» [216, с. 65]. Человек «остановил в себе приток Божественной благодати» [164, с. 70] и отпал от вечной

Божественной жизни, для которой он сотворен и к которой естественно, т. е. по природе своей, призван. «Самоопределением свободной воли» и ее неправильным употреблением человек разобщил себя с Богом [164, с. 99]: «человек не самодостаточная замкнутая система», он должен жить теоцентрично, «принужден черпать духовную энергию из внешнего источника», каковым является для него Бог, «питающий душу нетварной живительной силой» [199, с. 329].

По словам В. Н. Лосского, первоначальное устройство бессмертной природы человека было таково, что дух должен был находить себе пищу в Боге, душа – направляться к духу, тело – руководиться душой. Отвратившись от Бога, дух стал жить за счет души, душа начинает жить жизнью тела, а тело, вынужденное искать себе пищу вовне, в бездушной материи, находит в итоге смерть [164, с. 69]. Грех состоит в удалении от Бога, то есть от Жизни, она есть «лишение жизни», начало смерти [299, с. 67–69]. Грех первого человека заключается в неправильном движении сил души: «Вместо Источника жизни и обожения он обратился... к чувственным благам и в видимом мире стал искать для себя точки опоры» [84, с. 77], «искать источник жизненных сил где-то помимо Бога» [164, с. 329]; «все силы его души... наклонились ко злу, к страстям» [84, с. 77]. Иерархия человеческого состава нарушилась: «телесное начало неестественно возобладало над душой», и оба «противятся друг другу» [164, с. 329].

Библейский рассказ о грехопадении человека – это образ всякого человеческого искушения и падения. Грехопадением первых людей «грех вошел в мир, и грехом смерть» (Рим. 5, 12). Расположение ко греху и все его последствия стали для человека наследственными.

В своем конкретном проявлении грех – это нечистота, нечестие, несправедливость, «греховная похоть и ярость зверская», «неведение, самолюбие и тирания» [59, с. 148] и т. д., берущие начало в восьми главных греховных страстях, т. е. противоестественных движениях души, которые известны из патристической литературы. Их духовно-психологическому анализу уделяет большое внимание, в частности, прп. Нил Сорский. Совершается грех прежде всего в глубине человеческого духа, но последствия поражают все человеческое

существо. Грех отразится на душевном и физическом состоянии человека, он скажется на судьбе творящего грех. Грех неизбежно выйдет за пределы его индивидуальной жизни, отяготит злом жизнь всего человечества, а следовательно, отразится на судьбе всего мира.

Поскольку человеческая природа «после грехопадения... не может быть чистой, многое в ней следует исправлять, искоренять из нее зло и расстройство, произведенное грехом, а не следовать во всем этой испорченной природе» [291, с. 22]. Вывести человека из состояния противоестественного, вернуть его в состояние естественное, «природосообразное», и в дальнейшем возвести до состояния вышестепенного – в этом христианство видит главную задачу воспитания, а также и содержание процесса духовно-нравственного становления и, следовательно, правильного развития личности.

Гармонизация и переориентация сил души в процессе ее очищения от греховных страстей и *восстановление* иерархии психофизического состава – тела, души и духа – является жизненно важной и главной воспитательной задачей для каждого человека. Процесс этот совершается синергичным способом (συνεργεῖω, содействие, соработничество человека Богу, «богочеловеческий труд» [164, с. 195], т. е. Божественным действием при содействии человеческих нравственно-волевых усилий, подвига, трудов в исполнении нравственных заповедей. Аскетика, используя мысль С. С. Хоружего, – это ядро нравственной жизни [305, с. 234].

Аскеза, аскетизм (ἀσκησις) – упражнение, в данном случае – подвиг, подвижничество в исполнении христианских заповедей. С педагогической точки зрения, это система внешних и внутренних методов самовоспитания самосовершенствования (самоисправления), необходимых для приобретения добрых качеств в процессе духовно-нравственного совершенствования. Смысл аскезы – самовоспитание (самоисправление), т. е. «созидание условий» для «питающего» действия Духа Божия, «способ самоочищения и самоограничения от всего лишнего, что может быть помехой действию в нас Духа Святого» [164, с. 487].

Применение внешних аскетических методов (послушание (для отсечения своеволия), покаяние (для очищения от греховных мыслей, страстей и исправления действий), самоотвержение, уединение (удаление от «соблазнов мира»), телесное воздержание, самоограничение и др.) при волевом самопонижении в стремлении к цели особенно актуально для самосовершенствования на первом, т. н. деятельном (πράξις), этапе духовно-нравственного становления. Важнейшее условие действенности внешней аскезы — применение внутренних методов: постоянная концентрация молитвенного внимания (ума и чувства) в «памяти о Боге».

Основная задача этого этапа – очищение сил души (ума, чувства и воли) от греховных страстей, направление их к Богу и приобретение добрых качеств – становится достижимой через систему методов и средств «доброделания», т. е. исполнения духовно-нравственных христианских заповедей: участие в церковных таинствах, богослужении, борьбу с грехами в молитве, в «откровении помыслов», в отказе от самоволия, в терпении скорбей, в посте, бдении, труде, делах милосердия и т. д.

Методы и средства воспитания («как и с помощью чего спастись?») в христианстве – важнейший компонент педагогической системы. Их основное содержание дано в евангельском учении. На практике конкретные приемы применения средств разнообразно сочетаются, поскольку разнообразны аскетические формы «служения», способы «спасения» христианина и связанные с ними внешние и внутренние условия его жизни («мир» – монастырь, брак – монашество, община – уединение, и даже такие как материальная обеспеченность – бедность). Разнообразны внутренние склонности и предпочтения человека в выборе приемов аскетической деятельности; разнообразны воспитывающие жизненные ситуации. Выбор аскетических приемов воспитания (спасения), сочетание способов и приемов их использования часто зависят от вышеперечисленных условий, а иногда сам их выбор влияет на формирование этих условий.

Две подзадачи воспитания (борьба с грехом, заключенным в самом человеке, и возвращение в нем добра (добродетелей) тесно сопряжены друг с другом: «насаждение», возвращение всего того доброго, с чем связано понятие «человек», невозможно без соответствующей подготовки почвы, без освобождения ее от того дурного, что есть в человеке. В православии разработано обширное учение о борьбе с грехами и о воспитании добродетелей. Само понятие «добродетель» является обобщенной характеристикой высоких устойчивых нравственных качеств личности, в нем подчеркивается деятельная форма усвоения добра («добродетель», «добродетель») в противоположность рациональному знанию о добре.

«Самовоспитание по определенному образцу, при помощи Божией и при руководстве наставников» – таким образом определил сущность аскетической деятельности философ К. Н. Леонтьев. Именно деятельный период, с точки зрения педагогической, является наиболее личностно-активным этапом процесса становления, требующим как максимальных волевых усилий воспитуемого, так и интенсивного педагогического воздействия в виде духовного руководства. Цель руководства в христианстве – «нравственное улучшение... Педагог... учит нас такому образу жизни, который ведет ко спасению» [137, с. 68–69], внушает любовь к добру.

Деятельный подвиг служит подготовкой для второго – созерцательного периода (θεωρία), в котором достигаются главные цели духовно-нравственного совершенствования.

Процесс духовно-нравственного становления (и соответственно – воспитания, а также самовоспитания) начинается «с уничтожения внешних проявлений зла по плоти и заканчивается внутренней борьбой с помыслами» [164, с. 97]. В соответствии с этой последовательностью синергийный процесс воспитания можно поделить на периоды: деятельный (πράξις, аскетика) – искоренение греховных страстей под действием благодати деятельной добродетелью, требующей постоянного самопонижения; участие в таинствах; созерцательный (θεωρία, мистика) – созерцательные молитвенные состояния,

благодатное состояние, богообщение, что дает возможность обожения. Аскетический процесс от деяния к обожению называется подвигом, аскезой (продвижение от образа к Первообразу).

Обожение совершается Божественным действием, или, что то же, Божественной энергией, благодатью. Прообразом полноты энергийной соединенности Бога и человека, по словам С. С. Хоружего, служит соединенность двух энергий в Богочеловеке Иисусе Христе [304, с. 137–138], Который является для христиан онтологическим идеалом, основанием и мерилom духовно-нравственной жизни.

Духовность и нравственность являются важнейшими общечеловеческими свойствами и характеристиками личности.

Понятие «нравственность» принято определять как «совокупность общих принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу» [221, с. 37]. Видимо, нельзя полностью согласиться с такой трактовкой этого понятия, потому что данное определение больше соответствует понятию «мораль» как «устоявшейся в нормах и предписаниях форме нравственности» [319, с. 374].

Нравственностью же можно назвать «определенный, устойчивый образ внешнего поведения и внутреннего настроения человека, вырабатываемый им самим при помощи собственного свободного самоопределения во имя чувства долга и направленный к осуществлению высшего блага – добра» [196, с. 18]. Или, проще, общечеловеческая, естественная нравственность – это «доброта по свободному выбору», ее начало – «различение “хорошего” и “дурного”» [Там же, с. 33, 12]. Нравственные устремления исходят из «идеи добра, как безусловной нормы и высшей, конечной цели нравственности», которая «является путеводной звездой для нравственной деятельности человечества» [Там же, с. 18].

Критерий добра, с позиций религиозного сознания, находится в Боге, как абсолютном Добре, верховном Благе, Источнике благ. Поэтому добро в христианстве – это то, что способствует соединению, слиянию с Богом, выполнению Его благой воли, открытой человеку в Божественном Откровении, а

зло – то, что препятствует этому. Законы христианской жизни даны Иисусом Христом в Евангелии и Его заповедях и делах, которые «не менее слов учат... милосердию, надежде, вере и любви» [4, с. 97], послушанию, самоотверженности, всепрощению – одним словом, нравственному совершенству. Высота христианской этики, укорененной в истинах догматического учения, по мысли философа С. Н. Трубецкого, обуславливается «тем единым и совершенно новым, чисто религиозным основанием, которое Он [Иисус Христос] дал нравственной жизни, установив в Своем лице новое отношение к Богу и к миру...» [284, с. 491]

С точки зрения христианства, нравственный идеал заключается в общении с живым, личным Богом, что полностью отвечает глубинной потребности человеческой природы и совести человека как проявлению данного ему при сотворении естественного нравственного закона: «нравственный долг есть непосредственное откровение Абсолютного – это голос Божий внутри человека» [196, с. 52]. «Идея богоподобия является основоположением морали человека, критерием нравственных действий человека и основанием для нравственного развития его... Созданный по образу и подобию Божию человек по самой природе своей не может не искать общения с Богом, не только как со своим Началом и Первообразом, но и как с Верховным Благом» [Там же, с. 68, 20].

Содержание понятия «нравственность» и сущность религиозной, христианской нравственности И. П. Николин раскрывает следующим образом: «Хорошим в нравственном смысле мы называем характер, духовный склад, внутренний строй личности, а не отдельный поступок. И общество может полагаться на человека, и он сам может быть уверен в себе только тогда и постольку, когда и поскольку он обладает нравственным характером, который проявит себя во всех отношениях и обстоятельствах, а не временно и случайно. Высшая нравственность – христианская – отдает решительное предпочтение настроению, а на дело смотрит, как на естественное последствие этого настроения, нисколько не увеличивающее его ценности. Стоит только прочитать Нагорную проповедь Иисуса Христа, и мы увидим, что Он полагал сущность нравственности во внутренней настроенности, запрещая не худые дела, как это

было по преимуществу в Моисеевом законодательстве, а самые мысли дурные и похотливое вожделение. Евангелие – закон не буквы, а духа, определяющий не частные действия и поступки человека, а внутренний строй его жизни, внутренние его расположения и стремления. Оно говорит собственно не о том, что должен и чего не должен делать человек, но каков должен быть сам человек в его мыслях, желаниях и чувствах. Если настроение не переходит в дело по обстоятельствам, не зависящим от воли нравственного деятеля, этим нравственная ценность настроения нисколько не уменьшается» [196, с. 37].

Дополним, что добрая христианская нравственность, добрый нравственный настрой, выраженный социально, ведет к высокой морали, к «доброму поведению», подлинной «культуре чувств и отношений» [2, с. 30] между людьми.

Нравственные качества человека – доброта, самоотверженность, незлобие, любовь к ближним и т. д. – являются одним из внешних проявлений такого потаенного, глубинного свойства личности, как духовность, и свидетельством истинности духовных устремлений человека. Так, «прп. Симеон Новый Богослов говорит, что “в духе ходит” тот человек, кто благоразумен, терпелив, кроток, кто молится и созерцает» [104, с. 12] Бога. Высший, созерцательный период духовного восхождения характеризуется обретением целостности человеческого естества, неотъемлемым свойством которого становится добродетель как качество души – внутреннее, сердечное предпочтение добра злу. Добродетель, по словам свт. Василия Великого, завершается пребыванием у Бога и общением с Ним в любви [299, с. 67–69].

Понятие «духовность» (πνευματικότητα) происходит от слова «дух» (πνεύμα). По определениям христианского богословия, дух человека – «высшая способность разумной души, посредством которой человек входит в общение с Богом» [216, с. 68], личностная «ипостасная основа человеческого существа» [164, с. 72]. Философ И. А. Ильин духом называет «то, что объективно значительно в душе» [108, с. 23]. Соответственно, духовность – это состояние человека духовного (πνευματικός) [104, с. 8], т. е. такого, жизнь духа которого имеет векторную направленность к Богу, к абсолютным ценностям, и в котором,

по словам христианских аскетов, действует благодать Духа Божия. Духовность ими определяется также как степень преображенности человека благодатью [202, с. 335]. Носителями и выразителями духовности в христианстве являются в наибольшей степени святые, они же – «наиболее естественные из людей» [104, с. 37], они «вносят в жизнь свет и радость не только своими отдельными делами и произведениями, а самую свою личность», и являются «настоящими учителями жизни» [4, с. 364–365]. Этот факт признают и нерелигиозные (нехристианские) психологи. «В некотором смысле только святые представляют собой человечество», – заключает А. Маслоу свои рассуждения о «целостном, здоровом человеке» [309, с. 116–117]. Нельзя не согласиться с мнением А. А. Королькова, который отмечает: «Духовность – это проявление устремленности к совершенному, идеальному, целостному. Духовность преодолевает утилитаризм, чисто практическое, точнее – прагматическое, бытие человека» [148, с. 4].

Духовность и нравственность взаимообусловлены, не проявляются в человеке в отдельности. «Люди действуют сообразно тому, насколько и каким образом развит дух их» [97, с. 116], склоняясь к добру или ко злу. «Нравственность есть одно из измерений духовности человека» [267, с. 335], – подтверждают эту мысль современные психологи.

Поскольку «оживляет индивидуальный дух человека и к Богу его устремляет» [Там же, с. 335] исключительно Божественная энергия, благодать, то нравственное совершенствование, с православной точки зрения, является возможным лишь через стяжание благодати в церковной жизни.

Таким образом, нравственное совершенствование и духовное восхождение человека представляют собой единый процесс – духовно-нравственное становление, или «возвышение из низменности и чувственности к Божественному совершенству» [Там же, с. 130], проходящий при наличии главных воспитательных условий: приобщения к питающей энергии благодати, аскетической деятельности по самовоспитанию (самоисправлению), педагогического руководства наставника. По мнению диссертанта, духовно-

нравственное воспитание (включая педагогический компонент) с позиций христианства характеризуется следующими сущностными свойствами:

– целостность. В аскетико-воспитательном процессе участвует не только душа, но и весь психофизический состав, в частности соматика, поскольку, в соответствии с патристической традицией, человек – это «воплощенный дух» [130, с. 76], а тело – инструментальное начало, позволяющее ему совершенствоваться. Воспитывая тело и силу воли (трудом, постом, бдением), предохраняют тем самым и «дух от праздности» [221, с. 28].

В этой связи необходимо говорить о приоритете духовно-нравственного воспитания над другими видами воспитания. Духовно-нравственное воспитание по своей сути включает в себе все направления воспитательного процесса, поскольку никакая деятельность не может принести положительных результатов без осознания духовно-нравственной цели и без «крупных переломов в психических навыках» [91, 48] воспитуемых, т. е. без духовной работы по исправлению нравственных искажений.

– природосообразность. В процессе воспитания человек восстанавливает природные силы своей души и выполняет свое естественное назначение;

– непрерывность (бесконечность), что вытекает из трансцендентного характера целей;

– церковность; синергийность. Церковь – это и есть высшее и подлинное единство человеческого объединения;

– теоцентричность, устремленность человека к высшему, к Богу;

– двустороннее, предполагающее совместное возрастание педагога и воспитуемого.

– гуманистичность, основано на «гуманности о Христе» – христианской любви к людям.

Духовно-нравственное воспитание, таким образом, можно охарактеризовать как процесс *восстановления* и развития всех сил человека (как телесных, так и душевных) и его духовного становления как обретения целостности и «превосхождения естества» в личностном бытии [303, с. 169]. Процесс

совершается энергией Божественной, «с которой человек лишь сообразует свои тварные энергии в синергии» [303, с. 169]. Добродетель, по словам свт. Василия Великого, есть целостность души. Она завершается пребыванием у Бога и общением с Ним в любви [299, с. 67–69].

1.2. Духовно-нравственные учебно-воспитательные традиции Древней и средневековой Руси

Традиции христианского духовно-нравственного воспитания были восприняты Древней Русью одновременно с принятием ею православия от Византии (X в.).

Христианские «идеи и чувства» стали основой нравственного единства общества. По словам К. Н. Леонтьева, они «сплотили в одно тело Русь» [159, с. 104] и сформировали всю русскую культуру – государственные традиции, семейный уклад, обычаи, домашний быт русских людей, архитектурно-художественную и литературную жизнь. Вместе с православной верой и церковной организацией Русь восприняла и духовно-культурное наследие христианской образованности, «византийскую высокую культуру» [Там же, с. 25], традиции просвещения, учительства, педагогического руководства, основанные на христианстве. «Педагогика Древней Руси строилась на Православном жизненчувствии, – отмечает Е. А. Князев, – ибо Церковь утверждала и внедряла христианский идеал воспитания, способствующий духовному перерождению». В стремлении помочь справиться с духовными недугами, опираясь на христианскую мораль, духовные учителя разработали целостную систему воспитания народа русского.

«У нас образовательное начало заключалось в нашей Церкви», – утверждает славянофил И. В. Киреевский [133, с. 74], указывая церковность в качестве главного принципа и сущностной характеристики древнерусской педагогики. Обучение как часть целостного образовательного процесса не мыслилось в

Древней Руси в отрыве от церковной жизни и духовно-нравственного воспитания на церковной основе. Этим восточная система образования, в частности древнерусская, в корне отличалась от западной рационалистической. Россия стала Россией на духовных основаниях православного верования. Судьба народов вообще определяется их верованием. Исторические вехи становления Руси – России связаны с именами святого князя Владимира (крещение Руси), с духовным самоопределением православной веры в «Слове о законе и благодати» митрополита Киевского Илариона (XI в.), с единением русского воинства на поле Куликовом под духовным водительством преподобного Сергия Радонежского. Дух доброты, милосердия, правдолюбия и праведности, совестливости, искренности, трудолюбия, семейного и соборного братства формировался в крестьянском православном быту, и потому освоение основ православной культуры предполагает отнюдь не изучение только основ евангельских заповедей, но проникновение в сокровенный дух жизни русского народа, его традиций бытовой, всей народной культуры [149, с. 77].

По историческим свидетельствам, «равноапостольный князь, как только крестились киевляне, повелел приводить на крещение людей по всем градам и селам и всюду устроить церкви» [173, с. 77]. При его преемнике князе Ярославе церковное строительство развернулось: «...заложи же и церковь святая Софья, митрополю, и посем церковь на Золотых воротах святое Богородице Благовещенье, посем святого Георгия монастырь и святая Ирины. И при сем нача вера хрестьяньская плодится и разширяти» [230, с. 65].

«Научение в храмах», молитва, богослужение, «язык иконописи» являлись главными средствами обучения и в то же время средствами к духовно-нравственному возрастанию, «восприятию мира духовного» с целью «направить чувства, ум и всю человеческую природу на путь преобразования» [285, с. 145–146]. Вероучительные истины и нравственные заповеди христианства усваивались через церковную службу, содержание православной гимнографии, а также по мере изучения Священного Писания и погружения в патристическую традицию, т. е. в бытийном усвоении духовной жизни Церкви [133, с. 75] с ее таинствами и

обрядами. Отсюда любовь древнерусских христиан, монахов и мирян к молитве, церковному уставу, «истым» богослужениям, постоянное участие в них, строгое соблюдение постов и других православных норм, имеющих большой назидательный, воспитательный, дисциплинирующий смысл. Дела «внешнего благочестия», которые столь часто подвергаются критике (напр., в трудах А. С. Архангельского [12, с. 220–232], были отнюдь не «узким формально-обрядовым направлением» [Там же, с. 232], а действенными элементами системы воспитания.

«Всякому известно, что христианская религия, христианское религиозное образование могущественно и больше всякого другого содействует развитию в человеке отвлеченных понятий, высших, даже в научном смысле, начал жизни», — замечает М. О. Коялович [153, с. 451]. Поэтому, по словам исследователей, на Руси существовали благоприятные условия для «преуспевания в книжной премудрости» [133, с. 69], а русская образованность, укорененная в духовно-нравственной культуре, с первых веков христианизации получила широкое развитие.

Христианское просвещение своего народа святою верою князь Владимир начал с собственного семейства. Известно, что, например, Ярослав, Мстислав, Изяслав и Борис были научены грамоте и сами любили читать книги. Главным советником и содействователем в этом деле для великого князя Владимира был первосвященник Михаил. Он, если верить Степенной книге, призывал к себе учителей и наставлял их учить детей не только грамоте, но и православной вере и благонравию, действовать на них «не гневом и не жестокостию, а ласковостию и страхом, растворенным любовью, и благоразумно приспособляться в своих уроках к силам и понятиям каждого» [173, с. 77–78].

С первых дней Крещения Руси Великий князь начал заботиться о том, чтобы как можно больше людей знали христианство, могли читать. С этой целью он распорядился, чтобы в каждом приходе при церкви находилась школа, в которой местное духовенство занималось бы обучением детей. В этих школах, как известно, учили читать, писать, считать и петь.

Но образование не могло ограничиться его началами. Потому начинают открываться школы, в которых давалось более высокое образование. Летописи говорят, что «равноапостольный князь повелел “поимати у нарочитое чади дети и даяти на ученье книжное”»... Для них было открыто училище, которое и стало со временем своего рода высшей школой Древней Руси.

По примеру св. Владимира, который «любил словеса книжная», и князь Ярослав Мудрый «насея книжными словесы сердца верных людей» [230, с. 65]. Обучение в структуре образования Древней Руси было тесно связано с духовно-нравственной целью воспитания.

Создавались училища, о чем свидетельствуют источники [11, с. 92]. В них обучали грамматике, риторике, литературе, языкам, особенно греческому, что необходимо было и для профессиональной подготовки будущих служилых людей и, по свидетельству летописца, для получения ими «пользы от ученья книжного», «ученья Божественного»: «Книгами бо учими есмы пути покаяню» [Там же].

Известные русские педагоги также отмечают необычное, благоговейное отношение в прошлом к книге, и не только как к «источнику знаний», но и как к источнику «Божественной премудрости». По словам Н. И. Ильминского, «перед чтением крестились, после чтения целовали книгу по примеру духовенства» [110, с. 179].

С. А. Рачинский говорит о том, что в народном понимании грамотность, учение всегда рассматривались «как ключ к тайнам молитвы, жизни вечной, Божественной премудрости» [246, с. 18]. «Читать книги значило тогда “учиться путям покаяния”, точно так же и списывание книг получало значение дела богоугодного, душеспасительного: этим давалось средство и другим “беседовать с Богом”» [12, с. 240].

Вот слова одного «книжного» древнерусского старца XV в., приведенные А. С. Архангельским: «...учуся буквам благодатного закона, дабы мощно моя грешная душа очистити от грехов» [Там же, с. 219]. Эти и подобные исторические свидетельства подтверждают, что целью книжного обучения и воспитания русичи

считали совершенствование души, «религиозное развитие сердца», а не одно интеллектуальное развитие.

Одновременно с принятием христианства на Руси появились переводы из Священного Писания, богослужебные книги на церковно-славянском языке. Они пришли в основном из Византии и южнославянских стран византийского мира. Сохранились свидетельства, что и на Руси начался перевод книг: «И бе Ярослав любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьце, и книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне; и собра письце многы и прекладаше от грек на словенское писмо, и списаша книги многы» [130, с. 65].

Псалтирь, чтение которой составляет важную часть православного богослужения, стала любимой и наиболее читаемой книгой на Руси [127, с. 14–26]. Она стала также главной учебной книгой, основой начального обучения и дальнейшего образования. В предисловии к «Славянской грамматике» Мелетия Смотрицкого, изданной в Москве в 1721 г., говорится, что «издревле российским детоводцам обычай бе и есть учити дети малые вначале азбуце, потом же Часослову и Псалтири» [218, с. 14]. В христианстве считается, что чтение и пение псалмов (псалмопение) «утешает» и благотворно влияет на душу, поскольку в процессе чтения человек усваивает содержащиеся в тексте основные вероучительные положения и «правила для деятельности» [Там же]. Содержащиеся в псалмах образы и примеры оказывают большое учебно-воспитательное воздействие, как отмечают исследователи [Там же].

Собственно научно-образовательное значение на Руси имели «Азбуковники», которые представляли собой энциклопедии средневековых знаний – естественнонаучных и философско-богословских.

Среди литературы, переводной с греческого, пользовались особой любовью агиографические материалы, содержащие поучительные образцы жизни святых. «Жития, жизнеописания подвижников стали любимым чтением древнерусского грамотного человека. В народной памяти они образовали сонм новых сильных людей» [140, с. 327–328]. Широкое распространение получила патристическая литература – вероучительная и нравственно-аскетическая (творения свв. Иоанна

Златоуста, Ефрема Сирина, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Лествичника, Иоанна Дамаскина, Афанасия Александрийского). Исследователь Н. К. Гудзий отмечает, что «это был преимущественно материал нравоучительный, дидактический» [65, с. 59–60]. Ключевский настаивает не только на морализирующем, но прежде всего на духовно-практическом, аскетическом значении чтения житий для «поддержки молитвенного духа». Он делает важное в воспитательном плане замечание: «Житие обращено собственно не к слушателю или читателю, а к молящемуся. Оно более чем поучает: поучая, оно настраивает, стремится превратить душеполезный момент в молитвенную склонность. Цель жития – наглядно показать, что все, чего требует от нас заповедь, не только исполнимо, но не раз и исполнялось, стало быть, обязательно для совести» [140, с. 329]. «Аще бо поищещи в книгах мудрости прилежно, то обрящещи великую ползу души своей; иже бо книги часто чтеть, то беседует с Богом, или святыми мужи; почитая пророческия беседы, и евангельская ученья и апостолская, житья святых отец, възприемлет душа велику пользу», – эти слова летописца свидетельствуют, что в книгах древнерусские христиане искали прежде всего Божественного откровения и духовного руководства [230, с. 66].

Об огромном педагогическом значении, «влиянии литературы» и ее направлении говорит исследователь жизни и писаний преп. Нила Сорского А. С. Архангельский. Он же считает, что именно «аскетические тенденции были в ней господствующими»: «Патерики, жития святых, сказания о страданиях мучеников с X–XI вв. были любимым чтением наших книжных людей, а через них проходили и в массу народа. Весь литературный материал... развивал исключительно монастырские идеалы» [12, с. 7].

И действительно, именно жития преподобных старцев можно назвать в числе любимейших литературно-назидательных произведений и важнейших воспитательных средств. *Жизнь преподобных, максимально уподобившихся Богу, показывала примеры достижения идеалов духовно-нравственного совершенства, указывала основу и аскетические методы воспитания в добродетелях, дававшие человеку средства приблизиться к состоянию «равноангельскому».*

Следовательно, образованность была призвана помогать самоисправлению и сочеталась у древних русичей с духовным опытом, который они считали основой религиозных знаний.

Одним из самых первых примеров христианского благочестия на Руси стали дети св. Владимира – Борис, Глеб, Ярослав. Они принесли первые плоды духовно-нравственного воспитания, и плоды эти были очень велики. Свв. Борис и Глеб, по словам летописца, «пребыста в поучении Божиих словес, милостиню творяща нищим, и убогим, и вдовам» [173, с. 231]; оба, умирая мученической смертью, молились за своих врагов [270, с. 40]. Юные стратотерпцы явили на Руси и первый образец братской христианской бескорыстной любви.

«Христоробец, как часто называет Ярослава преподобный Нестор, употреблял все средства к утверждению в стране своей веры Христовой, которая действительно начала при нем “плодиться и расширяться”, к распространению между подданными своими священных и назидательных книг, которые повелевал писцам своим списывать и предлагать для чтения всем желавшим поучаться; созидал обители и храмы, для которых нередко не щадил никаких издержек; любил церковные уставы; весьма любил духовный и чернеческий чин; сам часто с прилежанием читал днем и ночью священные книги и заботился вкоренить христианское благочестие в собственном семействе», – говорит церковный историк митрополит Макарий (Булгаков). Он еще раз перечисляет «воспитательные воздействия» великих князей для духовно-нравственного совершенствования подданных:

«Для насаждения святой веры и благочестия христианского в народе употребляемы были все средства. С этою, между прочим, целию св. Владимиром и Ярославом заведены были училища; с этою целию по воле последнего были приобретены, списаны и даже вновь переведены “книги многы”, которыми поучались верные люди; с этою целию умножаемо было число храмов и Ярослав обязывал священников, чтобы они... собирали народ и учили его истинам христианства. С этою целию... духовенство христианское наблюдало за нравственным поведением каждого из верующих, входило непосредственно в

самый быт семейный и, искореняя в нем остатки прежней языческой жизни, преобразовывало его по началам христианским. Наконец, с этою же целию оба великих князя – Владимир и Ярослав – любили светло торжествовать праздники христианские, созывали на них из всех градов бесчисленное множество народа, предлагали ему здесь после назидания духовного от священнодействий Церкви и телесное утешение, раздавали великую милостыню бедным и несчастным и, нередко торжествуя подобным образом по несколько дней сряду, приучали своих подданных мало-помалу забывать прежние языческие празднества и привязываться духом к светлым праздникам христианства. И не напрасны были все такие меры. По словам преподобного летописца, еще сам св. Владимир радовался “душею и телом, видя люди хрестьяны суща”, радовался потом и Ярослав, видя множество церквей “и люди хрестьяны зело”» [128, с. 490].

Исторические документы говорят и о специфических мерах, применяемых князьями-христианами к «злонамеренным» людям, когда другие виды воздействия оказывались неэффективными: «При великом князе Владимире такое последовало замешательство от опущения виновным наказаний, что от злых людей и житья добрым не было. Почему уже и приступили тогда к блаженному князю добрые люди, чтоб защитил их от злых, восстановил бы паки казни. Тогда паки и восстановили за злодеями наказания» [164, с. 183], «но по правде, с испытанием» [192, с. 206]. Наказаниям подвергались также волхвы, отвращающие от христианства и «прельщающие» народ. Принципиальная твердость и нетерпимость по отношению ко злу, решительные меры против злых дел, нравственная ответственность, оправданная целью строгость – ключевые черты древнерусского духовно-нравственного воспитания.

О постоянном взаимодействии (симфонии) государственных и церковных властей пишет Ключевский. С одной стороны, на церковную власть «возложено было много чисто земных забот, близко подходящих к задачам государства. Она является сотрудницей и нередко даже руководительницей мирской государственной власти в устроении общества и поддержании государственного порядка... Церкви была предоставлена широкая юрисдикция над всеми

христианами...» [140, с. 308]. С другой стороны, государственная власть начинала христианизироваться и расценивать свою деятельность как религиозно-нравственное служение. Древнерусские судебники «Русская Правда» и в особенности «Уставы» Владимира и Ярослава, по словам Ключевского, являлись не самостоятельными кодексами, но «стояли близко к церковно-византийским источникам права» [140, с. 322].

Интересно замечание А. Нечволодова по поводу трудов летописцев-монахов: они заносили в своды «рассказы о светских и государственных делах, имевших место на Руси» [192, с. 301]. Следовательно, общественно-политические «дела Русской земли» [192, с. 300] воспринимались русичами как церковное дело – черта, характерная для общей духовно-нравственной позиции христианства.

Имея объектом своего нравственного воздействия личность, церковная педагогика воздействовала на все сферы жизни народа: социальную, политическую, научно-культурную. «Святоотеческая ученость» определяла направление науки [159, с. 500]. Исследователь творчества прп. Нила Сорского А. С. Архангельский замечает, что «монастырь, как представитель Церкви, был единственным центром умственных работ... местом библиотек... отсюда исходили все знания, какие существовали тогда на Руси» [12, с. 8–9].

Церковная эстетика формировала каноны архитектуры, живописи. По замечанию Л. А. Успенского, «теорией искусства» было учение Церкви, «принципы мировоззрения являлись одновременно принципами стилистическими изобразительного искусства» [285, с. 218].

В. О. Ключевский, рассматривая вопрос о воспитательном воздействии христианства «своими правилами» «на быт и нравы русского общества в первые века его христианской жизни», говорит о большом нравственном влиянии на «политический порядок, на общество, на семью» и подводит итог: «...Церковь старалась... устранить княжеские усобицы, внушить лучшие политические понятия, разъясняя князьям истинные задачи их деятельности и указывая наиболее пригодные и чистые средства действия... Она... прививала новые, лучшие юридические понятия и отношения и с помощью их изменяла быт и

нравы общества. Точными и строгими предписаниями... она очищала нравы, вносила право и дисциплину туда, где прежде господствовали инстинкт и произвол... Она соединяла в одно общество людей разных состояний... во имя религиозно-нравственных побуждений» [139, с. 330].

Опыт усвоения нравственных норм христианства, самовоспитания и внутренней духовно-нравственной работы отражен, например, в таком значительном древнерусском оригинальном произведении педагогического содержания, как «Поучение Владимира Мономаха» [230, с. 100–107] (XI в.). Оно учит христианским заповедям и заключает в себе активный призыв к их исполнению. Педагогическое руководство, регламентирующее повседневную жизнь русичей, и конкретный план воспитания содержится в более позднем литературном памятнике – «Домострое» (XVI в.), где указываются ориентиры и принципы христианской жизни (выполнение заповедей, сообразный с монастырским уклад, ежедневное посещение богослужений, почитание святых, постоянное общение с духовником, домашняя молитва, общая воздержанность во всем, благопристойное поведение, послушание) [74].

Эти памятники имеют большое значение для характеристики педагогических идей средневековой Руси и духовно-нравственного состояния русских людей, в том числе представителей княжеской власти. Безусловно, на практике идеалы не всегда оказывались достижимы, но все же древнерусская действительность дает целый ряд примеров их воплощения, прежде всего в личностях святых. Историк А. Нечволодов говорит о «набожности» многих русских князей, о любви их к отечеству и своему народу, о добрых нравах русичей, их благородстве, трудолюбии, о взаимном уважении, «родственной простоте» в отношениях, почитании старших и «начальных» в результате выполнения христианской заповеди любви.

В целом об органичности восприятия христианства на Руси, о «глубоком усвоении его русской нацией» пишут и русские исследователи (К. Леонтьев), и западные (В. Шубарт) [159, с. 159]. В результате Русь «постепенно стала

осознавать себя наследницей культуры Царьграда, святынь Византийской империи» [245, с. 43].

1.3. Теория и практика исихазма как теоретико-методическая основа педагогического учения преподобного Нила Сорского

В XIV в. и в эпоху прп. Нила, в XV в., не только русское монашество, но и вся Русь вслед за странами византийского мира переживала религиозно-культурный подъем, который в исследованиях определяется как «православное Возрождение» [219, с. 10–26].

Мощным импульсом для него стало учение исихазма (ἡσυχασμός от ἡσυχία (исихия) – безмолвие, покой). Аскетический термин «исихия» обозначает особое, отличное от покоя психосоматического, состояние «духовного покоя», «безмолвия души», «тишины помыслов» в результате преодоления действия греховных страстей через «очищение себя добродетелью».

Понятие «исихазм» происходит от слова «исихия». Термин «исихазм» или «священное безмолвие» присущ исключительно христианству, его можно конкретизировать в нескольких основных значениях. Рассмотрим те стороны понятия, которые представляют интерес в контексте темы данной работы.

Исихазм в целом – это главное русло богословско-аскетического предания православия, православная концепция спасения [305, с. 235]. Духовный опыт, приобретаемый посредством исихастской практики, составляет стержень нравственной жизни православного аскета.

В раннехристианские времена исихастами – «безмолвниками», «созерцателями» – назывались египетские и ближневосточные монахи-пустынники, посвятившие себя углубленной молитвенной практике. Учение исихазма, по словам исследователя, также «было любимо и исполняемо на Афоне... Оно таилось в келлиях афонских безмолвников» [234, с. 806].

Основные теоретические и опытно-практические положения исихазма раскрыты в писаниях св. Симеона Нового Богослова (IX–X вв.).

Эти традиции были восприняты основоположником русского монашества преподобным Антонием Печерским, который передал эту традицию русским монахам, прежде всего монахам Киево-Печерского монастыря во главе с преподобным Феодосием.

На самом же Афоне традиции исихазма продолжали развиваться христианскими богословами и аскетами. Главными выразителями и носителями этого учения были афонцы – хранители православных традиций, и в первую очередь свв. Григорий Синаит и Григорий Палама в XIV веке. Они же были учителями своих многочисленных духовных преемников. Одним из них на русской почве выступил прп. Нил Сорский. Их взгляды вылились в синтез учения об обожении («богословие энергий» свт. Григория Паламы) и аскетической практики очищения души от греховных страстей методом «умного делания».

«Мысленное делание», «внимание», «умное безмолвие», «хранение сердца», «делание сердечное», «мысленное блюдение» – эти понятия в качестве синонимов «умного делания» и молитвы постоянно употребляет прп. Нил. Остановимся на некоторых аспектах исихастского учения и внутреннего «умного делания», что необходимо для понимания сущности воспитательных идей прп. Нила, поскольку именно богословско-аскетическая концепция исихазма являлась общей методологической основой его воспитательной системы.

В аскетической системе исихазма духовно-нравственное восхождение, как говорилось выше, совершается в два этапа – «деяние» (πράξις, практика) и «созерцание» (θεωρία, теория), которые неотделимы друг от друга и направлены к одной цели. Внешние методы искоренения греховных страстей и средства «доброделания» исихасты сочетают с внутренним «умным деланием», придавая последнему решающее значение. Этот уникальный аскетический метод используется исключительно в православии. Он заключается в концентрации внимания (т. е. «собранности ума в Боге», «памяти о Боге») и в «трезвении» (т. е. непрестанном контроле над мыслями и внутренними движениями чувств). За

всяким занятием, во время работы и отдыха аскет старается хранить ум от мыслей, образов и воспоминаний, имеющих греховно-страстную основу. Отсечению их, сопротивлению им и удержанию самоконтроля способствует непрерывно повторяемая Иисусова молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго» (или ее сокращенные варианты) [219, с. 53–54].

Вниманию человека, контролю сознания исихасты в своей практике придают особое значение. Они видят самый существенный момент грехопадения первых людей именно в ценностной переориентации и в перераспределении внимания с Бога на чувственный мир и настаивают на непрестанной «памяти о Боге». «Отклонившийся и удалившийся от Бога ум всюду водится, как пленник, и не может установиться иначе, как если не подчинится Богу, не поставит себя в зависимость от Него, не соединится с Ним радостно и если не будет часто и напряженно Ему молиться... Когда в сердце наступит действие молитвы, тогда оно совершенно удержит ум около себя, обрадует его и не допустит до пленения», – говорит прп. Григорий Синаит [60, с. 115].

Поэтому, по словам исихастов, «память о Боге, или умная молитва, выше всех родов деятельности» [Там же, с. 124]. Подвижники дают подробные указания, как нужно «заключать ум в сердце» [Там же, с. 96], устранять помыслы, описывают некоторые внешние, так называемые «художественные», приемы молитвенной практики.

«Художественные» приемы не только помогают собрать внимание, сосредоточиться, но и имеют глубокий антропологический смысл: поскольку обожению, по учению исихазма, подлежит весь психофизический состав человека, то и тело должно быть вовлечено в молитву, стать соратником души. Так же и смысл телесного подвига заключается не в «уничтожении плоти», а в ее очищении и приспособлении для служения душе.

Исихасты, и в особенности прп. Григорий Синаит и свт. Григорий Палама, развивают христианское учение о трех силах (способностях) души. Они следующие:

- мыслительная (ум, мысль). Это т. н. разумная часть души, средоточие человеческого духа (духовности, духовной жизни);
- раздражительная (чувства);
- желательная (воля). Эти две способности души составляют т. н. страстную ее часть [323, с. 663].

Как Бог имеет Свои нетварные сущность (ουσία) и энергию (ενέργεια), так и душа имеет свои сущность и энергию, но с тем различием, что они созданы, тварны. В системе понятий исихастской аскетической антропологии различается «сущность» человеческой души и ее «энергия». Первая соответствует понятию «сердце» (καρδία), вторая – понятию «ум» (νοῦς, разум) [164, с. 52–53]. Сердце – «средоточие душевно-телесной организации человека», «вместилище духа»; «душа (ψυχή), как субъект личной жизни, имеет в духе (πνεῦμα) свой высший, богоподобный принцип, а в сердце – свой непосредственный орган, в «котором концентрируется вся личная жизнь человека» [88, с. 577–582].

С позиций аскетической антропологии рассудок (λογική) и ум – два разных, в некотором смысле противоположных начала: «Исконная миссия ума — находиться в непрерывном молитвенном общении с Богом, с его помощью человек призван обрести опыт богопознания, постигать невидимое, ему присущ молитвенно-созерцательный опыт восприятия, постижения. Изначальное место “обитания” ума отнюдь не голова, но сердце. Напротив, рассудок – это орудие, посредством которого мы осознаем окружающий материальный мир, входим с ним в соприкосновение, с его же помощью, когда есть необходимость, излагаем, насколько возможно, результаты этого опыта. Предназначение рассудка – заниматься земными попечениями, оперировать понятиями чувственного трехмерного мира. Его способность познавать тварное – видимое, осязаемое, конечное – осознается нами как функция интеллекта, а “территориально” его деятельность привязана к области головного мозга. В работе рассудка задействуются прежде всего наши низшие познавательные способности, такие как воображение и память. Посредством наблюдения, чтения, слушания рассудок собирает для себя материал, получая сведения обо всем, что существует и

является в пространственно-временных отношениях. Полученное через исследование и изыскание рассудок обрабатывает: анализирует, обсуждает, обобщает, конкретизирует. Но рассудок и его телесный орган – головной мозг – это всего лишь инструмент познания, но не орган постижения» [296, с. 54–55].

Деятельная способность рассудка (ум практический) отличается от созерцательной способности ума (ум теоретический).

В результате грехопадения и нарушения гармонии душевных сил ум человека отделился от сердца и соединился с рассудком. Ум усвоил себе «заботу о земном и тленном», «рассудочные помыслы» и утратил «природную способность пребывать в молитвенном памятовании о Боге», тогда как «человеческое бытие немислимо вне общения с Источником бытия» [165, с. 10]. Грех – это дисгармония человеческого бытия, фактически рассредоточение сил души и неверная, не на служение Богу и не к добродетели, направленность трех ее способностей: «помрачение ума», «испорченность воли» («расслабленность души»), «оскверненность чувства» [164, с. 82–85]. Без победы над этими греховными проявлениями нет возможности единения с Богом, поскольку, как учат аскеты, греховные страсти «суть дверь, заключенная перед лицом чистоты» [118, с. 254].

Только будучи перенаправленным из рассудка в сердце (для достижения этого исихасты применяют определенные аскетические приемы), сосредоточившись там при помощи молитвы, ум освобождается от рассудочных помыслов; «ум очищается», по словам прп. Нила [238, с. 99]. После этого ум способен пребывать в состоянии «трезвения»: он может теперь контролировать работу интеллекта и сердечные движения низших сил души – воли и чувства [164, с. 689]. Этим путем возобновляется нормальное взаимодействие «сущности» и «энергии» души, очищаются и правильно направляются ее способности, душа приходит в доброе духовно-нравственное состояние.

Очищение сердца от греховных страстей совершается, таким образом, посредством «умного» (или «умно-сердечного») «делания», т. е. молитвы и «трезвения». Но есть и своя специализация: воля воспитывается в аскезе

(послушании, всестороннем воздержании), чувства – в делах милосердия, ум – через «умное делание». Когда все три способности (силы) будут очищены и направлены на служение Богу, то это и станет гармонией целостного состояния души. В этом «естественном» состоянии открывается возможность обожения, т. е. реализации всех высших способностей человеческого естества [164, с. 64–65].

Процесс духовно-нравственного совершенствования (и соответственно, воспитания) совершается последовательно, начиная «с уничтожения внешних проявлений зла» [Там же, с. 97] и заканчивая «мысленной бранью» [198, с. 73]. В соответствии с этой последовательностью синергийный процесс совершенствования можно поделить на периоды:

- деятельный (πράξις, аскетика) – искоренение греховных страстей действием благодати (преимущественно получаемой в таинствах) посредством «доброделания» и молитвы при постоянном самопонижении и волевых усилиях;
- созерцательный (θεωρία, мистика) – особое молитвенное благодатное состояние, духовное просвещение. Добродетель становится неотъемлемым качеством души, что дает возможность богообщения и обожения.

Важнейшая установка исихазма – страстные силы души должны не умерщвляться, а преображаться, освящаться, «обогащаться благим» [219, с. 188]. Им нужно дать «безгрешное направление» – «по естеству и якоже Богу угодно... якоже и отцы наши деяния ради нам проповедаше» [279, с. 25].

Поэтому исихасты призывают всех христиан не к пассивному «бесстрастию», безучастной отстраненности, а к развитию данных Богом творческих способностей и созиданию в синергии с Богом.

Таковы основные черты исихазма как аскетической практики, подкрепленной богословским обоснованием. Важнейший компонент исихастского учения – борьба со страстями и очищение от них человека – явился главной составляющей воспитательной деятельности прп. Нила Сорского.

Поскольку в христианстве онтологическая цель обожения является всеобщей, исследователи исихазма говорят об общедоступности, о «всеобщности и универсальности» исихастского пути [324, с. 255] к идеалу. Исихастский опыт в

принципе доступен всем христианам, а «внутреннее делание» не только не исключает внешнюю эмпирическую деятельность человека, но и способствует ей при «собранной устремленности к Богу всех энергий личности» [305, с. 237].

Как уже упоминалось, в процессе духовно-нравственного совершенствования очищаются все части человеческого существа, в т. ч. и рассудок. Поэтому находящиеся на высоких ступенях духовной жизни – это преимущественно люди деятельные, мыслящие, обладающие глубоким умом «теоретическим и практическим». Их ум, как правильно отмечает А. С. Архангельский в своей работе о прп. Ниле Сорском, «вращается в среде идеальной, созерцательной и очень редко спускается к окружающему его миру действительности», но в силу целостности, здоровья и совершенства всего своего психосоматического состава они обладают для этого другими ресурсами и могут положительно влиять на жизнь всего общества, помогая ему в разрешении проблем, создавая культурные ценности и благотворно влияя на окружающий мир.

Исихастская практика внутреннего делания была стержнем религиозно-культурного движения, развившегося в XIV столетии в Византии, которое также получило название «исихазм». Родоначальником исихастского синаитско-святогорского движения [219, с. 7] был прп. Григорий Синаит, воспитавший множество преемников, из которых наиболее известны свт. Григорий Палама, Константинопольские патриархи Каллист Ксанфопул и Филофей Коккин и другие. В монастырях, основанных исихастами «школы» Синаита, процветала традиция «внутреннего делания», «шла большая духовная, учительная, а также литературная, писательская и переводческая работа» [238, с. 7].

«Плоть мы получили не для того, чтобы убить себя, умерщвляя всякую деятельность тела и всякую силу души, но чтобы отбросить всякое низкое желание и действие... У бесстрастных людей страстная часть души постоянно живет и действует ко благу, и они ее не умерщвляют. Страстные силы души должны не убиваться, а преображаться, освящаться. В этом-то заключается высшее предназначение всего исихастского делания» [219, с. 81], – утверждает

«идеолог» исихазма свт. Григорий Палама. Следовательно, исихастское «делание», к которому призваны все без исключения, направлено на активное внутреннее самосовершенствование, развитие творческих способностей и на практическую созидательную деятельность в соответствии с добрым целеполаганием.

В личностях «вождей» исихазма воплотились основные исихастские идеи: эти монахи-созерцатели являлись одновременно активными проповедниками, писателями, учителями. С богословской деятельностью свт. Григория Паламы преимущественно связана победа православных аскетов в т. н. «исихастских спорах» (сер. XIV в.). Они велись с идейными противниками исихазма варлаамитами – представителями западного рационалистического гуманизма, которые понимали богопознание и преображение интеллектуально-метафорически, а важнейшее для духовного опыта исихастов явление фаворского света, «один из образов явления и раскрытия Бога в мире» [285, с. 192], рационалисты считали всего лишь символом, «иллюзорно-психическим феноменом» [Там же, с. 194].

Победа над варлаамитами, расцвет исихазма и дальнейшее развитие синаитско-святогорского движения инициировали подъем во всех сферах жизни христианского общества – явление, названное исследователями православным Возрождением [219, с. 18–19]. Идеи исихазма буквально захватили умы людей, а стремление к христианским идеалам стало всеобщим. В результате укрепилось религиозно-культурное единство стран византийского мира, произошел мощный подъем в религиозной, культурной и общественно-политической жизни православных государств.

С Афона и из Константинополя исихастская традиция распространилась на всю Юго-Восточную Европу и Русь через балканских и румынских учеников Синаита – свв. Феодосия Тырновского, Евфимия Тырновского, Никодима Тисманского и других. Для темы данной диссертации большой интерес представляет деятельность «книжной школы» в Тырнове (Болгария), основанной исихастами круга прп. Григория Синаита. Об этом будет сказано ниже.

По мнению проф. А. Тахиаоса, на Руси практика «умного делания» существовала, вероятно, с первых времен христианизации (как следствие включенности в византийский духовный ареал). Ученый пришел к данному выводу на основании анализа текстов прп. Феодосия Печерского и «Поучения Владимира Мономаха» [280, с. 201]. В XIV–XV вв., когда исихазм выразился в форме религиозно-культурного движения, его идеи, в т. ч. художественные и духовно-политические, на Руси проявились в полной мере, привели «к расцвету богословия и иконописи, реформированию монастырской жизни, литургическому творчеству, к широким движениям гражданского и политического обновления» [58, с. 350].

Большое значение имело сотрудничество патриархов Каллиста Ксанфопула и Филофея Коккина со свт. Алексием Московским и прп. Сергием Радонежским [220, с. 13]. Развитие идей исихазма на Руси преимущественно подготовило почву для ее объединения, упрочения государственной власти. Содействие исихастски настроенных представителей высших церковных и государственных сфер Византии много значило в деле освобождения Руси от монголо-татарского ига [220, с. 13], которое было «не только национальной, но и религиозной задачей» [162, с. 10].

Подъему русской духовно-культурной жизни и церковному воспитанию русичей способствовал исихаст митрополит Московский Киприан, выходец из балканских стран. Образованный «книжник», «справщик» богослужебных книг, он поддерживал традиции «книжного учения», пополнял московские монастырские библиотеки [272, с. 14–15]. «Всю жизнь св. Киприан сохранял аскетическую и духовную дисциплину исихастов» [219, с. 115]. И другие знаменитые «византийцы», трудившиеся на Руси (например, Пахомий Логофет, Феофан Грек), внесли свой вклад в развитие русской культуры и образованности.

Пути исихазма в русском искусстве и значение «языка иконы» как воспитательного средства раскрыты Л. А. Успенским [285, 207–238]. Он отмечает, что прочная укорененность и сродность идей исихазма русской душе

выразилось в том, что даже монголо-татарское нашествие не смогло сломить творческий дух русского народа.

Значение исихастского движения отмечает Г. М. Прохоров: «Это было движение духовного возрождения “всея Руси” и единства ее Церкви. И оно находило поддержку и даже вдохновение в Константинополе, особенно когда у власти там были твердые ортодоксы “фил-исихасты”. Оно было частью общего тогда для многих народов Православного возрождения и имело живые связи с балканскими монашескими общезжитиями и скитами, где в то время шла большая духовная, учительная, а также литературная, писательская и переводческая работа. Именно это монашеское движение, не ставившее перед собой прямых политических целей, но устремлявшее умы и сердца к Богу, к Вечности в настоящем, вывело Великую Русь из духовного и культурного кризиса, но также и из государственно-политического. Благодаря этому движению на Русь пришла наднациональная, общая уже для большого числа христианских народов книжная культура не в виде редких отдельных списков, как было прежде, в X–XIII вв., но в виде библиотек, больших монастырских библиотек, содержавших множество переводов классики христианской литературы... Можно сказать, что со второй половины XIV в. на Руси появляется христианская книжная культура как явление общественное» [238, с. 7–8].

«Переводная литература... увеличилась почти вдвое. Это была “новая” для русской книжности литература мистико-созерцательного направления (сочинения святых Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина, Григория Паламы, Григория Синаита)», – отмечает исследователь [247, с. 158]. Литература, «шедшая в большом количестве на Русь из Византии, с Афона и славянского Юга, была проникнута исихастским учением» [285, с. 212]. Она «влияла на русское монашество» [Там же], и не только на него, в образовательном и воспитательном отношении. Исследователь отмечает, что рукописи известных русских подвижников (прп. Кирилла Белозерского, старца Паисия Ярославова, прп. Иосифа Волоцкого и др.) содержат многочисленные выписки из исихастской литературы об «умной молитве» [247, с. 158].

Из истории известно, что именно монашеские обители исихастской направленности становились центрами духовно-нравственного совершенствования и школами подвижничества. Они имели наилучшие внешние и внутренние условия для этого.

Объединительным духовным центром, школой «умного делания» стал Троице-Сергиев монастырь во главе с игуменом Сергием. Прп. Сергей Радонежский как никто другой повлиял на развитие идей исихазма на Руси, он направил движение «вширь». Эпоха прп. Сергия Радонежского и его преемников (конец XIV – XV в.) – время расцвета русского подвижничества на основе исихазма с его стремлением к духовному преображению и обожению.

Следствием стало преображение русской культуры в целом. О духовной высоте культуры того времени свидетельствует творчество прп. Андрея Рублева (XV) и жившего несколько позднее, при прп. Ниле, знаменитого иконописца Дионисия. Последний, как предполагают исследователи [250, с. 98], пользовался наставлениями сорского старца, работая в Ферапонтовом монастыре.

Примечательно, что С. С. Хоружий «крупнейшими фигурами» подвижничества средневековой Руси называет «свв. Сергия Радонежского, Андрея Рублева, Нила Сорского» [305, с. 257]. Диссертант считает, что к виднейшим русским представителям исихастской традиции XIV–XVI вв. нужно причислить также свв. Кирилла Белозерского и Иосифа Волоцкого, имена которых тесно связаны с именем прп. Нила.

О том, что в монастыре прп. Кирилла Белозерского практиковалось «умное делание» («безмолвие»), упоминает Пахомий Логофет: «Обретох же тамо и иных многих от ученик его... тако пребывающе бяху благодатию Христовою в постех и в молитвах и бдениих, безмолвствующе» [247, с. 8]. Кирилло-Белозерский монастырь был монашеской «колыбелью» прп. Нила Сорского и ряда его учеников.

Иосифо-Волоцкая обитель прославилась своей «школой» старчества – педагогического наставничества в духовно-нравственной жизни и в борьбе с греховными страстями. Это был монастырь «ученого монашества», известный

также своим книжным собранием. Есть интересное замечание А. А. Зимина: «Волоколамский монастырь... вполне имел вид образовательного и воспитательного заведения или школы в ее философском смысле. Это была древняя академия» [199, с. 390]. Прп. Иосиф Волоцкий создал одно из самых значительных русских оригинальных произведений исихастского содержания – «Послание иконописцу». Считается, что его соавтором был прп. Нил Сорский [285, с. 233–234], что свидетельствует о сотрудничестве и единомыслии обоих исихастов в духовно-нравственных вопросах и опровергает «легенды о конфликте между свв. Нилом и Иосифом» [199, с. 402].

Безусловно, «Нил Сорский не был единственным исихастом на Руси, до него уже сложилась русская традиция исихазма» [247, с. 158]. Но аскетико-воспитательная деятельность и опыт «школы» сорского старца способствовал развитию и совершенствованию этой традиции.

Об улучшении духовно-нравственного состояния народа в результате христианизации свидетельствует увеличение числа монастырей и их насельников. Из истории известно, что «качество» монастырской жизни (расцвет или, наоборот, упадок монастырей) напрямую зависит от нравственного уровня общества, представители которого создают и пополняют монашеские общины в поисках наилучших условий для осуществления целей христианства.

По словам Ключевского, «монашество появилось на Руси вместе с христианством... Уже тогда “монастыреве на горах сташа”» [140, с. 317–318]. Первые монахи были, по всей вероятности, греками. В княжение Ярослава «черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти» [230, с. 65], а среди монахов, видимо, было уже много русских. В последующие века Средневековья именно монашество и монашеская аскетическая традиция определяла направление религиозно-нравственной жизни Руси, методы достижения христианских воспитательных идеалов и развитие русской культуры в целом.

Аскетизм русского иночества берет исток в традициях Святой Горы Афон, главной «школы» монашества средневекового мира. Именно афонский выученик

и постриженник, прп. Антоний Печерский основал в XI в. на Руси первый большой монастырь, ставший впоследствии знаменитой Киево-Печерской лаврой [270, с. 24].

В Киево-Печерском монастыре практиковались разнообразные формы аскезы (общежитие, затворничество, отшельничество), которые в дальнейшем получили распространение среди русских подвижников, и, что самое важное, аскеза внутренняя – «слезы, пост, молитва, бдение». Первый монастырь, усвоив византийско-афонские традиции и уставы, стал крупным духовным очагом, а также школой летописания, иконописи, центром книжности, «светлым источником истинного просвещения» [192, с. 281]. Общежительный устав, введенный там преемником основателя прп. Феодосием Печерским, и духовное руководство обоих наставников создавали условия для воспитания монахов в смирении, нестяжании, послушании, братской любви, молитве, труде, любви к книжному «научению». Устав предписывал иметь в обители библиотеку и предполагал грамотность монахов [257, с. 170]. Стоит отметить, что сам «первоначальник русских иноков» [270, с. 24] прп. Антоний – пещерник, молитвенник и безмолвник – «не чуждался» дел милосердия и духовного руководства [Там же, с. 25]. Его личность, «овеянную Афоном», и деятельность можно назвать педагогическим примером для всех русских аскетов, живших после него. То же относится и к прп. Феодосию. Сохранились некоторые его поучения, имеющие большое значение для духовно-нравственного воспитания [192, с. 332–333]. У прпп. Антония и Феодосия было множество учеников – святых, которых называют «дивными иноками, прославившими Киево-Печерскую обитель» [Там же, с. 326].

Непосредственную связь с афоно-византийскими центрами киевское и новгородское монашество поддерживало и в последующее время, что выражалось в активности русских паломников, шедших в дальний путь с целью духовного совершенствования. С Афона на Русь поступали рукописи, переписывалось и усваивалось патристическое наследие, литургические традиции. «В первые два века христианской жизни», по словам Ключевского, наибольшее количество

монастырей (до 50) возникло в днепровской Руси и в Новгороде, на «пути из варяг в греки» [140, с. 318], т. е. на пути «хождений» в юго-восточные страны византийского мира. Устойчивость и крепость этих связей, продолжившихся и в последующие века, определялась не только общностью веры и духовных интересов, но и характером канонических отношений Константинополя и Руси, который предполагал постоянные контакты в церковно-административной и культурной сферах.

В XII–XIII вв., вместе с распространением христианства и исторически обусловленным (в том числе монголо-татарскими захватами) «отливом русской жизни на север», множество монастырей появилось в Северо-Восточной Руси; в XIII–XV вв. «обширные лесные дебри» были усеяны монастырями. Они основывались «искателями безмолвия», «людьми, которые, отрекшись от мира, уходили в пустыню; там становились руководителями собиравшегося к ним братства». «Строгость жизни, слава подвигов привлекала сюда издалека не только богомольцев... но и крестьян, которые селились вокруг богатевшей обители, как религиозной и хозяйственной своей опоры», которая поддерживала их, особенно в голодные годы. Ключевский признаёт, что монастырская жизнь была «невольной путеводительницей» для «крестьянской колонизации», удовлетворяла «общественную потребность» [Там же, с. 320–331, 335]. Таким образом, монашество оказывалось в прямом смысле руководителем народной жизни.

В 40-х годах XIV в. возник духовный центр Северо-Восточной Руси – Троице-Сергиев монастырь, средоточие общежительных традиций и молитвенной практики. Как известно из истории, этот монашеский центр, кроме значительного церковно-культурного влияния, оказал большое воздействие на общественно-политические события русской жизни, формирование национального сознания, освобождение и объединение Руси.

Его игумен прп. Сергей Радонежский «был великий устроитель монастырей: своим смирением, терпеливым вниманием к людским нуждам и слабостям и неослабным трудолюбием он умел не только установить в своей обители образцовый порядок иноческого общежития, но и воспитал в своей

братии дух самоотвержения и энергию подвижничества» [140, 322]. Преемники радонежского игумена и преемники их преемников продолжили деятельность по созданию монашеских «колоний». Многие новые обители вначале существовали как небольшие пустынные иноческие поселения, постепенно пополняясь братией и развиваясь, в соответствии с уставами Троице-Сергиева монастыря, в крупные общежительные монастыри. Житие прп. Сергия Радонежского называет до 100 монахов его круга, составивших «школу прп. Сергия». Большинство из них в XIV–XV вв. стали основателями новых крупных монастырей: Саввино-Сторожевского, московских Симонова, Андроникова, северных Павло-Обнорского, Воскресенского Обнорского, Спасского Нуромского, Троицкого Нерехтского, а также Пафнутиево-Боровского, Иосифо-Волоколамского и многих других.

Воспитанники школы прп. Сергия являлись в большинстве аскетами-«общежителами», они внесли выдающийся вклад в распространение на русском Северо-Востоке общежительной традиции как одной из форм духовно-нравственной работы по самосовершенствованию. Трудami и подвигами монахов создавалась богатейшая письменная культура средневековой Руси, распространялось христианское просвещение во вновь освоенных землях, создавались условия для иноческого подвижничества.

Одним из выдающихся деятелей, связанных с радонежским кругом, был прп. Кирилл, основавший в конце XIV в. Кирилло-Белозерский монастырь – монашеский центр Русского Севера, который также выдвинул многочисленных «выходцев». «Преподобный Сергей стоит во главе всех, – писал А. Н. Муравьев, – на южном краю сей чудной области и посылает внутрь ее своих учеников и собеседников, а преподобный Кирилл, на другом ее краю, приемлет новых пришельцев и расселяет обители окрест себя, закидывая свои пустынные мрежи даже до Белого моря и на острова Соловецкие» [189, с. 4]. Дружбу прп. Кирилла с прп. Дионисием Глушицким (учителем которого был Дионисий Святогорец, игумен Спасо-Каменного монастыря) называют символом соединения традиций школы прп. Сергия и афонского монашества.

Такой духовный синтез привел к возникновению большого числа обителей на Русском Севере. В вологодских землях и в Белозерье образовалась целая монашеская область, которую А. Н. Муравьев в середине XIX в. назвал Русской Фиваидой по аналогии с Фиваидой египетской, колыбелью раннехристианского монашества. «Столица» Русской Фиваиды – Кирилло-Белозерский монастырь «славился строгостью жизни своих иноков» [12, с. 11], особенно во времена его основателя и ближайших преемников: «Одно только имели попечение, чтобы превосходить друг друга смирением, любовью и прежде других являться в церковь. Если кто хотел говорить, говорил только от Писания, на пользу братии...» [Там же, с. 12]. Кроме того, «библиотека Кириллова монастыря в Древней Руси была одною из самых богатых» [Там же, с. 18], что позволяло братии постоянно обращаться к книгам для духовного руководства.

С Кирилловым монастырем и Русской Фиваидой связана аскетическая деятельность «сорского наставника» – прп. Нила, а также его учеников, из которых известен и прославлен прп. Иннокентий, основатель Предтеченской пустыни в вологодских землях [238, с. 314] (впоследствии Спасо-Преображенский монастырь).

XIV–XV вв. часто называют «золотым веком» русского монашества. В XV в., кроме общежития, отмечается многообразие форм монашеского подвижничества, поиски путей наиболее совершенного воплощения монашеского идеала. Обители – и пустынные, и общежительные – являлись благоприятной воспитывающей средой для их братии, жизнедеятельность которых основывалась на выполнении нравственных Божественных заповедей и церковном предании. Строй жизни монахов создавал наилучшие условия для внутреннего удаления от «мира» (под которым, в аскетическом значении, подразумевается не собственно человеческое общество, а совокупность человеческих греховных страстей, «молва», суета) через внешнее удаление от общества (за монастырские стены или в глушь лесов) и от свойственных ему попечений [198, с. 318, 320], что вовсе не исключает общения с людьми «в духе любви». Так, прп. Нил Сорский

неоднократно напоминает оказывать любовь словом и делом «ближним нашим, аще близ нас обрящутся» [Там же, с. 110–111].

Строгий уставной, молитвенный уклад монастырей являлся мощным средством педагогического воздействия и аскетического воспитания древнерусских христиан. Монастыри на Руси стали «лучшими училищами для нравственного воспитания народа» [173, с. 150] и одновременно центрами просвещения с богатейшими библиотеками, средоточием духовной, интеллектуальной деятельности, богословской мысли. По словам И. В. Киреевского, в келлиях русских иноков, зачастую в глуши лесов, переписывались и изучались славянские переводы самых глубокомысленных писаний отцов Церкви [199, с. 73]. Аскетическое учение и монастырские уставы часто передавались изустно от духовного наставника к ученикам, но в Византии и на Руси всегда существовали подвижники, передававшие полученный ими опыт духовно-нравственного руководства в виде письменных практических рекомендаций, уставов, правил и нравственно-аскетических сочинений.

«Действие монастыря простиралось и на население, жившее за его оградой» [140, с. 334], монахи были наставниками народа, находились «в живом беспрестанном соприкосновении с народом» [Там же], который стремился нравственно подражать им и учиться у них вере и выполнению заповедей. «Вся умственная атмосфера Древней Руси была до того насыщена идеями иночества, что книжный человек не мог не подчиниться их влиянию, он невольно свыкался, сроднялся с ними и незаметно для себя внутренне делался иноком; факт пострижения после того был делом только внешним, формальным», – подчеркивает А. С. Архангельский [12, с. 7]. К этим словам можно добавить, что такому влиянию подчинялись не только «книжные люди», но и все христиане.

По словам В. Н. Лосского, на Руси «монашеский идеал» (т. е. прежде всего идеалы и цели христианства, а также сам монашеский аскетический образ жизни, максимально способствовавший совершенствованию человека) «всегда захватывал человеческие души» [164, с. 18]. Эти же идеалы составляли ценностный компонент воспитания в Древней Руси, а молитвенная и трудовая

жизнь «добросовестного инока», собственно аскеза, являлась «идеалом практической педагогики», содержательным и деятельностным компонентом воспитания, «при этом теоретически цель воспитания сознавалась в процессе освоения грамотности и знакомства со Священным Писанием и творениями святых отцов» [54, с. 54].

Исследователи отмечают, что «в своем учении и методах» развивавшееся русское подвижничество следовало традициям исихазма, хотя самим «термином “исихазм” наши предки не пользовались» [199, с. 61-62], употребляя слово «безмолвие». Именно исихастские понятия, исихастская концепция обожения составили теоретическую основу православной русской педагогики Средневековья, а практика исихастов – ее аскетическую методику. Есть научное мнение, что наиболее сильно влияние исихазма сказывалось на жизни «школы прп. Сергия» и Кирилло-Белозерского монастыря, «где и начинали свой монашеский путь прп. Нил и Иннокентий» [247, с. 14].

Выводы по главе I

1. Христианская педагогика, доказывающая возможность и необходимость духовно-нравственного развития и совершенствования человека, выработала свою особую систему теоретизирования, представленную в системе важнейших педагогических категорий: цель воспитания, раскрывающаяся в его идеале, – воспитание по образу и подобию Божию, совершенствование по образу Отца Небесного – «будьте совершен, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48); определение условий для такого воспитания; «предметом» духовного воспитания выступает человек, метапсихологические факторы и качества его проявления: душа, дух, вера, мистическое переживание, бессмертие и смерть, любовь, обожение, благодать, надежда, интуиция, грех и другие; его содержание и формы: Священное Писание, богословская литература, агиографическая литература; методы воспитания и образования – где важнейшим является пример; разработано

четкое представление о нормах и правилах жизни и воспитания; духовно-нравственное воспитание представлено как целостное системное духовно-нравственное формирование человека на основе заповедей Божиих.

2. Сразу же после крещения Руси начинается создание системы христианского воспитания и образования. Христианское воспитание распространяется на все сферы: социальную, нравственную, духовную и все институты общества: семью, сословия, государство. После принятия христианства, во время Владимира и Ярослава складывается трехступенчатая система образования: «учение грамоте», «книжное учение», «училище» – своего рода древнерусская академия. Важнейшей чертой древнерусского воспитания, выражением жизненной значимости монастырей было повсеместное открытие монастырей, в которых осуществлялось системно-целостное духовно-нравственное формирование людей. Определяющей чертой древнерусского образования было развитие монастырей как своего рода «училищ» духовно-нравственного воспитания. Об успешности монастыря как воспитательного учреждения свидетельствует сонм святых, которые были воспитаны в монастырях.

3. Древнерусские монастыри в своем устройении создавались в строгом соответствии с монашескими традициями Востока, Византии и особенно Афона. Афон со дня основания русских монастырей на протяжении веков был и живым идеалом, и настоящей школой устройства жизни для русского монашества. На Афоне прошел духовную школу основатель русского монашества преподобный Антоний. Возрождение исихастской традиции во времена митрополита Алексия и Сергия Радонежского, утвердивших и общежительный устав монастырей, напрямую связан с обращением к киевской традиции монашества времен Антония и Феодосия Печерских. Эту школу монашества, придя в Кирилло-Белозерский монастырь сравнительно молодым человеком, прошел и Нил Сорский.

Богословско-аскетическая концепция исихазма, ярким представителем которого явился русский святой прп. Нил Сорский, доказывает необходимость и возможность преобразования человека. Понятие «исихии» раскрывает

практический подход к преобразению человека. Он включает в себя всестороннее телесное и духовно-нравственное совершенствование человека, преодоление греха. Эта практика способствует достижению святости, позволяющей человеку достичь Бога и пребывать в Боге, что рассматривается в исихазме в качестве смыслообразующего феномена духовно-нравственного воспитания.

ГЛАВА II

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ПРП. НИЛА СОРСКОГО

Педагогическая культура Древней и средневековой Руси – это великое, но во многом скрытое от нас явление. О значимости ее заставляет задуматься тот очевидный факт, что из этого периода наша страна вышла обширной и могучей державой, с духовным потенциалом, который позволил стране стать в XVIII веке могучей империей.

Что это за потенциал? С XIX века эту проблему решали самые выдающиеся умы от А.С. Пушкина и Игнатия (Брянчанинова) до лучших наших историков.

Именно в это время была осознана великая роль монастырей во всестороннем развитии страны. О духовном, нравственном, социальном, хозяйственном, культурном, эстетическом вкладе монастырей в развитие России писали многие богословы и историки [6; 9; 10; 13; 19; 25; 41; 56; 62; 63; 65; 69; 98; 111; 127; 133; 134; 142; 145; 149; 150; 152; 155; 157; 161; 162; 163; 169; 186; 188; 191; 208; 209; 213; 256; 271; 273; 280; 293; 300; 310].

Между тем, сравнительно мало исследовано педагогическое значение монастырей. А это – не менее значимое явление в истории нашей страны, чем другие стороны монастырской деятельности. Достаточно сказать, что монастыри сформировали сонм святых, из которого мы знаем только редкие имена. А ведь святой, как и гений – это национальное достояние страны.

То, что система воспитания в монастырях была – это очевидный факт. Нельзя представить, что тысячи монахов формировались вне воспитания. Значит, наша задача состоит в том, чтобы понять столь плодотворную систему воспитания.

Но возникает вопрос – как понять эту воспитательную систему? Ведь до нас не дошли их педагогические труды, тем более написанные современной терминологией.

В анализе их педагогических систем следует исходить из понимания, что воспитание строится на каких-то идеях, а целостное воспитание должно строиться на какой-то целостной теоретической конструкции, которая сегодня называется концепцией.

Как анализировать древнерусские и средневековые педагогические концепции? Прежде всего мы должны сказать, что понимается под педагогической концепцией в современной науке. Согласно представлениям современных ученых-педагогов: «Концепция воспитания – это система взглядов отдельного ученого или группы исследователей на воспитательный процесс – его сущность, цель, принципы, содержание и способы организации, критерии и показатели его эффективности. Значит, наша важнейшая задача – понять столь плодотворную систему воспитания [273 а, с. 160].

Итак, концепция воспитания прежде всего выстраивается на определенности ключевых категорий: цель, принципы, содержание, средства, способы организации, критерии и показатели эффективности. Добавим к этим категориям и категории – формы, методы и средства. Если мы с этим видением концепции подойдем к анализу педагогической мысли средневековой Руси, то не заметим в средневековых текстах этих понятий, за исключением понятия «цель жизни», «цель воспитания».

Однако анализируя тексты средневековых богословов, мы встречаем описание целей и задач, описание содержания, методов, критериев и результатов воспитания. Значит, фактически любой значимый педагог Древней и средневековой Руси имел в своем уме концепцию воспитания.

В силу этого наша задача, опираясь на средства современной педагогики, в том числе и на совокупность теоретико-методологических подходов, совокупность разных форм анализа (от филологического до структурного), опираясь на труды современных философов и ученых, с одной стороны,

«расшифровать» эти концепции, а с другой, понять, как на них строились воспитательные и образовательные учреждения Древней и средневековой Руси.

Одним из таких святых педагогов является Нил Сорский – создатель уникального педагогического учреждения, которое вошло в историю под названием Нило-Сорская пустынь и которое немало пережило своего основателя.

2.1. Духовно-нравственное и педагогическое становление преподобного Нила

Особое место, которое занимает прп. Нил в исихастской духовно-культурной традиции, обусловлено во многом тем, что он относится к двум культурно-историческим «мирам» – афоно-византийскому и русскому. Он выучился и сформировался как духовно-нравственная личность в исихастской среде преимущественно на Афоне; как выдающийся наставник, достигший высокого уровня совершенства, он реализовался на Руси. Афонский патерик, который включил в себя житие св. Нила, говорит о его «учительстве» и о том, что «многим потребны были» его «мысли, которые собраны и систематически изложены» святым старцем [14, с. 348–350].

Аскетико-педагогическое учение прп. Нила не укладывается в рамки его «писаний», но выявляется также на примерах его деятельности, на практике его жизни (жития).

О ранних годах прп. Нила известно немного. Сам он о своем происхождении и родстве умалчивал (по примеру многих исихастов, например, прп. Феодосия Тырновского [219, с. 110]) и со смирением называл себя «невежей и поселянином» [238, с. 236]. В исторической научной литературе доказывается, что он родился ок. 1433 г., принадлежал к знатному роду Майковых и к высшим слоям московской служилой знати, т. е. был дитя «нарочитое чади» (как летописец называет родителей, у которых князь Владимир, крестив Русь, брал

детей «на ученье книжное»). Согласно одному из списков сочинений прп. Нила, он «бе... скорописец, рекше подъячей...» [12, с. 3–4] (т. е. секретарь, писец, делопроизводитель). Отсюда следует, что Нил с юности был весьма ученым, начинал трудиться на государственной службе. Исследователи отмечают в нем качества, равно необходимые и ученику, и учителю: «Привычка к постоянному “книжному учению”, точность и аккуратность в любом деле – эти яркие черты характера прп. Нила были выработаны им, видимо, еще в годы дьяческой службы» [247, с. 7].

Но вскоре молодой человек оставил службу и ушел в Кирилло-Белозерский монастырь. Такому решению способствовал как внутренний настрой, так и общая духовная атмосфера на Руси. А. С. Архангельский справедливо указывает, что «время жизни Нила Сорского было временем наиболее сильного развития в русском обществе аскетических идеалов»: «В продолжение XIV–XV вв. в монастыри поступают массами, и их число быстро увеличивается» [12, с. 4].

Постриг Нил принял, как предполагает Е. В. Романенко, в начале 1450-х гг. [247, с. 7], в 20-летнем возрасте. Это тоже немаловажно для характеристики будущего наставника. По словам К. Н. Леонтьева, «из людей, долго зажившихся в миру, как бы искренни и добросовестны они ни были, очень редко выходят замечательные духовники и старцы-руководители. Большинство знаменитых старцев очень рано оставляло мир и посвящало себя иноческой жизни» [158, с. 187].

Очевидно, выбор обители для Нила определился ее сугубо исихастским направлением: «Сам тогдашний дух созданной Кириллом обители, где еще жили его ученики, должен был привлекать Нила» [238, с. 12]. Не вызывает сомнений, что уже здесь инок Нил занимался исихастской молитвенной практикой. Большое духовно-нравственное воздействие оказывали на него «замечательные воспитанники Кирилла», а также, как считает Е. В. Романенко, участие в переписывании книг (годового цикла Четий миней) для монастыря [Там же, с. 8], что способствовало христианскому образованию молодого монаха. Пребывание

инока Нила в Кирилловом монастыре, таким образом, было важным фактором его становления.

«Учителем Нила в монашестве», заметно повлиявшим на формирование его личности, называют исихастски настроенного подвижника Паисия Ярославова, монаха-книжника, «умного делателя», обладавшего высокими нравственными качествами и познаниями. Он был близок к великокняжеской семье, некоторое время (в начале 1480-х гг.) игуменствовал в Троице-Сергиевом монастыре. Примечательно, что этот старец-«безмолвник», отказавшийся и от игуменства, и от архиерейства, влиял, подобно византийским исихастам, на церковную и общественно-политическую жизнь: исследователи говорят, что он был «одним из вдохновителей всеобщей борьбы за освобождение Руси от золотоордынской власти... вместе с митрополитом Геронтием и архиепископом Вассианом вдохновлял великого князя Иоанна III выступить для решительного сражения навстречу ордынскому хану Ахмату, стоявшему на Угре (1480). Игумену Паисию довелось участвовать в московском Соборе против еретиков, “жидовская мудрствующих” (1490)» [199, с. 421].

Для данной работы представляет особый интерес связь старца Паисия Ярославова с традициями афонского исихастского монашества: «Паисий мог учиться монашеской премудрости в Спасо-Каменном монастыре у учеников и учеников учеников Святогорца-Цареградца (грека Дионисия, впоследствии архиепископа Ростовского) и должен был быть воспитан в афонских традициях» [238, с. 15]. Не исключено, что учитель повлиял на формирование у монаха Нила первоначального интереса к Афону как «главному источнику церковной мысли и практики» [69, с. 26].

С годами прп. Нил сам приобрел духовно-нравственный авторитет наставника в Кирилло-Белозерском монастыре; одна из монастырских грамот 1460 г. называет его уже «старцем» [247, с. 7]. Первым непосредственным учеником прп. Нила был Иннокентий Охлебенин/Охлябенин, знатного рода, известный как прп. Иннокентий Комельский. Именно с ним приблизительно в 1475 г. прп. Нил отправился из монастыря, по его собственному свидетельству,

«во Святую Гору Афонскую и в страны Царяграда» [198, с. 197], где в течение приблизительно десяти лет «изучал жизнь духовных старцев» [238, с. 24]. Нельзя не согласиться с Е. В. Романенко, считающей, что прп. Нил Сорский принял решение идти на Восток, поскольку главный его принцип, на котором он основывал впоследствии свое учительство, был «всегда... обращаться к первоисточнику» [247, с. 8].

Непосредственным поводом для ухода, как считает ряд исследователей, могло послужить то, что «игумен, много лет до этого живший в других монастырях, стал “развращать” устав прп. Кирилла» [Там же, с.9]. Это свидетельствует, вразрез мнениям ряда исследователей, о высокой оценке прп. Нила общежительного монастырского устройства.

Житие прп. Нила повествует: «...прииде во Святую гору Афонскую, обыде тамо монастыри и уединенная жилища монашеския, такожде и въ скитех безмолвствующие и уединяющиеся святые отцы обходя, многую от них приемляше ползу. Ового бо посту и воздержанию чудяшеся, другаго совершенному нестяжанию и нищете ревноваше, инаго же терпеливому подражати тщашеся, инаго же постоянному и мужественному терпению во искушениях удивляшеся и ублажаше. От неких же и образу внимания и умнаго трезвения, или умные молитвы, научашеся. И сие от всех, яко пчела любопремудрая и трудолюбивая, сладки добродетелей мед собираше, имже не точию себе, но по возвращении во отечество свое желающих быти подражателми добродетелнаго его жития изобилно питаше. Сие убо и в сих упражняя преподобный во странствии своем, навыче добре житию тамо сущих святых отец, чиноположению и уставу и различным иноческим добродетелем» [238, с. 407].

Как видно из этого текста, на Востоке прп. Нил получил возможность «по первоисточнику» изучить все существующие формы монашеской жизни и разнообразные образы аскезы, а также, более углубленно, ее содержание. В этот период был заложен фундамент учения прп. Нила о духовно-нравственном совершенствовании (концепции духовно-нравственного воспитания),

сформировались значимые элементы его аскетико-педагогической системы, определились главные направления последующей духовно-литературной деятельности прп. Нила.

Поскольку этому важнейшему периоду литература уделяет, на взгляд автора данной работы, недостаточно внимания, восстановим события и их смысл по духовно-историческому контексту. Рассмотрим организацию монашества на Афоне, чтобы выяснить, какими жизненными примерами пользовался прп. Нил при устройстве Нило-Сорского скита как воспитательной среды своей системы. Необходимо также выявить духовно-нравственные корни понятия «нестяжатель», которое устойчиво ассоциируется с прп. Нилом.

В 1453 г. Константинополь (Царьград), религиозно-культурный центр православного Востока, был завоеван турками. Хотя Византия политически прекратила свое существование, это отнюдь не привело к гибели византийской церковной культуры, главными центрами которой исторически являлись Константинополь и Святая Гора Афон. Царьград, хотя и был сделан столицей султана, для восточно-православного мира оставался, как место патриаршего трона, реальным средоточием церковно-административной жизни и символом православной цивилизации.

Исследователи византийского искусства отмечают, что в конце XV в., «в это, казалось бы, глухое для греческой культуры время художественная жизнь не затухла, а сумела получить новые импульсы» [81, с. 25]. Такое явление было результатом и последствием исихастского движения, главной опорой которого служило «наднациональное» святогорское монашество.

Афон – центральная в Православии «школа монашества», исторически сочетающая в себе разные формы монашеской жизни и аскезы. Афон, пользовавшийся при византийских императорах их сильным покровительством и огромными привилегиями, и при турках сохранил свой отличительный статус «монашеской страны» и почти полную территориальную независимость [234, с. 838]. Значение Афона как очага духовности и межнационального православного культурного общения оставалось неизменно

велико. Исключительное положение, «особая афонская, не русская, не греческая и не болгарская жизнь» [159, с. 64] позволяют Святой Горе со времен Средневековья до наших дней не только сохранять свой вековой уклад и церковно-культурные традиции, но и творчески их использовать и развивать.

Во времена прп. Нила, как и в настоящее время, территория Афона была поделена между монастырями – кириархическими (господствующими) крупными владельцами земли*, преимущественно общежительными (киновиальными). Один из них, Русский Пантелеймонов, или Русик, на протяжении веков принадлежавший русским по происхождению афонцам, в XV в. заселился южными славянами (сербами), среди которых были книжники-переводчики и переписчики, и поддерживал тесные связи с болгарами. Безусловно, прп. Нил не только навещался в Русик, но и подолгу жил там. В самом Русском монастыре сохранялась память о прп. Ниле, существовало его почитание как святого, что подтверждается включением в XIX в. его жития в состав Афонского патерика на русском языке и связями пантелеймоновских монахов с Нило-Сорской пустынью [253, с. 65-67]. Передаются и некоторые сведения о жизни прп. Нила в скиту Ксилургу, принадлежащем Русику [29, с. 33].

Не вызывает сомнений, что прп. Нил, сведущий в патристической и агиографической литературе, по книгам изучал монашеские традиции в Палестине, в Египте и т. д., на что справедливо указывает Е. В. Романенко [247, с. 138, 145]. Но судя по характерным чертам жизни в обители (скиту), впоследствии организованной прп. Нилом, он основывался на афонской практике, находя ее поучительной в духовно-нравственном отношении. Рассмотрим ее.

В православной традиции существуют два основных типа монашества, две системы его организации – общежительная (киновия) и необщежительная (особножитие, идиоритм, лавра). По терминологии прп. Нила – это «общие жития» и «сущие особь» [198, с. 59]. У них единые цели, задачи, содержание (борьба с грехами и возрастание в добре), одинаковые главные методы

* В наст. время 20 монастырей. Во времена прп. Нила их было также около 20 (Порфирий (Успенский), еп. История Афона. Т. 1. С. 844).

(исполнение заповедей, «умное делание»). Но они отличаются способами решения задач и особенностями сочетания аскетических приемов в использовании средств.

Эти два основных типа проявляются в реальных исторических условиях в виде разнообразных общежительных и необщежительных форм, характеризующихся разным устройством и правилами жизни монахов (монастырь, скит, пустынноничество, полное анахоретство).

Элементы обеих систем и их формы могут в какой-то мере сочетаться, как это видно и из афонской практики, и на примере скита прп. Нила. На Афоне, например, существуют: 1) монастыри общежительные и 2) идиоритмические; скиты, которые также могут быть: 3) киновиальными и 4) «классическими» идиоритмическими пустынными; 5) пустынные келлии (дома с маленькими храмами-параклисами; устройство идиоритмическое, обычно с элементами общежития), и каливы (хижины); есть также: 6) сиромахи (наподобие нищих странников); 7) отшельники-анахореты, которые живут в пещерах, под камнями, и т. д.

«Лавры и киновии, и безмолвные скиты, и отшельнические пустынные келлии, и каливы», – так описывает афонец разнообразие святогорской жизни [211, с. 3].

Предметом внимания прп. Нила, очевидно, стали преимущественно скиты и пустынные келлии, жизнь которых он характеризовал так: «И повсюду обретается во святых писаниих похваляемо, еже со едином или с двема безмолвие, якоже и самовидцы быхом во Святей Горе Афонстей и в странах Царяграда, и по инех местех многа суть такова пребывания. Аще обрящется кто духовен старец, имея ученика единаго или двух, аще имать потребу когда и третияго, и аще кий близ безмолвствует, в подобно время приходяще, просвещаются беседами духовными» [198, с. 197]. «Жилищем безмолвия» [247, с. 10] назвал он впоследствии эти монашеские поселения.

«Классический» пустынный скит, а также келлиотство-пустынничество (жизнь вдвоем или втроем под руководством старца-наставника) часто в

патристической литературе, а также у прп. Нила Сорского именуется «царским, средним путем» [198, с. 197–198]. Именно эта форма монашеской жизни, сочетающая внешние и внутренние приемы «удаления от мира», более всего заинтересовала прп. Нила, более всего соответствовала его исихастскому настрою и представлению о лучших условиях прохождения пути совершенствования.

В христианстве формы жизни (формы быта) связаны с аскетическими формами служения «Богу и ближнему» [аскетическими способами богоугождения и спасения], способами выполнения нравственных заповедей, т. е. способами прохождения пути духовно-нравственного совершенствования, они взаимозависимы и взаимообусловлены. Каждая форма монашеской жизни соответствует определенному способу прохождения пути совершенствования, поэтому есть отличия во внутренних традициях монашества, наблюдаются особенности экономические, имущественно-бытовые, богослужебные при общих духовно-нравственных принципах аскетического «делания».

Исторически сложилось, что на Афоне вся земля принадлежит кириархическим монастырям – крупным субъектам хозяйственной и общественно-политической жизни. Монастыри совместно осуществляют управление Святой Горой и покровительствуют прочим видам монашеских поселений, которые не обладают административными правами, не являются владельцами земли, располагаются на территории своих господствующих монастырей, которым они неотчуждаемо принадлежат. Скиты и келлии находятся в сильной зависимости от монастырей. В частности, скитяне и келлиоты-пустынники вносят в монастыри плату за свои жилища («покупают» келлии). Впрочем, в истории это объяснимо условиями афонской жизни и «тяжелыми данями турецкими»: монастыри выплачивали большие подати туркам, в т. ч. за зависимых от них монахов, и защищали их, административно бесправных, от всевозможных невзгод [61, с. 848].

Владение землей, экономическая основа существования – вот признак, «который разделяет быт келлиотов и общежительных монахов», как говорит А. И. Плигузов [225, с. 182–184]. А «с позиций аскетических, нравственно-

богословских и этических общежительные подвижники и келлиоты не отличались: они равно несли обязанности по личному нестяжанию, целомудрию, послушанию, рукоделию» [Там же].

Афонские кириархические монастыри исторически владеют метохами (угодьями, имениями) для своего обеспечения, «дабы подвизающиеся в них монахи безмятежно и тихо совершали дело Божие» [234, с. 748].

Общежитие – стержневая в системе монашеской организации традиция. Самые характерные черты общежительного строя – экономическое равенство монахов и старческое руководство в духовно-нравственной жизни (преимущественно устное наставление, передаваемое непосредственно от учителя к ученику).

Общежитие подразумевает совместное проживание братии и вводит «строгую дисциплину для каждого члена братства, исключающую возможность личного обогащения» [76, с. 287]. Но, как правило, каждая обитель со значительным числом насельников является коллективным собственником больших земельных владений, в т. ч. внеафонских земель-метохов, «где пашут и сеют жито» [249, с. 288], подворий, денежных средств и т. д. [232, с. 24]. Такими имениями обладали не только монастыри Афона, но и известнейшие русские – Троице-Сергиев, Киево-Печерский, Иосифо-Волоцкий, Валаамский, Соловецкий, Кирилло-Белозерский монастыри, а также молдавский Нямецкий и другие.

Совершенно очевидно, что вклады и пожертвования в монастыри являются для вкладчика способом выполнения заповеди о благотворительности, т. е. формой духовно-нравственной работы по самосовершенствованию. Имена вкладчиков непрестанно поминаются в монастырях за всеми службами, и это один из видов монашеского «служения ближним». Хорошо налаженная экономическая система монастыря позволяет ему на общие средства содержать многочисленное братство, удовлетворять необходимые потребности монахов, не отвлекая их внимания от молитвы: «монаху надлежит быть обеспечену, ибо при обеспечении он не занят житейскими заботами, а без этих забот ему покойно, паче же всего удобно совершенствоваться более и более» [234, с. 441]. Труд по

послушанию на монастырском хозяйстве рассматривается как аскетическая практика, метод воспитания, чтобы «праздным не быти» [247, с. 113], хозяйство дает средства на общественное служение, дела милосердия, участие в которых нравственно воспитывает и дающих, и принимающих. Служением больших киновий с большим числом храмов традиционно являются «молитва за весь мир» – поминовение на литургии живых и умерших христиан, культурное просветительство, поддержание «церковной красоты» [Там же, с. 119], книжная деятельность, собирание библиотек, благотворительность, нравственно-назидательная работа, в т. ч. «исправление нравов» окрестного населения. А также поддержка скитян и покровительство своим скитам.

Значительную часть монастырских средств и владений составляют жертвы «на бедных» и вклады «на помин души», и монахи не могли их не брать, чтобы не лишиться вкладчиков «упования, что обитель исполнит святое свое обязательство, то есть будет постоянно поминать до скончания мира все те имена, за которые дана ими обители святая их жертва» [77, с. 12].

В самых богатых киновияльных монастырях монахи всегда были духовно «нестяжательны» (т. е. боролись с «помыслами сребролюбия» и «вещелюбия») и в личном быту очень бедны. Вопросы «нестяжания» в полноте освещены в патристическом наследии, в т. ч. прп. Нилом Сорским. Как аскетический подвиг, оно имеет два аспекта – внешний и внутренний. Это и «отказ от всех вещей и средств сверх реальной необходимости», и, что самое главное, внутренняя «беспопечительность» [199, с. 380]. «В своем творении “О мысленном делании” Нил Сорский неоднократно повторяет, что нестяжание – это необходимое условие для духовной жизни, умного делания и молитвы монаха. И чем выше поднимается он в своей духовной жизни, тем меньше попечений о земном должен иметь. Многие же попечения и “имения” сверх потребности привязывают душу к миру, делают невозможной борьбу с помыслами, становятся поводом к раздорам и спорам, “бранем и которам”, развивают страсти сребролюбия, гордости, тщеславия», – пишет Е. В. Романенко [247, с. 124].

Нестяжание, таким образом, – не столько подвиг нищеты и самоотречения, сколько средство достижения безмолвия, помогающее внутреннему сосредоточению и молитве. «В келлиях же своих ничего не имеют, ни же воды, ни же чем украшают, ни же когда светильника вжигают, ни же лампы, ни же кто может запереть келлию, когда пойдет на послушание; ни же когда нагревают; да и печей нет» – такими способами воспитывали волю и тело афонские киновиаты и в Средневековье, и значительно позднее [211, с. 196]. Епископ Порфирий (Успенский) характеризует общежитие как «общество в наиболее естественном и точном смысле слова» [234, с. 1032]. Он характеризует строй общежития как «стройный, мирный, точный, механически исправный, разрешающийся тихим и веселым трудом, взаимным сочувствием, довольством, беспечалием, простотой жизни, смирением, бесстрашием, равенством не в идее только, но и на деле» [Там же, 1031–1032]: «Тут тебя вышколят так, что и нехотя будешь святой... Киновиаты быстрее других идут к совершенству» [Там же, с. 1027–1029]. Подчеркивает исследователь и особое значение в киновии «игумена-отца» [Там же, с. 1032].

К. Н. Леонтьев также описывает «суровый образ жизни» этих признанных «школ» афонского монашества: «пост, долгие ночные бдения, холодные кельи, в которых большею частью нет ничего, кроме икон, рогожки на полу и какого-нибудь гвоздя, чтобы повесить толстую рясу» [159, с. 75]. «Большая часть отшельников предварительно испытывает и приготавливает себя в многолюдных общежитиях. Так делается и теперь на Афоне. В общежитиях вырабатываются уступчивость, отречение воли; в общежитии человек отвыкает от своевольных желаний... Столкновения, частные оскорбления от братии (даже и от хороших людей) неизбежны и душеспасительны. Оскорбитель виноват, положим, но оскорбленному это на пользу... Идеал в том, чтобы всякий находил сам себя вечно неправым и ежеминутно грешным» [159, с. 207].

Монастырь – это не психофизический «страстный» организм, а община, «организм общественный». Это «собственник идеальный», по словам К. Н. Леонтьева [159, с. 78], своего рода модель цивилизации, имеющая в наличии все

цивилизационные основы, включая экономику и властную структуру, ответственную за те виды социального служения, которые изначально свойственны христианскому обществу. Такова характерная особенность «служения» монастырей. Непонимание этого вопроса, по мнению диссертанта, приводит к непониманию сути феномена «нестяжания» и попыткам искусственно разделить единый путь духовно-нравственного совершенствования, присущий христианству.

Таким образом, именно характером служения или, пользуясь выражением Е. В. Романенко [247, с. 202], «открытостью» или «закрытостью» для мира обусловлено отношение монашества (и вообще христианства) к собственности личной и общественной: «Основное в устройении таких монастырей – личное нестяжание иноков, проходящих “жестокое” житие, и хозяйственная обеспеченность монастыря, позволяющая содержать больницы, странноприимницы, кормить и одевать нуждающихся» [Там же, с. 113]. Е. А. Князев отмечает, что «своим последователям Нил разрешал исключительно интеллектуальный способ добывания средств для содержания обители».

Примеры помощи людям, «служения» и отношения к монастырской собственности как к средству духовно-нравственного совершенствования можно увидеть на русской почве в современной прп. Нилу жизни Иосифо-Волоцкого монастыря, о чем подробно пишет Е. В. Романенко [247, с. 114]. «Важность правила нестяжательной жизни – не иметь и не принимать излишнего» [Там же, с. 120, 123], на которую указывает исследователь, важна не сама по себе, а исключительно в контексте духовно-нравственной пользы, доставляемой этим служением. И «духовные видения» [Там же, с. 124] прославленных отцов, о которых пишет прп. Нил, даровались им за отказ от страстей «мира сего», а не собственно за отказ от «стяжаний и имений».

Но «жизнь киновиатов и величайшие из отцов считали слишком высокой и не всеми выносимой» [234, с. 1028], особым «искусством». Скитский (или келлиотский) образ жизни традиционно считается «средним», «царским» путем. Прп. Нил, конкретизируя «устройства иноческого жительство», пишет: «И в триех

устроениих доблественное иноческое жителство обдержание: или уединенное отшелство, или со едином, или множае со двема безмолвствовати; или общее житие. Средний же путь, еже со едином или множае с двема братома жити» [198, с. 194–195]. Скитский образ жизни создает хорошие условия и удобство для «домашней сердечной молитвы», которыми скитяне пользовались в том числе и благодаря покровительству монастыря.

«Классический» афонский идиоритмический скит находится в местах уединенных, способствующих «безмолвию», «в удоле тесном, крутом и каменистом» [235, с. 288]. Такое местоположение соответствует аскетическому методу «внешнего уединения», который всегда сочетается с «уединением внутренним». Он напоминает селение, состоящее из отдельных жилищ – келлий и калив, «недалече едина от другой... в них же обитают по единому или по два, или по тры...» [61, с. 35]. Монахов в обители скитского типа проживает, как правило, немного. Скитяне – аскеты, молитвенники и безмолвники, они «подвизаются в молитвах, постах и бдениях и безмолвствуют наедине в работные дни», а в воскресенья и праздники «собираются с вечера и утра в общий храм», который называется кириакон (воскресный). Скитяне столь же нестяжательны и в личном быту почти столь же бедны, как и киновиаты (хотя в келлиях имеют некоторое личное имущество из-за отсутствия общей трапезы). Но в отличие от киновиатов скитские монахи несут минимальное количество общих трудовых послушаний, поскольку скит не владеет угодьями и прочим.

Помимо усиленного стремления и особой расположенности скитян к беспопечительной созерцательности (это общий монашеский идеал), причина «нестяжательности» скитов видится в том, что исторически скит всегда, «как того требовала традиция, находился в орбите крупного общежительного монастыря» [225, с. 282–284] и собственником земли не являлся. Отсюда характерные черты организации жизни в нем.

Каждый из скитских монахов получает средства для жизни, «занимаясь разными рукоделиями» [235, с. 289] и продавая свои изделия монастырям или в административном центре Афона – Карее.

В скитах монахи могут заниматься не только самым простым рукоделием (изготовлением четок, деревянных ложек и т. п.), но и «художествами», и научно-богословскими трудами, иконописью, каллиграфией, разнообразными книжными работами и т. д., а среди скитян часто «знаменитии утаеваются людие и учении в философии, от достоинств и славы и богатства мира сего удалившиися смиряются» [61, с. 45]. Жизнь скитян «беспопечительна» и «нестяжательна»: дисциплинарные уставы скитов, писанные и передаваемые устно, обычно запрещают скитянам заниматься земледелием, заводить виноградники, рыболовство, пчеловодство, выючных животных и т. д. [235, с. 289–290]. В. Г. Григорович-Барский говорит также о строгом «постном» уставе скитян, который ослабляется для «немошных и старых», о большом келейном правиле (домашней молитве) [61, с. 46]. Обычно в скиту, кроме общего кириакона, имеется только самое необходимое для жизнедеятельности: общая мельница, архондарик для посетителей, изредка посадки орешника и небольшое количество маслин, а также казна для содержания этих общих служб (она составляется из пожертвований паломников и денежных взносов новых насельников скита – покупателей келлий). Скитоначальник-дикей избирается на год, осуществляет административно-хозяйственное руководство, сношения с кириархическим монастырем, контролирует поступление новых насельников, покупку и продажу жилищ в скиту, выполнение, что редко, некоторых общих послушаний [235, с. 407]. Келлия/калива, хотя за нее и вносится плата, собственностью скитянина не является.

Много общих черт со скитской формой жизни на Афоне имеет келлиотство, или пустынночество. Пустынные (т. е. не скитские) келлии или каливы обычно расположены на значительном расстоянии друг от друга и от больших обителей, келлиоты живут в одиночку, а также вдвоем или втроем – старец с послушниками. Во времена прп. Нила (XV в.) именно келлиотство было самой распространенной формой пустынночества, и именно жизнь келлиотов наблюдал и описывал прп. Нил как «похваляемое» «еже со едином или двема безмолвие» [198, с. 197].

Ниже будет рассмотрено, как использовал знание афонской аскетической жизни прп. Нил при организации воспитательной среды.

Афон и Константинополь, вместе с Болгарией и Сербией, всегда были, как уже говорилось, главными источниками литературных образцов для древнерусской письменности. В XIV–XV вв., вместе с усилением влияния исихазма, влияние Афона и стран византийского мира на развивающуюся русскую книжную культуру делается особенно сильным. «На Афоне образовывается в это время целое общество иноков, главное занятие которых – перевод отеческих творений на славянский язык», – говорит А. С. Архангельский [12, с. 20]. Афонские киновии традиционно собирали большие библиотеки, это предписывается правилами общежития во избежание «стяжания» личной собственности в виде келейных книг, а также для более эффективного руководства со стороны старца-наставника: ученику «соответствующая литература выдается по мере духовного взросления и возможности ее адекватного понимания» [199, с. 396].

Своей огромной эрудицией, начитанностью в церковной литературе прп. Нил обязан, безусловно, длительному пребыванию на Афоне и «в странах Царяграда». «Здесь он имел полную возможность изучить и в славянских переводах, и в подлинниках тех патристических писателей, постоянные ссылки на которых мы находим в его сочинениях. Творения Ефрема Сирина, Нила Синайского, Иоанна Лествичника, Варсонофия, Исаака Сирина, Максима Исповедника, Дорофея, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Филофея и других были самыми распространенными сочинениями в греческих монастырях, не говоря уже о сочинениях Василия Великого и Иоанна Златоустого...» [12, с. 22].

Афону прп. Нил Сорский был обязан больше всего созерцательным направлением своих идей, как справедливо замечает Архангельский, потому что «созерцательность была издавна главной чертой афонского иночества. Сочинения Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова и Григория Синаита пользовались здесь особенною любовью. Во время пребывания здесь Нила

Сорского направление это было особенно сильно: спор о «фаворском свете» окончился полным торжеством афонских подвижников» [Там же, с. 22–23]. Архангельский предлагает «остановиться несколько на этом эпизоде, как имеющем отношение» к прп. Нилу, и далее рассуждает о «созерцательном элементе афонского подвижничества» и «самоуглублении», которые он (и «бесстрастие», видимо, тоже) понимал скорее по-варлаамитски, чем по-афонски. Изучение писаний прп. Нила и его деятельности, наоборот, свидетельствует о том, что исихазм характеризовался для него не пассивной «созерцательностью» и «умерщвлением страстной части души», а творческой синергией, направленной на самосозидание и нравственную пользу окружающих. Верная ориентация в этих вопросах дает основание для единства и согласия исихастов всех национальностей и всех форм подвижничества.

В писаниях прп. Нила отражено его пребывание в Константинополе. Он «несомненно побывал у стен древней Студийской обители, главный храм которой был обращен в мечеть. Живое впечатление путешественника слышится в строках его сочинения “О мысленном делании”, там, где он восхищенно пишет о подвиге старца Симеона Студийского Благоговейного. Этот подвижник всю свою жизнь провел “посреде царствующаго града в Студийстей велицей обители, в таковом многочеловечнем граде, яко светила просияша в дарованиих духовных”» [198, с. 69].

«Несомненно, Нил прошел какую-то школу “безмолвия” во время пребывания на Афоне и в “странах Цариграда” [238, с. 32], но главным его руководителем, как он сам говорит, были книги», – считает Г. М. Прохоров. С этим выводом исследователя нельзя не согласиться, но при этом нужно заострить внимание на особом влиянии на сорского старца идей прп. Григория Синаита, одного из наиболее цитируемых прп. Нилом авторов. Синаит «всех духоносных отцов охватил сочинения», по отзыву прп. Нила [Там же, с. 113]. Исследователи отмечают в Ниловых писаниях «прямые заимствования» из «Лествицы» и использование «психологической теории Иоанна Лествичника» [12, с. 162]. Вместе с тем известно, что именно прп. Иоанн был «заочным» учителем Синаита,

а «Лествица» оказала существенное влияние на аскетическую систему прп. Григория и «во многих отношениях послужила ему образцом» [219, с. 50]. Явно влияние на прп. Нила и наставлений св. патриарха Каллиста, ближайшего ученика Синаита. Цитаты из его сочинений часто используются сорским старцем. «Школу безмолвия» прп. Нил мог проходить под непосредственным практическим руководством преемников этих «столпов» исихазма. И несомненно, что прп. Нил «до конца сохранил те заветы, которые, раз воспринятые, навсегда остались для него неизблемыми и так соответствовали его индивидуальности: им учил он и учился сам» [33, с. 78].

Далее, заслуживают внимания слова «в странах Царяграда и по инех местех» [198, с. 197]. По мнению автора диссертации, они указывают на пребывание прп. Нила с учеником Иннокентием не только в окрестностях Константинополя, но и в балканских областях, среди греко-болгарского монашества, где в XV в. еще сохранялись традиции прп. Григория Синаита, его преемников и знаменитой Тырновской книжной школы. Есть некоторые основания предполагать, что прп. Нил контактировал с продолжателями традиций Тырновской школы, имел хорошее представление о ее педагогической деятельности, которую взял впоследствии за образец.

Эта высшая школа богословия, письменности и словесности была основана в Болгарии, в Килифаревском монастыре, в середине XIV в. учеником Синаита прп. Феодосием Тырновским. Он известен как духовный наставник, образованный педагог-практик, богослов, писатель, переводчик, монах-молитвенник, обличитель еретических заблуждений. Можно сказать о большом сходстве между двумя святыми – прпп. Феодосием и Нилом – в жизни, деятельности и во внутренних качествах.

Учебно-воспитательный процесс в Тырновской школе использовался «как средство для духовного возрастания учеников», основанием его являлись «глубокое влечение к подвижнической жизни в духе и силе исихазма, а также высокий литературный талант» [219, с. 105]. Исследователь традиций Тырновской школы игумен Петр (Пиголь) указывает, что ее деятельность

объединяла духовно-нравственное воспитание и обучение на основе исихастских установок борьбы с грехами и «внутреннего делания». Исследователь приводит принципы, лежащие в основе образовательного процесса. Они являются общими для христианской педагогики: чистота веры, участие в таинствах, борьба с греховными страстями; исполнение христианских заповедей о «доброделании»; внутренняя молитва; изучение Св. Писания и патристического наследия. Главный вид образовательной деятельности – «книжные труды»: перевод с греческого, копирование рукописей, составление литературных сборников.

Привлекает внимание важный принцип воспитания в Тырновской школе, который исследователь определяет как «истинствовать в деле и слове» [217, с. 31]. Это прежде всего значит правильно относиться к словам: не лицемерить, не лукавить, не празднословить, «удаляться клеветы, гнева и ярости, памятозлобия и зависти», как объясняет прп. Феодосий Тырновский [85, с. 11]. Выполняя это правило, исихасты старались сберечь дух и точную словесную форму выражения переписываемых и переводимых книг. Большое внимание уделялось эстетике письма, правильности, точности и выразительности слова в соответствии с принципом «истинствования». По масштабу и разнообразному охвату книжной и учебной работы Тырновская школа превосходила все известные центры просвещения на Балканах [219, с. 105–109].

Преподобный Феодосий в короткое время превратил свой исихастский монастырь в крупный просветительный центр, где развивалось как исихастское духовное делание, так и вытекающая из исихастского образа мышления богословско-философская, историческая и филологическая мысль. По словам болгарского ученого Н. Тодорова, это была монашеская школа подвижничества и «внутреннего делания», «школа исихазма в его чистейшем виде» [281, с. 5]. В числе ее воспитанников такие известные деятели, как патриарх Евфимий Тырновский и митрополит Московский свт. Киприан.

Основанием для предположения о знакомстве прп. Нила с тырновской учебно-воспитательной традицией является общность духа и целей

воспитательного процесса в Тырнове и в Нило-Сорском скиту, сходство направлений деятельности, а также следующие выявленные диссертантом факты.

Известно, что «в основу организации жизни в скиту» прп. Нила (в отношении порядка церковных служб и правил келейной молитвы) был положен т. н. Скитский устав (текст XIV–XV вв.), он же «оказал влияние на творчество» прп. Нила и переписывался им собственноручно [25, с. 34–35]. Исследователи сообщают, что этот памятник имеет, по всей вероятности, южнославянское происхождение и его полное название – «Предание уставом иже на внешней стране пребывающим иноком, рекше скитскаго житиа правило о келиином трезвении и катадневном пребывании, еже мы прияхом от отец наших»; «в нем... даны правила монахам-скитянам», «живущим наедине» [177, с. 299].

«Скитский устав состоит из трех частей: предисловия, изложения общей службы и одиночного келейного правила» [Там же, с. 300], – говорит проф. Мансветов. Описывая порядок совершения «общей службы» – скитской «всенощной», ученый утверждает, что он соответствует синайской редакции Иерусалимского богослужебного устава, приспособленного для храмового богослужения в пустынных обителях и молитвенной жизни безмолвников. Между тем известно, что именно этой богослужебной традиции следовали обители, возглавлявшиеся прп. Григорием Синаитом, позднее Килифаревский Тырновский монастырь и большая часть болгарских исихастских монастырей, основанных учениками Синаита и прп. Феодосия [278, с. 247]. Описание всенощного бдения в Нило-Сорской пустыни [248, с. 247] подтверждает, что его состав также полностью соответствовал «синайской службе» синаитских обителей. О некоторых совпадениях в «устройстве этих монастырей» говорит и П. А. Сырку [277, с. 241]. И если учесть, что в известных науке сборниках на славянском языке текст Скитского устава находится рядом с сочинениями прп. Григория Синаита и патриарха Евфимия и, возможно, имеет отношение к деятельности на Руси свт. Киприана Московского [25, с. 28–32], то нужно признать, что составление Скитского устава связано с балканским кругом прп. Григория Синаита, а его распространение – с Тырновской книжной школой.

В литературе считается, что прп. Нил переписал текст Скитского устава с рукописи библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. Но, проанализировав вышесказанное, автор диссертации полагает, что прп. Нил мог «в странах Царяграда» вступить в прямое общение с преемниками Синаита, хранителями исихастских духовно-литературных традиций, от них получить текст устава, а вместе с ним – основательное знание методологии и содержания образовательного процесса Тырновской школы, которое впоследствии он применил в собственной «школе» в Сорском скиту.

Именно изучение Св. Писания, патристического наследия и книжно-литературная работа являлись для прп. Нила одним из важнейших компонентов воспитания.

2.2. Концепция духовно-нравственного воспитания прп. Нила Сорского

На основе опыта воспитательной деятельности прп. Нила Сорского и его письменных трудов, житийных сведений, исторических данных об укладе жизни в Нило-Сорском скиту, редакторско-составительских работ старца, творческой деятельности его учеников и собеседников, творческого наследия его духовных учителей и предшественников – известных деятелей исихазма нами была реконструирована его педагогическая концепция, которая строится на евангельских принципах, его личном опыте достижения высших ступеней исихастской практики и является дальнейшим развитием педагогических идей святых отцов.

Воспитательная концепция прп. Нила основана на догматическом учении христианства и вытекает из христианского учения совершенствования и спасения. При этом педагогические идеи прп. Нила были облечены в форму исихастской аскетики. И эту особенность надо учитывать при описании его концепции духовно-нравственного воспитания.

Так же, как и то, что процесс воспитания в аскетико-педагогической системе прп. Нила фактически реализовывался на основе его концепции, которая по сути являлась его нравственно-аскетическим учением, содержащим конкретное практическое руководство для внутренней работы по воспитанию (самовоспитанию).

Выявить компоненты воспитательного процесса в системе прп. Нила позволяет также исследование творческого наследия его духовных учителей и предшественников – известных деятелей исихазма.

Прп. Нил один из первых на русской почве разработал концепцию воспитания, построенную на основе исихастской аскетико-антропологической системы. Ее сущностные характеристики соответствуют принципам христианского воспитания и выстраиваются в контексте христианского вероучения и исихастской практики.

Педагогическую концепцию старца отличает интерес к этическо-нравственным проблемам, творческой свободе и ответственности. Он использует онтологический подход к исследованию соотношения нравственного и духовного, духовного и телесного, духовного и психического, определенного непосредственным участием Бога в судьбе человека. Церковная жизнь христианина представляется как особая школа воспитания мужества, смирения и добротолубия. Воспитание в благоговении перед Богом (страхе Божьем) формирует внутреннюю свободу человека и порождает способность противостоять злу через смирение. Смирение трактуется старцем как отсутствие горделивых претензий. Свобода нравственного выбора определяется нравственной интуицией, или совестью. Любовь к ближнему трактуется старцем как важнейшее условие духовного совершенствования.

Разумеется, старец-монах не занимался специально написанием научно-педагогического трактата, но именно в силу вышеуказанной глубинной связи его аскетическое учение о духовно-нравственном совершенствовании и его реализация в практике воспитания нужно считать имплицитной педагогикой. Используя мысль С. С. Хоружего, можно утверждать, что учение прп. Нила о

духовно-нравственном совершенствовании, находясь в общем русле исихастской традиции, является «зашифрованной» педагогикой, но выражается не на языке педагогических понятий, а на языке аскезы, на языке «умного делания» [303, с. 160–161].

Старец Нил не только выработал концепцию, но и реализовал ее на практике в виде целостной системы воспитания «школы» Нило-Сорского скита.

Понятие «воспитание» в учении прп. Нил раскрывается в широком смысле – как целостный процесс восстановления нарушенного грехопадением естественного состояния человека и его восхождение к совершенству для подготовки к жизни вечной. Восхождение, движение, путь совершается синергийно действием Божественной энергии («вседействием Бога», «споспешением» святых, по словам прп. Нила [198, с. 53]) при усилиях человека, наделенного свободной и сознательной волей (при сознательной работе над собой, «внимании себе», самоисправлении, перевоспитании, которое менее точно называют самовоспитанием).

Концепция Нила содержит *все основные компоненты* педагогической системы: цель, принципы, содержание, средства, методы, результаты.

Цель – воспитание по образу и подобию Божию, путь – всестороннее совершенствование по образу Божию: «будьте совершенны, как совершенен есть Отец Ваш Небесный» [Мф. 5: 42–48], восхождение ученик к Богу. Раскрытие образа Божия в себе является необходимым условием «совлечения ветхого человека». Опираясь на свободную волю и личный труд восприятия «новозаветной реальности» и исполнения христианских заповедей, человек встает на путь всестороннего духовного развития и совершенствования.

Отсюда общая задача – очищение души от греховных мыслей и страстей, исправление жизни и приобретение высоких духовно-нравственных качеств: послушания, смирения, терпения, беззлобия, любви. Среди главных основ воспитания – правильное вероучение, твердая вера и любовь к Богу, церковная традиция.

В систему задач воспитания (самовоспитания) прп. Нил включал всё то, что относится к противоборству грехам и к приобретению добрых качеств: право мудрствовать (т. е. правильно мыслить) и благочестно жить; «делать все, что в силах, для благоугождения» Богу; поступать, «как благоугодно Богу и полезно для души»; «что похвально, честно и добродетельно, о том думать и то делать, мудрым бывая в благом, всякое же зло ненавидя»; искоренять все дурное и насаждать все доброе; «вести борьбу со страстями», «изменять мысли на благие», «добродетели по возможности совершать». По мысли прп. Нила, воспитывает человека Сам Бог через «питание» его «вседейственной благодатью».

Собственно педагогическим компонентом воспитания (воспитанием в узком смысле) является духовное руководство благодати Божией, которое для воспитуемого реализуется в основном двумя способами: через самостоятельное исследование «слова Божия» [98, с. 55], «Божественных Писаний», патристического опыта аскезы или через наставления и пример «духоносного» старца, говорящего и действующего на основании «слова Божия». Наставник «окормляет» свое чадо, т. е. создает наилучшие условия для его воспитания, как-то: организует правильный строй жизни, учит истинам веры и нравственным заповедям, формирует необходимые навыки, назидает, направляет, помогает в работе над собой. Педагогические действия наиболее интенсивны на начальных этапах восхождения. Совершенные (т. е. приблизившиеся к святости) уже «не требуют научения» педагогов, как говорят св. отцы, и «водятся благодатью» самостоятельно. По словам прп. Нила, их «мысль... наставлением наставляется силою иною, а не сама наставляет» [238, с. 117]; «ум путеводится, а не путеводитель» [241, с. 44].

Педагогический процесс также совершается синергийно: наставник в своей деятельности укрепляется Божественной энергией и восходит к совершенству вместе с воспитуемыми.

Самовоспитание (самоисправление), волевые усилия человека, направленные на самовоспитание, – важнейшая часть процесса воспитания, без которой он не может быть успешен. При эксплицировании системы прп. Нила

нужно различать методы и средства осуществления педагогических воздействий от соответствующих компонентов самовоспитания.

Под «духовно-нравственным воспитанием» в рамках христианской традиции прп. Нил Сорский понимает «слияние» общей жизни человека с Богом-Троицей под воздействием благодати Святого духа и постепенное приобщение к духовным идеалам.

Принципы и сущностные свойства воспитания в системе прп. Нила соответствуют принципам аскетико-антропологической системы христианства в целом. Главные из них были рассмотрены выше (гл. I). Перечислим их еще раз: холистичность; природосообразность; трансцендентность цели (непрерывность (бесконечность); теоцентричность; церковность; синергийность; двусторонность; христианская гуманность.

Он обосновывает следующие основополагающие педагогические *принципы*: принцип уважения личности учащегося, принцип приоритета духовного воспитания над обучением, принцип опоры на положительные примеры, принцип соответствия воспитательного процесса возрастным особенностям обучающихся, духовно-антропологический принцип и принцип соответствия воспитания индивидуальным особенностям учащихся. Все учение прп. Нила пронизывает принцип синергийности. Причем «Божественному вседействию» он придает решающее значение в деле воспитания.

Воспитанию по прп. Нилу присущи характерные черты, которые обуславливаются личными предпочтениями педагога определенных направлений деятельности, аскетических приемов, а также его личными качествами. Среди характерных признаков процесса воспитания, организованного прп. Нилом, особый упор на «исследование Божественных Писаний», «внутреннее делание» и «разумность».

Одной из характерных черт педагогики прп. Нила можно считать ярко выраженную направленность на самовоспитание (самоисправление) и «совоспитание» всех участников процесса, что при постоянном внутреннем стремлении к поставленной цели обеспечивало непрерывное духовно-

нравственное возрастание воспитанников и самого педагога, поскольку «за спасение этих [воспитуемых] и тех [наставников] Господь от нечистот избавил» [238, с. 85]. Так, в своем «Предании» прп. Нил отметил, что составил «писание душеполезное для себя» и для «подобных ему, находящихся в чину учимых». Прп. Нил избегал называть скитян своими учениками, но считал их «братиями своими присными», которые одного с ним нрава, и совоспитанниками [198, с. 200–201]. Такое «самоустранение» можно назвать особым аскетико-педагогическим приемом для предоставления исключительной «возможности действовать Богу» [199, с. 497]: «надо предоставлять это Богу: в силах ведь Бог исправить их» [238, с. 235].

Отмечая специфику педагогической концепции Нила Сорского, в то же время следует подчеркнуть, что она развивалась в русле христианской педагогики. Опора на «исследование Божественных Писаний», «внутреннее делание» и «разумность» относятся не только к сорской системе воспитания, но являются общими принципами аскетико-педагогического патристического учения.

Подлинно христианский характер носят и компоненты его системы. Прежде всего прп. Нил указывает **идеал** воспитания: «Один... у нас Учитель – Господь Иисус Христос, Сын Божий, давший нам Божественные Писания, и святые апостолы, и преподобные отцы, научившие и научающие спасению человеческий род, поскольку они все прежде сами сделали благое и тому иных научили» [238, с. 83]. «Господь Бог наш Иисус Христос... чему научил, то и сотворил, нам образ подав, да и мы подражателями этому будем, сколько есть сил» [Там же, с. 147].

Раскрытие образа Божия в себе является необходимым условием «совлечения ветхого человека». Опираясь на свободную волю и личный труд восприятия «новозаветной реальности» и исполнения христианских заповедей, человек встает на путь всестороннего духовного развития и совершенствования. Целостное понимание иерархии Бог–человек–мир определяет возможность осознания человеком Высшей реальности бытия – Бога. Духовно-нравственное становление и развитие понимается как процесс и результат формирования

высших свойств личности. Старец использует опыт святых отцов и разрабатывает способ осмысления духовного развития человека, достигаемого в процессе воспитания и определяемого им как полное раскрытие духовных сил, способностей, заложенных Творцом в человеке.

В личности Иисуса Христа выражен онтологический идеал совершенства, единый для педагогов и воспитуемых, а в личностях Божией Матери и святых – пример достижения общей цели процесса совершенствования. Поэтому прп. Нил призывает «хоть в малом подражателями быть» «блаженных отцов», «сколько есть силы, надо уподобляться и подражать приснопамятным и блаженным отцам» [Там же, с. 131].

Целью воспитания (самовоспитания), как и всей христианской жизни, является формирование «совершенного человека», достижение святости, или, по прп. Нилу, «желанное спасение души» в «вечной жизни и непреходящем житии» [238, с. 83, 225]. «Жизни вечной сподобиться, и быть жилищем Христа, и Святым Духом исполниться, чтобы смочь принести плоды Духа, чисто и непорочно исполнять заповеди Господни», – такую цель поставляет прп. Нил [Там же, с. 186–187].

Общими **задачами** воспитания (самовоспитания) прп. Нил считает совершенствование, очищение души. Человеку необходимо в первую очередь выйти из состояния греха и прийти в «естественное» состояние.

Сущность процесса духовно-нравственного совершенствования (или, по словам А. С. Архангельского, «великого процесса нравственного самосовершенствования человека», «пути внутреннего нравственного перерождения, перевоспитания») прп. Нил видел в борьбе «с греховными мыслями своей души, со страстями своего сердца – их искоренять, их преследовать» [12, с. 130].

Но было бы ошибочным разделять анти-исихастские мысли А. С. Архангельского о «полной отрешенности от всего телесного» в аскетико-педагогическом учении и в практике прп. Нила и об указании старца на необходимость лишь «внутреннего, духовного исполнения заповедей» [12, с. 130–

131]. Устав Нило-Сорского скита (система постов, бдений, молитвословий, внешних приемов молитвы, занятий рукоделиями и др.) ориентирован на исихастский подход в этих вопросах: тело – инструмент души, и в процесс воспитания должно быть вовлечено всё человеческое существо.

Исходя из этого в **систему задач** воспитания (самовоспитания) прп. Нила можно включить всё, что относится к противоборству грехам и к приобретению добрых качеств:

– право мудрствовать (т. е. правильно мыслить) и благочестно жить [142, с. 239];

– «делать все, что в силах, для благоугождения» Богу; поступать, «как благоугодно Богу и полезно для души» [238, с. 255];

– «что похвально, честно и добродетельно, о том думать и то делать, мудрым бывая в благом, всякое же зло ненавидя» [Там же, с. 227];

– искоренять все дурное и насаждать все доброе; «вести борьбу со страстями», «изменять мысли на благие», «добродетели по возможности совершать» [Там же, с. 225].

Задачи педагога состоят в том, чтобы «желать ближним спасения», «сделать благое и тому иных научить» [Там же, с. 83, 257]; «спасения ради своего и всех произволяющих» «воздвигать совесть к лучшему и сохранять от небрежения, от порочной жизни и вины дурно и плотски мудрствующих людей, и от преданий обманных и суетных, [от] общего нашего врага и обманщика и от нашей лености прившедших» [Там же, с. 83]. Для исполнения этих задач воспитатель должен исходить из своего главного принципа: «говорить слово Божие»; «говорить от Св. Писаний»; «говорить Божественные Писания принимающим их и хотящим спастись»; «испытывать Божественные Писания» и «передавать требующим их» [Там же, с. 83, 85].

Дело педагога имеет одно и то же содержание с делом любви к ближнему: «...истинная любовь к ближним – воздвигнуть их совесть к любви Божией и [побуждать] исполнять заповеди Его, согласно истинным Божественным словам

Его, и по житию и учению святых отцов жить, насколько возможно, и так спастись» [Там же, с. 255–257].

Главное **условие** воспитания – свободное подчинение воли: «всего себя отдать словам Его заповедей». Тогда достигается главная цель воспитания – спасение: «Тогда Господь, видя такое благое произволение и тщание [ученика], творит милость Свою над ним и избавляет его... от живущего в нем греха, Святым Духом его исполняя. И так впредь без усилий и без труда творит он все заповеди Господни поистине, скорее же – Господь в нем, и тогда плоды духа приносит он чисто» [Там же, с. 85, 187–189].

К другим не менее важным условиям успешного воспитания прп. Нила относятся следующие:

- соблюдение «меры» в подвиге;
- постоянство, «поддержание всего делания», т. е. «проводить жизнь со многим усердием и старанием, держась всех Божественных Писаний, всё, насколько по силам, благочестиво совершая, и всегда без разленения и небрежения делать дело Господне»; «частота и прилежность» в молитве [Там же, с. 111, 129]. Необходимо сознательно стараться «не малодушествовать, не унывать», «не уклоняться в отчаяние», «без разленения и небрежения» относиться к делу своего нравственного самосовершенствования [Там же, с. 127–129].

- принуждение себя «всегда ко всякому благу и к исполнению всех заповедей Господних, сколько есть силы, хотя бы и не хотело сердце из-за владеющего им греха» [Там же, с. 187].

- внутренняя решимость «шествовать не возвращаясь и не озираясь назад» [Там же, с. 239]. «Терпеть на месте сем» [Там же, с. 280]. Такими словами старец Нил наставлял учеников претерпевать тяготы аскетического пути, жизненные трудности и не покидать скита.

Принцип синергичности пронизывает все учение прп. Нила, причем «Божественному вседействию» он придает решающее значение в деле воспитания. Этот принцип прп. Нил выражает так: «Бог же, творящий преславное и подающий всякое благое даяние исполняющим волю Его, да подаст тебе разум

и твердость, чтобы творить волю Его святую молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы и всех святых, ибо благословен вовеки» [Там же, с. 239]. «Способность стоять в добродетелях не от тебя зависит, но есть дело благодати», – постоянно повторяет прп. Нил [Там же, с. 129].

По мысли прп. Нила, воспитывает человека Сам Бог через «питание» его «вседейственной благодатью»: «Господь выводит из потопа страстей и из трясины грехов», «на благие дела благодатью Божией да направляемся» [Там же, с. 199, 231].

Содержание – изучение Священного Писания, богословской и агиографической литературы. Прп. Нил выделяет основные компоненты содержания воспитания:

– во-первых, христианское мировоззрение и правильное, церковное вероучение, которого придерживались святые. «В начале» прп. Нил излагает «о вере»: «Верую во единого Бога, в Троице славимого, Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную. Также и в воплощение Сына Божия верую и совершенным Богом и совершенным Человеком Его исповедую. И прочее исповедание православной веры все приемлю и исповедую всею моею душою»; «все учения... святых апостолов, и святых отцов Вселенских соборов и поместных, и прочих святых отцов святой Церкви... принимаю и почитаю со многой верою и любовью» [238, с. 83];

– во-вторых, «помянуть Господа всегда» [Там же, с. 189], умом устремляться к Богу, «всегда иметь пред очами Бога» и все делать «для благоугождения Его» и исполнения заповедей, «зная, что Он всегда с нами» [Там же, с. 131]. На практике, как объясняет прп. Нил, выполнение этого требования означает «душой и телом, словом, делом и помышлением пребывать в деле Божиим, насколько это по силе» [Там же, с. 129].

– в-третьих, твердая вера, «любовь многая» к Богу и к Его заповедям, которые «светлы и возжеленны паче злата» [238, с. 187–189, 244–245]: «со мною любовью и со страхом искать Его, на Него одного взирать и творить

заповеди Его» [Там же, с. 123]. «Ум имети в благоговении и в надеже Божией и любви Его прилежати – всем должно есть», – пишет прп. Нил [Там же, с. 130].

На необходимости веры и надежды на «посещение Божие и Его помощь» прп. Нил особенно настаивает, призывая «утвердить сердце свое в уповании на Господа», «всем сердцем благодарить Его, что послал нам благодать эту, возлюбив нас» [Там же, с. 187, 227–231]. О том, что система прп. Нила в высшей степени христоцентрична, говорят такие его высказывания: «Ты силен еси, Господи, и Твой есть подвиг. Ты ратуи и победи в том, Господи, о нас» [Там же, 232];

– в-четвертых, церковная традиция, усвоение которой дает возможность «чин премудрых нам, неразумным, не переменить, но последовать словам св. отцов» [Там же, с. 133];

– в-пятых, почитание святых: «Также и Госпожу мою Святую Пречистую сущую Богородицу со мною верою и любовию исповедаю и величаю, и славлю. И всех святых почитаю и приемлю, и прославляю»; призывание их на помощь [Там же, с. 233];

– в-шестых, участие в жизни Церкви, церковность: «соединяюсь благодатию Христовою и прибегаю вседушевно ко святой, соборной и апостольской Церкви» [238, с. 22].

– в-седьмых, руководство Священного Писания и св. отцов. Нужно «по житию и учению св. отцов жить, насколько возможно» [238, с. 255].

Реализации этих важнейших моментов содержания воспитания способствовал церковный уклад жизни скита.

Главнейшие синергийные *средства* очищения души и совершенствования человека дает Сам Бог: церковные таинства (исповедь, причастие и пр.) и богослужение; «слово Божие», «Божественные Писания». Через них осуществляется «беседа с Богом». Личность педагога является своего рода средством воспитания, поскольку «вседействие Бога» осуществляется через педагога, через его руководство словом и делом, одобрение и порицание.

Средствами воздействия педагога могут быть: слово, беседа – устная традиция, письменно зафиксированные уставы, правила, рекомендации, наставления.

Вопросу «книжного руководства», руководству самого «слова Божия» посвящены многие высказывания прп. Нила. «Путеводителем ко спасению человеку должно служить само Божественное Писание, – утверждает он. – Как не заблудити от истинного пути? Свяжи себя законами Божественных Писаний и последуй им, Писаниям же истинным, Божественным» [12, с. 236–237].

По этим духовным книгам христиан совершается главным образом обучение и воспитание. «Подобает предания св. отцов иметь, и хранить заповеди Божии и исполнять предания св. отцов», поскольку это самый «благонадежный учитель» и «наставник непрелестный» [238, с. 33]: «Немалый подвиг... обрести наставника непрельщенного... кто имеет делание и мудрование от Божественных Писаний и стяжал духовное рассуждение. Сказали ведь святые, что и прежде едва обретался непрельщенный учитель; ныне же, при крайнем их оскудении, подобает искать с особым усердием. Если же не обретется, повелели святые отцы от Божественных Писаний научаться, слыша Самого Господа, говорящего: “Исследуйте Писания и в них обретете жизнь вечную”» [198, с. 71].

В связи с этим прп. Нил учит отвергать «лжеименных учителей еретические учения и предания»: «И еретики все чужды нам да будут» [238, с. 83]. «Писания бо многа, но не вся божественна суть», – свидетельствует он. В этих словах прп. Нила заключается, по мнению Г. М. Прохорова, «предупреждение о книжности еретиков», призыв быть бдительными: «Еретики тоже были людьми книжными, но Писание старались перетолковать по-своему и принимали его выборочно» [Там же, с. 30].

В учении прп. Нила в целом значим миссионерско-просветительный аспект; ряд направлений его воспитательной деятельности связан с активной миссионерской проповедью православия, что рассматривалось выше.

Главнейшие синергийные **средства** очищения души и совершенствования, которые дает Сам Бог:

– церковные таинства (исповедь, причащение и пр.) и богослужение;

– «слово Божие», «Божественные Писания». Через них осуществляется «беседа с Богом».

- письменно зафиксированные уставы, правила, рекомендации, наставления.

Личность педагога является своего рода средством воспитания, поскольку «вседействие Бога» осуществляется через педагога, через его руководство словом и делом, одобрение и порицание. Средствами воздействия педагога могут быть:

- слово, беседа – устная традиция.

Методы – личный живой пример, метод убеждения, упражнения, поощрения, следование наставлениям духовника, духовно-нравственная практика, труд; послушание, терпение и т. д.; назидание, убеждение, пример: «следовать примеру добрых старцев, но только таких, о которых известно, что “житие их и мудрование” согласно со Св. Писаниями»; советы педагога, и, как частный случай, «совет с единомысленными», братская взаимопомощь в деле духовно-нравственного совершенствования. Прп. Нил указывает необходимые «внешние» и «внутренние» методы «доброделания», из них самый действенный в его системе, безусловно, исихастский метод концентрации внимания, средствами которого выступают «трезвение» («постоянное наблюдение за своим умом и сердцем») и «умная» Иисусова молитва.

Прп. Нил указывает следующие **методы** педагогического руководства:

– назидание, убеждение, пример, наказание:

«Следовать примеру добрых старцев, но только таких, о которых известно, что “житие их и мудрование” согласно со Св. Писаниями» [12, с. 76].

Советы педагога и, как частный случай, «совет с единомысленными», братская взаимопомощь в деле духовно-нравственного совершенствования:

«Пребывание с верными братьями, единомудренными в деле Божиим, с одним или двумя, чтобы, от святых Писаний воле Божией научаясь, если кому-то Бог подаст больше разуметь, брат брата назидал и друг другу помогал...» [238, с. 199]. Прп. Нил говорит о необходимости и пользе духовного общения, бесед с единомышленниками как средства воспитания: «Общайся с таковыми и способствуй тех деланию, кто духовно мудрствует» [Там же, с. 113].

Любовь к воспитанникам и, как следствие ее, благожелательность, снисхождение к ним являются имманентными свойствами христианского воспитания и одновременно незаменимыми педагогическими средствами: «Благожелательно и ласково беседу веди с любовью духовной и смирением истинным, без лености и не обижая брата... и старайся ни укорить, ни осудить никого ни в чем, хоть и нехорошим что-то кажется тебе. Но себя грешным и негодным во всем считай» [Там же, с. 229].

То же относится и к строгости, требовательности, применение которых позволяет добиться лучшего духовно-нравственного результата, поскольку, по прп. Нилу, слова, внешне кажущиеся жесткими, «внутри же наполнены пользой» [Там же, с. 245].

Требование наказания «самочинников». Прп. Нил говорит: «О таковых в божественной “Лестнице” сказано: “Лучше изгнать, нежели оставить творить свою волю. Ибо изгнавший часто заставляет изгнанного быть смиреннейшим и впредь отсекает свою волю”» [238, с. 87].

Важным условием успешности применения методов воспитания — «предоставлять Богу» дело исправления воспитуемых. Установка, основанная на синергийном характере воспитания и свойственная только для аскетических систем, в частности для воспитания в Нило-Сорском скиту: «...надо предоставлять это Богу: в силах ведь Бог исправить их» [Там же, с. 235]. «Я же не делатель никакого блага, но только Божественные Писания говорю принимающим их и хотящим спастись», — писал прп. Нил [Там же, с. 83].

Основной **способ** воспитания заключается в очищении души от «страстных помыслов» и греховных страстей и приобретении высоких духовно-нравственных качеств: послушливости, смирения, терпения, беззлобия, любви.

Старец Нил перечисляет главные «страстные помыслы», «от которых рождаются многие другие страстные помыслы: 1) чревообъядения, 2) блудный, 3) сребролюбия, 4) гнева, 5) печали, 6) уныния, 7) тщеславия, 8) гордости» [Там же, с. 133]. Прп. Нил дает психологический анализ развития греховной страсти в душе человека и учит, как бороться с ней. Следуя византийским аскетам, сорский

учитель насчитывает пять различных стадий развития греха: «прилог», «сочетание», «сложение», «пленение» и собственно греховная «страсть».

«Прилог» – простое впечатление, образ какого-либо предмета, всякое первичное движение, являющееся в сердце и уме. Это невольная, мимолетная мысль (или чувство), возникающая независимо от нашей воли и желания [12, с. 93–94]. Подобные мысли нужно «отсекать», «отвращать» [238, с. 105]. «Диалог с явившимся», обдумывание пришедшей мысли (чувства) при некотором внимании к ней есть «сочетание»; «от “прилога” “сочетание” отличается присутствием зачатка воли». Задача человека – «изменять мысли на благие» [238, с. 94].

«Сложение» – начало страстного увлечения явившейся мыслью, возникшим чувством, которые человек сознательно удерживает в себе и готов им следовать. В этом случае помощью к самоисправлению являются раскаяние, желание не согрешить делом, исповедь, самоукорение, призывание Бога на помощь [12, с. 105].

Увлечение мыслью (чувством) называется «пленением»; больше всего ему способствуют «многие и неполезные беседы» [198, с. 77]; оно может совершиться и «против желания» человека, но если совершается вполне сознательно, то вредоносно для духовно-нравственного состояния души. Если греховная склонность всецело завладевает человеком, укореняется в душе, такое состояние называется «страстью». Человек «своей волей вметает себя в страсти» [238, с. 123]. «При своем нравственном самосовершенствовании» необходимо всемерно сопротивляться страсти и бороться с ней – удаляться от предмета, вызывающего страсть, каяться, молиться об избавлении от нее [12, с. 96].

От страстей воспитуемый избавляется в процессе «доброделания», главные направления которого определены христианскими заповедями, данными в Священном Писании. Указав «предмет» самовоспитания/самоисправления, прп. Нил указывает необходимые «внешние» и «внутренние» методы и средства «доброделания», или «деятельной добродетели», а также отдельные приемы, применяемые против той или иной страсти.

Так, «помыслу чревобъядения» противостоит самоукорение, молитва, строгий распорядок и принятие пищи «в меру», т. е. чтобы «по потребности» «укрепить силу своего тела» [238, с. 135]. В этих вопросах действовать нужно «с рассуждением», чтобы не причинить себе духовного и физического вреда. «Воздержание» «с рассуждением» – общий подход метода самоограничения.

Помысл блудный следует «тщательно отсекаль», избегая «неподобающих бесед», воспоминаний, удаляясь от предметов, вызывающих помыслы. Он побеждается страхом Божиим, «прилежной молитвой», чувством стыда, «о себе размышлением» и самоукорением [Там же, с. 141–143].

Страсть сребролюбия побеждается молитвой и отказом от обладания имуществом сверх самого необходимого [Там же, с. 145].

В гневе, когда приходят помыслы о мщении, нужно молиться за оскорбителя, «творить добро ему, сколь есть силы» и «не воздавать зла» [Там же, с. 147].

Также и сопротивляясь «духу скорби», т. е. находясь в печали из-за какого-либо несчастья, нужно не роптать, но молиться, веря, что скорби посылает Бог «на пользу нам» [198, с. 132]. «Отметать скорбь» нужно также молитвой, чтением и общением с духовными людьми.

Греховную страсть печали нужно «искоренять при самом зарождении» [12, с. 109], вытеснять «скорбью полезной – о грехах» [238, с. 149].

Помысл уныния особенно «лют» [198, с. 134]. Ему нужно противопоставить молитву, терпение без ропота, упование на Бога и понуждать себя к чтению и рукоделию [238, с. 153]. Иногда необходима «беседа в меру» с опытным старцем, но лучшим средством является «безмолвие» [Там же, с. 155].

Помыслы тщеславия, т. е. желания «прославиться между людьми», необходимо «всегда отметать» при постоянном самоконтроле своих внутренних побуждений, им противопоставить молитву, мысли о «сраме, последующем тщеславию», «об исходе нашем», воспоминание «своих согрешений» и недостойности [Там же, с. 154–157].

И, далее, гордость – «начало и конец всех зол» [Там же, с. 157]. Нужно молиться, всячески оберегать себя от «гордыни», противопоставлять ей смирение, «считать себя хуже всех» и в жизни «ставить себя ниже всех» с помощью конкретных «внешних» приемов: «избирать всегда последнее место», «худшую одежду носить», «не приносящие чести дела любить», «молчание любить, и не заноситься в беседах, и не быть любителем словопрений и не бесстыдным», «не любить выказывать себя, и не желать сказать свое слово, хотя бы оно и казалось хорошим» [Там же, с. 157–159]. «Потому, сказали отцы, что у новоначальных внутренний человек сообразуется с внешним... не верь, что не сохраняющий себя во внешнем благоустроен внутренне», – учит прп. Нил [Там же, с. 159]. Он называет «безумием» «надмеваться происхождением», «искусством в рукоделии», «стяжаниями», природными данными, известностью своего монастыря.

Действенное средство борьбы со всеми вышперечисленными страстными помыслами, – усердные молитвы к Богу о помощи при собственных усилиях оберегать себя от них, «противоречить им и отогнать их» [Там же, с. 161–163, 187].

Прп. Нил заостряет внимание также на общих методах и средствах «добродейания», которые в аскетике особенно действенны для самоисправления. В первую очередь это:

– покаяние, «исповедание» [198, с. 58]. Это аскетическая основа изменения самого себя к добру и духовно-нравственного возрастания. Покаяние включает в себя осознание греховности своих мыслей, действий или образа жизни; понимание, что нельзя повторять греховные поступки; очищение души через исповедь: «исповеданием исправить сия» [Там же]. Борьба с грехами состоит из «уроков» постоянного внимания не только к собственным поступкам, но даже к намерениям, ко всем состояниям ума и сердечным движениям, а также осуществляется через постоянное «откровение помыслов» своему наставнику;

– послушание. Это главный метод и средство самовоспитания, основная обязанность христианина.

Универсальное правило послушания в христианстве:

▪ «творить по святым Писаниям и по жительству св. отец» [238, с. 242] (т. е. жить по заповедям Св. Писания и святоотеческим наставлениям). «Свяжи себя законами Божественных Писаний и последуй им» [Там же, с. 237] – это наставление и требование прп. Нила во многом определяет содержание скитской жизни и воспитательной работы, которая основывалась на «исследовании Писаний»: чтении; заучивании наизусть текстов с целью их глубокого усвоения.

В первую очередь к «доброделанию» послушания относится исполнение нравственных заповедей Писания: «Будь же усерден к послушанию Божественных Писаний и их словами, как живой водой, напивай свою душу и старайся, по мере сил, им следуя поступать». «Также людям, имеющим разумение Божественных Писаний, мудрость духовную и жизнь, засвидетельствованную в добродетелях, старайся повиноваться и их житию подражателем быть», – добавляет прп. Нил [Там же, с. 28–229], указывая тем самым на следующее правило послушания: подчинение своему наставнику (настоятелю скита), единомыслие с ним и с братией, «своя воли отсечение» «ради Бога» [Там же, с. 86–87).

«Будь послушен наставнику и прочим отцам о Господе во всяком деле благом. Службу же, которая ныне поручена тебе, или иную, к какой перейдешь, исполняй, служа с радостной готовностью и старательностью благообразной, как Самому Христу, всех братьев считая святыми» [Там же, с. 227]; «К благоговейным отцам прилепляйся, и то вовремя и в меру. От не таковых же уклоняйся, береги себя...» [Там же, с. 228–229]. Эти и подобные высказывания сорского старца еще раз свидетельствуют о важности качества послушания в аскетической системе воспитания.

▪ подчинение уставу, составленному «от святым Писаний» [198, с. 56]. Отлаженный уклад, влияние воспитательной среды в некоторых случаях заменяет педагогическое влияние «духоносного» наставника.

Далее, к «внешним» аскетическим методам относятся:

– методы «телесного делания», воздержание, всестороннее самоограничение. Главные средства воспитания при этом

- пост, телесные труды, «бдение».

Прп Нил учит «соответственно силе своего тела и души» «избегая пресыщения и сластолюбия» «утомлять тело постом, жаждою и трудом по возможности» [238, с. 91]. Это полностью соответствует патристическим наставлениям, в соответствии с которыми мера вкушаемой пищи должна быть не выше и не ниже силы. «И если кто-то имеет здоровое тело, подобает утомлять его постом, бдением и трудным деланием; поклоны ли, или рукоделие с трудом подобает творить, да поработается тело душе и от страстей избавляется благодатью Христовой. Если же тело немощно, – соответственно силе надо управлять им» [Там же, с. 131]. Подобные мысли старца Нила встречаются в разных вариантах и не в одном его произведении, что говорит о важности данного вопроса для успешного воспитания.

Важнейшие требования воспитания:

- все делать со страхом Божиим, благодаря Его, и благоговейно, «благоопратно» себя держать при всех житейских делах [Там же].
- уединение внешнее (от людей, «молвы» и т. д.) и внутреннее (от привязанности к недуховным ценностям «мира сего»).
- требования реализуются через такие средства, как:
 - отказ и удаление от всего, что может отвлечь, занять внимание и раздражить сознание;
 - уменьшение внешних впечатлений и влияний, устранение от житейской «молвы». Прп. Нил учит «от мирских соплетений удаляться» [Там же, с. 241];
 - «безмолвие». Это емкое понятие у прп. Нила означает «отсутствие попечений», «сохранение себя от бесед, и слышания, и видения неподобающего, что возбуждает страсти и укрепляет нечистые помыслы»; прп. Нил советует избегать празднословия, роптания, осуждения, и вообще «лицезрения и беседы», особенно «беседы без осторожности» [Там же, с. 189, 191, 227].

Сорский учитель так передает внутренний смысл «уединения»: «Если хотим иметь истинное прилежание к делу Божию, да удалимся сначала, насколько возможно, от суеты мира сего и постараемся умять страсти, т. е. охранять

сердце от лукавых помыслов, этим заповеди исполняя, и наряду с хранением сердца да имеем всегда молитву» [Там же, с. 125]. Таким образом, метод «уединения» сочетает в себе элементы «действия внешнего» и «внутреннего».

По мысли аскетов, идея «внутреннего удаления от мира» составляет ядро аскетического учения [199, с. 313]. Прп. Нил говорит, что человек должен внутренне отрешиться от привязанности к «образам неким и картинам мира», для того чтобы эти впечатления не возобновлялись в нем и не отвлекали от целей его подвига. Удаляться нужно от празднословных бесед, «иссушающих цветы добродетелей», от осуждения ближних (не выведывать об их «тайнах и делах», но оплакивать свои грехи), от «попечений о бессмысленном», особенно же о «стяжании имуществ» [238, с. 235, 237].

Внешнему и внутреннему уединению соответствовали и ему способствовали условия жизни «наедине», созданные прп. Нилом в скиту. Там отсутствовали «церковное украшение», «красота зданий», «вещи многоценные и украшенные», в быту использовались самые простые предметы, «повсюду находимые и легко приобретаемые» [Там же, с. 89, 91].

Беспристрастие (отсутствие привязанности ко всему временному, суетному). Метод и строй жизни, основанный на беспопечении о вещах и отсутствие привязанности к ним. «Все, что касалось быта, делалось на скорую руку, с минимальной заботой и затратой сил и средств. Вещи были не просто дешевыми, но вовсе ничего не стоящими и потому не обременительными» – таково свидетельство о жизни афонских келлиотов [199, с. 376]. Очевидно, что прп. Нил придерживался тех же аскетических методов.

Важнейшим методом воспитания в его практике была борьба с «самостью», «самоотречение», «самоукорение», «сокрушение», которыми приобретает «смирение своего мудрования» [238, с. 129].

Без этого качества нравственное возрастание невозможно, поскольку синергийное дело совершенствования совершается следующим образом: «если не смиришь свое мудрование, оставит тебя благодать и совершенно падешь ты в том, в чем только искушаем был помыслом» [Там же].

Нестяжание внешнее и внутреннее. Этот ключевой в системе прп. Нила метод связан с аскетическими методами беспристрастия и самоограничения. «И не только обладания золотом и серебром подобает нам избегать, но и всяких вещей сверх нужной потребности – и в одежде, и в обуви, и в обустройстве келлий, и в сосудах, и во всяких орудиях. И это все немногоценным, неукрашенным, легко приобретаемым и к волнениям не побуждающим подобает нам иметь» [Там же, с. 145], – неоднократно напоминает старец.

Внешние составляющие метода заключаются в том, чтобы:

- иметь «нужная, а не излишняя», «только потребная» [Там же, с. 86–89];
- не присваивать плоды чужих трудов («стяжания, по насилию от чужих трудов собираемые» [Там же, с. 87]);
- не только не пользоваться ими, а отдавать самим больше, чем требуют.

Основными являются составляющие метода, которые определяются внутренней мотивацией:

- «не только не иметь имущества, но и не желать их стяжать. Это направляет нас к душевной чистоте» [Там же, с. 145].

Терпение, стойкое перенесение скорбей и обид: «Не огорчайся, не ожесточайся из-за того, что не по твоему желанию сделали»; «Терпение имей в скорбях и за обидивших тебя молись, и относись к ним как к благодетелям» [Там же, с. 229].

Деятельное милосердие. Важнейший метод очищения от греховных страстей, заключающийся в том, чтобы «брату творить добро, елико по силе» [Там же, с. 130]. При этом методе применяются такие средства, как:

- «иноческая милостыня», молитва за ближних, помощь, любовь к ближнему, милость, снисхождение. Прп. Нил объясняет, в чем они заключаются на практике. «Иноческая милостыня – помочь брату словом во время нужды и утешить ему скорбь рассуждением духовным... Для новоначальных же – претерпеть скорбь, обиду и укоризну от брата, и это душевная милостыня, и она настолько выше телесной, насколько душа выше тела» [238, с. 89]; «Также и к ближним нашим мы должны, по Господней заповеди, иметь любовь и, если они

оказываются поблизости от нас, показывать это словом и делом, если сможем сохранить при этом любовь и Божию. Если же они далеко от нас, в уме любовью соединяться с ними и всякое злопамятство по отношению к ним от сердец наших отогнать и со смирением подчинить им душу и добрым изволением им благоугодить» [Там же, с. 131]; «Не подобает нам ни гневаться, ни причинять брату зло, не только делом и словом, но и видом, ибо возможно одним взором оскорбить брата своего, как сказано отцами»; «В этом состоит любовь и милость – чтобы молиться за брата...» [Там же, с. 145–147].

Кроме метода «внутреннего уединения», в концепции воспитания прп. Нила предлагаются другие методы и отдельные приемы, объединяющие компоненты «делания внешнего» и «внутреннего». К ним относятся:

- участие в церковных таинствах, частое причащение;
- словесная молитва (храмовая, келейная); чтение псалмов: «устной» молитвой необходимо помогать «внутренней», призывая Бога на помощь, а также «петь или читать» жития подвижников [Там же, с. 113, 117];
- чтение и молитвенное пение как прием метода концентрации внимания;
- рукоделие, «какое-то полезное служение», причем не только как труд для пропитания (питаться «от праведных трудов своего рукоделия и работы» [198, с. 59]), но как «внутреннее» аскетическое упражнение: «этим лукавые помыслы отгоняются» [238, с. 124–125, 227] и дается возможность избежать праздности;
- заучивать наизусть Св. Писание, «на том ум сосредоточивая» [Там же, 227];
- «Телесное делание взыщется от здоровых телом и крепких по силе каждого; мысленное же – то есть ум имети в благоговении и в надеже Божией и любви Его прилежати – всем должно есть, даже и в велице болезни» [Там же, с. 130–131], – учил прп. Нил.

Перечисленные выше методы и средства – это методы «внешнего доброделания». Самым же главным в педагогике прп. Нила являются проблемы сокровенной духовной жизни, «подвиг внутреннего самосовершенствования» [12, с. 92].

«Телесное делание – только лист, внутреннее же, то есть умное, это плод», – передает патристическую мысль прп. Нил и далее поясняет ее. Духовно-нравственное возрастание человека, по прп. Нилу, достижимо лишь при условии «делания сердечного» – «мысленного блюда и умного хранения» [Там же, с. 96]. «Очищение ума» и его «соблюдение» от греховных мыслей приводит к «обретению благодати» и искомой «чистоте душевной» [Там же, с. 98]. «Как невозможно жить без пищи и питья, так без сохранения ума от всего порочного», что в аскетике называется «трезвением», «без наблюдения за своим сердцем не может душа наша достигнуть совершенства», по словам прп. Нила [Там же, с. 92]. Поэтому необходимо, наряду с телесным подвигом, «умом остерегаться преступать заповеданное», ум «очищать от страстей» [Там же, с. 71], отсекал «помыслы» на стадии «прилога», подавлять страсть в самом зародыше.

Система методов «внутреннего делания» дана прп. Нилом в полноте в трактате «О мысленном делании». В нем изложена сущность главного исихастского метода, каковым является: концентрация внимания, т. е. иметь «внимание в одном деле Божиим», или «без помыслов иметь сердце в молитве» [238, с. 133, 187].

Его средствами выступают:

- самоконтроль, «трезвение» – «постоянное наблюдение за своим умом и сердцем» [12, с. 91];
- «умная молитва»: «Старательно отсекай лукавые помыслы, имей же на сих всегдашнюю победу – молитву, Господа Иисуса призывая» [238, с. 225].

«Умное делание» состоит в том, чтобы «сосредоточивая ум», «ум в сердце затворяя», «постоянно смотреть в глубину сердечную и «беспрестанно» внутренне («душевне» или «умне») молиться «умной молитвой»: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» [Там же, с. 83]. «Сердечную», или «умную», молитву, как сердцевину «внутреннего делания», прп. Нил считает «источником всякому благу» [12, с. 100], самым действенным средством совершенствования души. Для «сосредоточения ума в сердце» существуют определенные аскетические приемы, предложенные исихастами для вовлечения

всего существа человека в молитвенное состояние. О некоторых из них (в частности, связанных с процессом дыхания и др.) говорит прп. Нил [298, с. 87].

Компонентами аскетического «внутреннего делания» и средствами самоисправления у прп. Нила выступают такие средства самоисправления, как:

– «память о смерти и Страшном суде»; мысль о том, что «с человеком пойдут» «только с Богом добрые дела», т. е. те добродетели, которые он воспитал в себе при жизни [298, с. 168–169].

– «Божию благодатию обретаемые слезы», «слезы покаяния и сокрушения, слезы, располагающие человека к любви и всепрощению». Они «нередко вызываются “умной” молитвой и часто сопровождают ее» [Там же, с. 174–175].

– «беспечение истинное». Это означает иметь «только одного Господа пред очами и заповеди Его», «да ничем из видимого ум не занимается» [298, с. 187].

Путь нравственного самосовершенствования необходимо проходить «с рассуждением», восходя по ступеням постепенно. В борьбе с «душевными страстями» придерживаться правила: «всему свое время» и «средняя» мера. «В подобающее время и среднюю меру удобнее продвигаться». Общий подход: «прежде времени на высокое не дерзать» и каждому выбирать образ жизни, наиболее подходящий для его внутреннего устройства. Сам прп. Нил рекомендует выбирать «средний путь», «непадательный» («безмолвие с одним или с двумя» при духовном руководстве старца и изучении «Божественных Писаний») [Там же, с. 195–199].

Идеальный образ жизни, для осуществления которого старец Нил создал свой скит, он так описывает: «Да отступим от мятежей, бесполезных беспокойств и прочего, неугодного Богу, и пребудем в заповедях Его, приобретая нужное на потребу от трудов своих. Если же нет, то принимая малую милостыню, откуда усмотрит благость Его. От излишнего же надо всячески отказываться. Браней же, тяжб и ссор из-за телесных лихоимств, как яда смертельного, избегаем. И эти делания творя, которые угодны Богу, – пение, молитву, чтение, поучение в духовном, рукоделие и, может, какой-то работой служение – и Богу приобщаясь

по мере силы по внутреннему человеку, так мы славу воссылаем в благих делах Отцу и Сыну и Святому Духу, единому в Троице Богу» [Там же, с. 200–201].

Результатом воспитания становится достижение святости, пребывание с Богом, достижение жизни вечной, спасение, достижение Царствия Божия, обожения, или, по прп. Нилу, такого состояния, «когда действием духовным душа... делается подобной Божеству непостижимым с Ним соединением... просвещается она лучом высокого света». Человек «видит свет, которого мир не имеет», чувствует радость и блаженство [Там же, с. 119].

Педагогический процесс также совершается синергично: наставник в своей деятельности укрепляется Божественной энергией и восходит к совершенству вместе с воспитуемыми. Самовоспитание (самоисправление), волевые усилия человека, направленные на самовоспитание – важнейшая часть процесса воспитания. Одной из характерных черт концепция прп. Нила можно считать ярко выраженную направленность на самовоспитание (самоисправление) и «совоспитание» всех участников процесса, что при постоянном внутреннем стремлении к поставленной цели обеспечивало непрерывное духовно-нравственное возрастание воспитанников и самого педагога.

Принципы, содержание и методы воспитания, обосновываемые прп. Нилом, обусловлены природой человека и полностью соответствуют потребностям его всестороннего развития, что и позволяет достичь высоких результатов.

2.3. Нило-Сорский скит и его воспитательная среда

Процесс воспитания в аскетико-педагогической системе прп. Нила реализовывался в практике созданного им монастыря *на основе его концепции*, которая по сути являлась его нравственно-аскетическим учением, содержащим конкретное практическое руководство для внутренней работы по воспитанию (самовоспитанию).

В целом во время своего пребывания на Востоке преп. Нил в совершенстве освоил теорию и практику монашеского делания. И в то же время несомненно, именно на Афоне он сложился и как педагог, способный наставлять, просвещать, вести, руководить людьми, которые целью своей жизни избрали монашество. «По доволном времени пребывания своего во Святей Горе, такожде и во окрестностях Царяграда, вся жилища иноческа обшедши и от всех ползу приимши, во отечествие свое (яко добрый и искусный купец со многим прибытком и духовным обогащением) возвратися» [238, с. 407], – говорится в житии прп. Нила.

Возвращение на Русь прпп. Нила и Иннокентия датируется приблизительно 1485 годом. «По завершении странничества» прп. Нил не остался в Кирилловом монастыре, а ушел «на безмолвие», «в уединение», построив себе келлию (понимать не в афонском смысле, а как жилище, избушку) «вне близ» монастыря.

Вскоре он перешел за «пятнадесят поприщ» от монастыря (ок. 20 км), на берег речки Соры (Сорки), в пустынное, глухое, болотистое место, которое было «мирской чади маловходно» [Там же, с. 25]. Там поселился и Иннокентий, потом стали приходить в поисках духовного руководства другие монахи, «хотящи жителствовати» рядом с прп. Нилом. Для общих «потреб», в том числе церковных, прп. Нил устроил, следуя афонской традиции, водяную мельницу, а для совершения церковного богослужения построил, наносив своими руками земли, на высокой насыпи деревянный храм-кириакон, освященный в честь Сретения Господня. «Простым и неукрашенным, построенным «со всякою скудостию» был первый храм Нило-Сорского скита», – отмечает историк [247, с. 173]. И это соответствовало принципам внешнего уединения и «безмолвной» жизни и тем способам и средствам воспитания, которые были избраны прп. Нилом.

В этом небольшом пустынном скиту прп. Нил настоятельствовал до самой своей кончины, наступившей 7 мая 1508 года. «В 1515 г., спустя семь лет после смерти Нила, в скиту жило 14 человек. При его жизни там их вряд ли было больше», – считает историк [Там же].

Прп. Нил создавал своей скит как воспитательную среду, внешние и внутренние условия которой являлись важными компонентами воспитательной системы. Расположение скита, окружающая природа, планировка жилищ, организация монашеской жизни – богослужебный строй, дисциплинарный устав, внутренний распорядок, хозяйственно-бытовой уклад – все поучало, способствовало целям и задачам духовно-нравственного воспитания и главным системообразующим видам деятельности – молитве и «исследованию Писаний».

Храм, как и кириакон на Афоне, занимал центральное место в планировке Ниловой обители. Избушки-келлии (по афонской классификации – каливы, без храмов-параклисов) стояли на удалении друг от друга и от кириакона. Этот принцип скитской структуры строго соблюдался для того, чтобы не нарушать «безмолвие» иноков и чтобы не слышно было, кто как «к Богу подвизается» [238, с. 396]. Это способствовало совершению келейных молитв, которым скитник традиционно, по сравнению с киновиатами, уделяет больше времени. Соблюдались общемонашеские аскетические требования – в келлиях не полагалось иметь ничего, кроме икон, книг и предметов, жизненно необходимых для ведения самого простого хозяйства, недорогих по стоимости, «повсюду обретаемых и удобь купуемых» [238, с. 90] (хотя такой «нищенской» келейной обстановки, как у афонских киновиатов, в скитских келлиях не было: «среднего пути» держались и в этом вопросе. По замечанию Я. С. Лурье, «идея личного нестяжания монахов» «в общежительном монастыре имеет «отчасти более яркое выражение» [171, с. 125–126]. Сельхозработ не вели. Удовлетворять необходимые материальные потребности скитяне, следуя общей традиции, должны были «от праведных трудов своего рукоделия» и за счет небольшой милостыни (позднее, в XVI в., выдававшейся государством). «Рукоделием» же они могли заниматься только таким, какое возможно выполнять под крышей своей келлии, при этом занятия «ручным трудом» были не только средством к пропитанию, но и аскетическим упражнением, способствующим «отгнанию лукавых помыслов» [238, с. 227].

Но, в отличие от монахов традиционного скита-идиоритма, сорские монахи, подобно киновиатам, получали от скита все положенное им продовольствие, одежду и само жилище.

Сильное воспитательное воздействие на скитян оказывала природная окружающая среда. Е. В. Романенко обращает внимание на то, что традиционно скиты располагаются в «пустыне». Помимо тягот и лишений, «скорбей телесных», воспитывающих душевно-волевой и телесный состав человека, жизнь в «пустыне» настраивала воспитуемых на определенный духовный лад, постоянно напоминая им о цели, для которой они туда пришли. «Пустыня», которая подвигами и сокрушенными слезами святых делается в будущем «процветшей», изобилующей «водными источниками», – свойственный христианскому преданию символ «оживления и возрождения человечества, бывшего сухой и бесплодной пустыней» [248, с. 66]. Прп. Нил, основавший скит в столь глухих местах, не только знал эту традицию, но и жил в ней, она внутренне глубоко усвоилась ему и передалась его ученикам. «Вид этого места, с первого раза, дает понятие о том, чего искал здесь святой», – замечает С. П. Шевырев [314, с. 2].

Пустынная, безотрадная для взора местность отчасти являлась внешней оградой скитяна, помогала внутреннему сосредоточению воспитуемых, «вниманию себе», т. е. «внутреннему деланию» как практической и методической составляющей воспитания. Укреплению чистоты веры и верности православным догматам (мировоззренческой основе духовно-нравственной работы скитян над собой) во многом способствовала символика посвящения храма-кириакона церковному событию Сретения Господня.

Исследователь пишет: «Богословие стихир и канона Сретению сосредоточено на главном христианском догмате – о боговоплощении и богочеловечестве Христа. В обстановке борьбы, которую вела Русская Церковь в конце XV в. с ересью “жидовская мудрствующих”, отрицающей главный христианский догмат о боговоплощении, сретенское посвящение Нило-Сорского скита представляется неслучайным... Богословие праздника Сретения не только утверждает истину, но и обличает ее противников» [250, с. 98]. Можно добавить,

что «сретенское посвящение» и раскрывающая главные христианские догматы гимнография праздника, которая постоянно звучала в храме, являлись важным фактором просвещения и утверждения скитян в истинной вере.

Скитяне большую часть времени пребывали «наедине» в келлиях, занимаясь молитвой, чтением Священного Писания и патристической литературы, рукоделием, и собирались вместе на «всенощную скитскую» в кириакон под воскресенье и четверг и в праздничные дни. С позиций христианства, «лучшее, надежнейшее средство» к совершенствованию «есть умная молитва Иисусова, но ее не бывает вне тайны причащения Тела и Крови Его» [199, с. 205], которое «питает Божественной благодатью» [199, с. 201]. Поэтому церковное богослужение составляло сердцевину духовной жизни скита, во время него совершались церковные таинства исповеди и причащения. Скитская служба отличалась продолжительностью и настраивала на молитвенный лад, в ней отсутствовали элементы торжественности и громкое пение. Отличительной особенностью являлось продолжительное чтение Псалтири, этой важнейшей богослужебной и нравственно-назидательной книги христианства.

С аскетической точки зрения, продолжительное всенощное бдение является также действенным воспитательным фактором для душевно-волевой и телесной составляющих человека, все существо которого вовлечено в богослужение. Поэтому церковные бдения иногда называют «бденным трудом».

Скитяне могли иногда собираться вместе или принимать в келлиях странников, но только для назидательных бесед. Большая часть времени посвящалась выполнению келейного молитвенного правила, или «келейного ночного бдения» [247, с. 156], которое заключалось в самостоятельном чтении богослужений суточного круга (кроме литургии), псалмопении и кратких молитв по четкам с поклонами (как на Афоне). При этом основой келейного правила монаха скита была «умная молитва», а «молитва усты» являлась только необходимой подготовкой к «умной молитве». Именно этой «умной», внутренней молитве как высшему монашескому деланию были посвящены преимущественно литературные труды прп. Нила Сорского.

«Жительство Ниловы пустыни» так рассказывает о келейных занятиях скитян, направленных на очищение души от греховных страстей. После захода солнца «седи в келлии, безмолствуя, и, собрав си ум, держи молитву. Имей же с нею и память смертную, память суда Божия и воздаяния благим же и злым делом, имея во всем себе грешнейша всех и бесов сквернейша и по сех, како хоцещи мучен быти» [Там же].

День и ночь монахи Нило-Сорского скита посвящали молитве и чтению, в соответствии с правилом, выработанным еще древними скитскими отцами: «час молиться, час чести (т. е. читать), час пети и тако день преходити еже добре» [248, с. 71]. Некоторые скитские рукоделия были связаны с книжными занятиями (копирование рукописей) или с иконописью, что способствовало молитве, а также отражалось на иконописном стиле. Исследователи замечают, что «уцелевшие иконы Нилова скита говорят о мастерстве иконников, суровом и аскетичном характере их письма» [Там же, с. 79].

«Сравнивая духовный строй Нило-Сорской пустыни с древними скитами Египта, Палестины, Афона, можно говорить об их сходности, а также о том, что Нило-Сорский скит, основанный в конце XV в., продолжал традиции духовной жизни древних скитов», – отмечает исследователь [247, с. 162].

Действительно, скит продолжал традиции известных скитов, но в его укладе заметны яркие особенности. И если исследователи видят уникальность скита преимущественно в том, что он длительное время не перерастал, как другие русские обители, в общежительный монастырь [Там же, с. 131], то автор диссертации видит особенность, «инаковость» Нило-Сорского скита в том, что он основывался на особых правилах: за образец были взяты одновременно формы и скитской, и пустынно-келлиотской афонской жизни, элементы идиоритма и общежития. На это указывает и характер патристических источников, которые преп. Нил использовал как теоретическую основу при разработке своей аскетико-воспитательной концепции: здесь и аскеты-пустынники, и такие законодатели общежития, как свт. Василий Великий [12, с. 163–165].

Думается, что прп. Нил учел все лучшее и духовно «продуктивное», что есть в этих формах, и творчески объединил их. «Дух прп. Нила не остановился на формах. Главным образом, он старался вникнуть в смысл и дух т. н. умного иноческого делания», – замечает исследователь [198, с. 150]. Что касается организации внутренней духовной жизни, то прп. Нил «детально разработал систему скитского жительствова» и построил обитель, «уклад жизни которой полностью соответствовал состоянию исихастского безмолвия и созерцания» [247, с. 158].

Скит был не только явлением уникальным, – он был, как считает Е. В. Романенко, «попыткой реализации учения Нила Сорского об идеальной монашеской общине» [Там же, с. 11].

Однако к образу жизни «особь сущих» монахов слово «община» не применимо, и в связи с этим думается, что сорский наставник создавал в своем скиту особое объединение – некую школу для воспитания единомысленных с ним монахов, которые стали бы для других «путеводными звездами», выразителями высших духовно-нравственных идеалов. В отличие от прочих монашеских организаций, как на Руси, так и на Афоне, в Нило-Сорский скит принимали только грамотных и к тому же прошедших предварительно послушническое испытание и подготовку в других обителях.

Исключительной особенностью организации учебно-воспитательного процесса в сорской «школе» было отсутствие неграмотных и новичков в монашеской жизни, поскольку предполагалось самостоятельное чтение и изучение Св. Писания. «Духовный возраст» монахов (уровень начальной аскетической подготовки), поступавших в скит, был достаточно велик. (Запрет на прием юных и «безбрадых» в скитских уставах, аналогию с которым усматривает в данном случае Е. В. Романенко [247, с. 101], налагался в силу других причин.) В этом некоторое отличие приемов воспитания сорских монахов от более распространенных способов прохождения аскетического пути, в частности афонского общежительного, когда старцы-наставники, сами хорошо изучившие Св. Писание и отеческое предание, в соответствии с ними «путеводили» и «с

азов» учили монашескому деланию своих послушников и постриженников, духовных чад.

Школу прп. Нила можно назвать школой опытных, несущих подвиг самовоспитания «с рассуждением», «по собственному убеждению в его необходимости» [12, с. 131]. Так как в скит Нила поступали только высокообразованные монахи, принявшие постриг и прошедшие послушническое обучение в других монастырях (Известно, что немало учеников у Нила было из княжеских и боярских семей, приходили иноки из Нижнего Новгорода, Мурома, Холмогор, которые имели опыт таких видов деятельной аскезы, как отвержение своей воли (своего разумения), полное подчинение воле старца, «внешних подвигов» и участия в «общих работах»), то его скит по праву можно считать своего рода высшей монастырской школой. В работах прп. Нила мы находим обоснование определяющего значения евхаристической и молитвенной традиции в духовном развитии человека. Принимая во внимание внутреннюю целостность и иерархичность строения личности (дух–душа–тело), прп. Нил объединяет умственное, нравственное, физическое и трудовое воспитание. По своей сути воспитание является «перевоспитанием» человека и выражается в «борьбе» с проявлением его греховной (в онтологическом смысле) природой.

Тело возможно воспитывать физическим трудом, физическими упражнениями, постом, бдением, нестяжательством. Воспитание души осуществлялось в процессе духовно-нравственного воспитания. Духовно-нравственное преображение человеческой природы прп. Нил связывает с аскетико-молитвенной практикой «умного делания» и способностью человека противостоять соблазнам и страстям; воспитание души возможно с помощью умственных занятий и последующего развития способности анализировать и размышлять. Согласно прп. Нилу соблюдение канонической церковной жизни и проявление телесной аскезы заключается в приготовлении к «умному деланию», мысленному блюдению, сердечному хранению. Через обращение к чувствам и воображению развивается воля и конкретно-образное мышление человека, а осознание воспитанниками ценности человеческой жизни понимается старцем как

первоочередная задача. Грехопадение подразумевает под собой разлад и последующий распад духовной жизни и выражается в понятии страсти, подчиняющей себе волю человека. Очищение помыслов, борьба со страстями, преображение души возможны только через внутреннюю работу. Прп. Нил ценит в человеке внутреннее убеждение, способность к «умной молитве», приводящей человека к самостоятельной оценке своих действий и окружающей действительности, и настаивает на необходимости аскетизма и нравственного самосовершенствования каждого человека.

В скит прп. Нила поступали монахи, принявшие постриг и прошедшие послушническое обучение в монастырях. Они имели опыт таких видов деятельной аскезы, как полное подчинение воле старца, отвержение своей воли (своего разумения), «внешних подвигов» и участия в «общих работах». Они были готовы полностью посвятить себя «восхождению к созерцанию». В соответствии с этим в аскетико-педагогической методике прп. Нила центральное место занимает практика «внутреннего делания». «Внутреннее делание», по прп. Нилу, является одним из главных системообразующих видов деятельности.

Процесс «воспитания» в его практике – это целостный процесс восстановления нарушенного грехопадением естественного состояния человека и его восхождение к совершенству для подготовки к жизни вечной. Восхождение, движение, путь совершается синергично действием Божественной энергии («вседействием Бога», «споспешением» святых, по словам прп. Нила) при усилиях человека, наделенного свободной и сознательной волей (при сознательной работе над собой, «внимании себе», самоисправлении, перевоспитании, которое менее точно называют самовоспитанием). Собственно педагогическим компонентом воспитания (воспитанием в узком смысле) является духовное руководство благодати Божией, которое для воспитуемого реализуется в основном двумя способами: через самостоятельное исследование «слова Божия», «Божественных Писаний», патристического опыта аскезы или через наставления и пример «духоносного» старца, говорящего и действующего на основании «слова Божия». Наставник «окормляет» свое чадо, т. е. создает

наилучшие условия для его воспитания, как-то: организует правильный строй жизни, учит истинам веры и нравственным заповедям, формирует необходимые навыки, назидает, направляет, помогает в работе над собой. Педагогические действия наиболее интенсивны на начальных этапах восхождения. Совершенные, т. е. приблизившиеся к святости, уже «не требуют научения» педагогов, как говорят св. отцы, и «водятся благодатью» самостоятельно.

У сорских учеников практиковалось разумное и трезвое определение самим воспитуемым оптимальной меры телесного подвига для себя. Слова «елико по силе» [238, с. 228] в контексте поучений прп. Нила имеют характер не послабления, а ограничения и отеческого предостережения от чрезмерных «телесных занятий выше меры», о чем он пишет «брату, пришедшему с восточной стороны» [Там же, с. 245]. Прп. Нил рекомендует «согласную с разумом» деятельность, а значит, акцентирует внимание учеников на осмысленном и ответственном отношении к самоисправлению.

Такое мудрое рассуждение становится возможным по мере укрепления «духа внутренней свободы, обретаемой в процессе нравственного совершенствования человека» [271, с. 67]. Необходимо отметить, что под «разумом», «разумностью» прп. Нил понимает сознательное и полное подчинение личной воли человека «разуму Божественных Писаний» (а значит, Богу). «Неразумием» и «бессмысленностью» прп. Нил считает прежде всего самоволие, самочиние, «плотскую волю», когда имеющие «разум неразмышляющий» «не понимают ни того, что делают, ни того, в чем утверждают» [238, с. 243]. Критерий «разума Божественных Писаний» используется и для сознательной оценки педагогической деятельности наставника: если учитель говорит что-то против заповеди или нарушает заповедь, «никак не должно повиноваться сему... такового бегать и гнушаться им» [40, с. 521].

На то, что скит действительно был «школой безмолвия» и центром высшего духовного наставничества, указывает еще один факт. Прп. Нил в своих писаниях восхваляет пустынный «царский, средний» образ жизни – вдвоем или втроем в келлии, но в реальности сорские монахи в своих жилищах жили строго

по одному, в отличие, например, от афонских скитов, где обычно в каждой келлии старец воспитывал двух-трех послушников, а скитоначальник являлся в основном общим распорядителем, но не духовным наставником.

Прп. Нил, безусловно, целиком и полностью отвечал за духовно-нравственное руководство и воспитание всей братии, а «малая соборность» (т. е. немногочисленность монахов) давала каждому «возможность получить духовное наставление» [Там же, с. 128] непосредственно от педагога – прп. Нила и, впоследствии, от его преемников. Он «о братии заботу и попечении творил словом служения, т. е. поучением в благочестии» [238, с. 121] на основании «Божественных Писаний».

Под «духовным руководством» в скиту понималось в основном не устная традиция – указания, получаемые учеником непосредственно от старца (хотя и старческое учительство имело место и было действенно), а так называемое руководство «книжное» на основе «исследования Писаний» с целью научиться правильной жизни для очищения души и совершенствования в добродетелях.

Основой всей воспитательной деятельности в скиту было изучение «Божественных Писаний» как средство избежать ересей [247, с. 87], получить необходимые знания и надежное руководство в аскетической деятельности.

Хорошее знание форм монашеского подвижничества, «книжной культуры», учебно-воспитательной исихастской традиции, собственная педагогическая концепция, а также большой личный аскетический опыт способствовали прп. Нилу в деле создания Нило-Сорского скита как особой воспитательной среды.

Прп. Нил создавал свой скит как воспитательное учреждение, внешние и внутренние условия которого являлись важными компонентами его воспитательной системы. Расположение скита, окружающая природа, планировка жилищ, организация монашеской жизни – богослужбный строй, дисциплинарный устав, внутренний распорядок, хозяйственно-бытовой уклад – все поучало, способствовало решению задач духовно-нравственного воспитания и главным системообразующим видам деятельности – труду, молитве и «исследованию Писаний». Строго соблюдались общемонашеские аскетические

требования – в келлиях не полагалось иметь ничего, кроме икон, книг и предметов, жизненно необходимых для ведения самого простого хозяйства. Удовлетворять необходимые материальные потребности скитяне, следуя общей традиции, должны были «от праведных трудов своего рукоделия» и за счет небольшой милостыни (позднее, в XVI в., выдававшейся государством). У сорских учеников практиковалось разумное и трезвое определение самим воспитуемым оптимальной меры телесного подвига для себя.

Педагогическое руководство наставника состояло главным образом в том, чтобы донести истины Писаний до учеников, настроить их на изучение книжного наследия христианства и на выполнение в жизни изложенных в нем заповедей и правил.

Особое значение в успешной деятельности монастыря имела его учительская деятельность. Вообще личность учителя в системе прп. Нила выступает как важнейшее средство воспитания. Сорский наставник обладал многими духовно-нравственными качествами, необходимыми истинному учителю. Он применяет в своей наставнической деятельности совокупность разных методов воспитания. Преподобный Нил придерживается правила не быть судьей ученику; по его твердому убеждению только через смирение, терпение учитель способен добиться уважения ученика. Путь убеждения и личного примера являлся важнейшим способом воспитания. Признавая свободу личности, главную свою задачу он определял как помощь ученику в его духовном становлении, ибо для духовного делания нужен опытный наставник. Старец изучает непосредственный жизненный опыт человека во всей его полноте и уникальности, помогает личному самоопределению каждого воспитанника и помогает найти оптимальный путь, («оптимальную траекторию») воспитательного процесса. Особое внимание Нил уделяет воспитанию у учеников своего чувства личной ответственности за Отечество.

Прп. Нил вошел в историю как «премудрый скитский учитель и великорассудный наставник» [247, с. 98]. Жизнь и личность сорского старца можно считать идеалом педагогической деятельности и личности педагога.

Эти идеалы в аскетико-воспитательной системе прп. Нила имеют определенные особенности. Учитель, духовный старец не является основным субъектом воспитания и главным участником педагогического процесса. Поскольку «питает» ученика не он сам, а через него, посредством него – Божественный Учитель, важнейшими свойствами личности наставника должны быть твердая вера, смирение, разум «от Бога» и «от Божественных Писаний».

Такие качества должны сочетаться с «любовью духовной» к ученикам и чадам, с заботой о них, глубокой образованностью, добродетельной аскетической жизнью, которая для учеников может быть примером стремления к духовно-нравственному совершенству. Всеми этими свойствами, безусловно, обладал прп. Нил, и это отражено в агиографических и исторических материалах и в его собственном наследии.

Удивительное смирение прп. Нила как неотъемлемое высшее качество, забота о том, «чтобы не быть сподобленным чести и славы века сего никакой» [298, с. 281], запечатлены в его завещании. Об этом же «таланте» души и о «византийской» учености русского старца-пустынника свидетельствует подпись, оставленная им на греческом языке: «αμάρτολος Νήλ και ασύνετος» – «грешный Нил и неразумный» [Там же, с. 256–257].

Твердость и терпение, столь необходимые для педагога, проявлялись у прп. Нила, в частности, в том, что он в течение двух десятилетий нес свой подвиг в «пустыне» почти безотлучно, между тем как состав скитян часто менялся в силу сложных жизненных условий.

Исследователь отмечает, что прп. Нил «хотя и “скрывался” за цитатами из творений святых отцов», «всегда учил тому, что умел сам» и потому во всех словах и делах являлся «образом» своим ученикам. О глубокой любви к своим воспитанникам – качеству, внутренне присущему прп. Нилу, говорят слова, которые старец к ним адресовал «не лстя»: «присный мой любимый»; «возлюбленный»; «духовно любимый»; «духовная любовь сделала тебя своим для меня»; «я стал скорбеть из-за того, что ты скорбен» [Там же, с. 240–243].

Ученики также отвечали ему любовью и с почтением его называли: «господин и учитель старец Нил»; «блаженный отец» [Там же, с. 320, 325] и т. д.

К известным в истории непосредственным ученикам прп. Нила принадлежат выдающийся подвижник прп. Иннокентий Комельский (Вологодский). Его не без основания называют «вторым после Нила Сорского писателем-исихастом Древней Руси» [Там же, с. 318], который продолжил идеи и учение своего наставника.

Произведениями прп. Иннокентия считаются «Завет инока Иннокентия» (типикон основанной им пустыни) и аскетический трактат «О внутреннем делании», в котором «автор обнаруживает знание» большого числа византийских исихастских сочинений [Там же, с. 310]. Ряд исследователей полагает, что именно он составил тексты аскетико-педагогического содержания, известные как «Надсловие» и «Присяжение» к сочинениям прп. Нила [Там же, с. 306–308, 318]. Примечательно, что краткое житие прп. Иннокентия Вологодского помещено в Афонский патерик (19 марта ст. ст.) [14, с. 263–264], что свидетельствует о почитании его как святого не только в России. Теме духовно-нравственного и педагогического значения деятельности прп. Иннокентия может быть посвящена отдельная работа.

Известен и другой ученик прп. Нила, Гурий Тушин – книгописец, переписчик Ниловых сборников, старец Кирилло-Белозерского монастыря [247, с. 63].

Учился у прп. Нила также «старец Герман, получивший прозвище Пустынника, или Подольного», происходивший от «благородного корене» [238, с. 205–206] (как и прп. Иннокентий). Сведения о них, хотя и кратки, говорят о большой духовно-нравственной высоте обоих.

Среди получавших наставления от прп. Нила исследователи называют грека Константина, из рода князей Мангупских [122, с. 425]. На Руси он стал монахом-подвижником и канонизирован как прп. Кассиан Угличский.

Но, безусловно, учеников прп. Нила, усвоивших его традиции книжности, безмолвия и молитвы, среди сорских скитян и северного русского иночества было

гораздо больше. Историк отмечает, что в Нило-Сорском скиту и в дальнейшем, в XVII–XVIII вв., находились схимники и аскеты, причем «жизнь тех, кто, соблюдая заповеди основателя пустыни, продолжал “терпеть на месте сем”, была сродни подвигу древних пустынножителей» [247, с. 163–164].

Необходимо остановится на личности Вассиана Патрикеева, известного «князя-инока», который обычно считается учеником сорского старца.

Монах и «радикальный публицист» Вассиан Патрикеев происходил из великокняжеского рода. В молодости он вступил в политические интриги, попал в опалу и, едва избежав смертной казни, был принудительно пострижен в монашество в 1499 г. Иоанном III. Десять лет Вассиан провел в заточении в «пустыни близ Кирилло-Белозерского монастыря» [199, с. 431], невольно оказавшись в кругу учеников прп. Нила Сорского.

Имя Вассиана Патрикеева в историографии, особенно либеральной XIX в. и советской, тесно связано с именем прп. Нила Сорского. При этом отождествляются обычно и их взгляды, а позиции прп. Нила приписывается «свободомыслие и либерализм» [247, с. 22–25].

Между тем существуют следующие мнения по поводу взглядов князя-инока и его «ученичества» у прп. Нила. «...Учение Вассиана включало... такие элементы критицизма, рационализма и религиозно-философских сомнений, которые были свойственны еретическим учениям. И этим оно отличалось от мировоззрения Нила Сорского, философско-религиозные основы которого не выходили за рамки ортодоксального православия» [124, с. 151].

Вассиан, будучи в монашестве, «в сущности, начал новую, иную карьеру», и ему крайне важно было «опереться на авторитет уже имевшего высшее признание старца Нила. Ему удалось завязать отношения с безмолвствующим в своем скиту старцем и, в частности, получить от него послание», что позволило впоследствии спекулировать на этом и «объявить себя учеником и последователем преподобного», «однако сближать его хоть в каком-нибудь смысле с прп. Нилом едва ли правомерно». О мнимости такого ученичества ярче

всего «говорит все последующее жизненное поведение» монаха Вассиана [144, с. 22–49].

Послание Вассиану Патрикееву от прп. Нила Сорского – это ответное письмо старца на письменно заданные ему Вассианом вопросы «о помыслах». Исследователь замечает, что к ответному посланию Вассиан вынудил старца Нила настойчивым домоганием. Об этом сам старец свидетельствует в своем ответе: «Но понеже множицею понудил мя еси на се, еже написати ми тебе... и аз дерзнух написати тебе сия» [238, с. 433].

Князь-инок и в дальнейшем не оставлял политиканства, «резко и дерзко» выступал против церковного начальства и снова был осужден в заточение [199, с. 431]. «Он использовал имя старца Нила, которого уже не было в живых. Вассиан написал обширное сочинение, где постоянно ссылался на духовный авторитет старца Нила. Между тем, называя себя его учеником, он нарушил самый главный завет преподобного о сохранении мира и любви» [247, с. 330].

Видимо, к таким «ложным ученикам» можно отнести слова прп. Нила: «...да перестанет докучать моему окаянству. Аз бо отсылаю таковых безделны (ни с чем)... К таковым не прихожу, желая начальствовати, но они, приходяще ко мне, нудят мя на сие... Аз о сих ответ дать не хошу за самочиние их, и неповинен есмь» [198, с. 84-85].

Его воспитательная деятельность отличалась успешностью. Значение учительской деятельности прп. Нила велико, а его педагогический опыт можно считать идеалом воспитательной деятельности. Он воспитал ряд известных подвижников.

К тем, кто в XVI в. действительно разделял идеи прп. Нила о духовно-нравственном совершенствовании, можно отнести таких выдающихся деятелей русской духовной культуры, какими явились прпп. Максим Грек и Зиновий Отенский. Истинных преемников идей прп. Нила можно найти и в последующее время. Труды прп. Нила и его учеников оказали глубокое воздействие на формирование системы педагогических взглядов славянофилов и русских религиозных философов XX века. Духовные последователи прп. Нила «второй

волны» – такие известные подвижники, основатели «школ молитвенного делания» и духовного руководства, как прп. Василий Поляномерульский, Паисий Величковский [33, с. 7–8], Серафим Саровский, святители Митрофан Воронежский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Вышенский Затворник, оптинские старцы – в своих трудах развили идеи прп. Нила.

Они не просто испытали влияние традиций сорского наставника, но творчески продолжили их. А через издание сочинений прп. Нила Сорского сделали его учение о духовно-нравственном совершенствовании известным для всех слоев общества. Вместе с тем и личность прп. Нила приобрела еще большее почитание как высокий духовно-нравственный образец учителя.

2.4. Традиция изучения «Божественных Писаний» – системообразующая основа воспитательной системы прп. Нила

2.4.1. «Книжное руководство» (книжное обучение) – основа содержания духовно-нравственного воспитания

Воспитательная деятельность в Нило-Сорском скиту основывалась преимущественно на изучении Священного Писания («слова Божия») и патристического предания с целью осуществления в жизни их заповедей и установок.

В этих книгах для христианина заключены наставление в истинах веры, надежное руководство, нравственные ориентиры в деятельности по самоисправлению, воодушевляющие примеры как действенный метод воспитания.

В патристической литературе подчеркивается, что лучший способ получить наставление – изучать Священное Писание и святоотеческие уроки при «живом слове» и совете «непрельщенного» опытного наставника, который, как прп. Нил,

в своей воспитательной деятельности опирается на «Божественные Писания»*. Именно этого принципа придерживался старец Нил Сорский в деле духовного руководства и воспитания. О необходимости сочетания Писания и человеческого ума, дающего ему критическую оценку, пишет Нил. [143, с. 15].

Поскольку существует два способа педагогического воздействия и передачи традиций – устный (старческое руководство) и письменный (книжное руководство), то прп. Нил говорит, что можно следовать и устным наставлениям опытного старца, если он «засвидетельствован в делании словом и разумом духовно». Но если не найдется такого наставника, то лучше всего «повиноваться Богу по Божественным Писаниям» [238, с. 243]. Хотя прп. Нил советует использовать как метод назидательные беседы «усты ко устам» со старцем или с единомышленниками («вдвоем или втроем»), но его методика во многом опирается именно на самостоятельное изучение «Божественных Писаний» и руководство ими, а основой для воспитательной деятельности в скиту в целом было не устное старческое руководство, а письменное предание. При этом, как отмечают исследователи, прп. Нил воспринял в полноте и устную традицию, письменно закрепил ее нормы и передал потомкам [199, с. 411].

В связи с этим элемент книжного обучения был силен в его воспитательной системе и также состоял в усвоении содержания «слова Божия» через чтение, заучивание «Божественных Писаний» и агиографической литературы, копировании рукописей, составлении сборников. Поэтому в скит принимали только грамотных и духовно подготовленных монахов, что и являлось отличительной особенностью внутренней жизни монахов.

Изучение Писания и предания стало одним из главных видов учебно-воспитательной работы в скиту. Эта деятельность находилась во взаимосвязи с молитвой и приобретением духовного опыта, поскольку богатое содержание христианского письменного наследия не раскрывается вполне при одном теоретическом изучении.

* Под «Божественными» и «Святыми» Писаниями прп. Нил понимает не только библейские тексты, но и сочинения святых отцов и агиографические материалы.

В силу вышесказанного в скиту большое значение получили литературный труд, традиции письменности, книжности.

Прп. Нил углубленно занимался своими аскетико-литературными трудами. Они являлись для сорского наставника средством духовно-нравственного воспитания учеников, были самым тесным образом связаны с делом его педагогического руководства и внутреннего самосовершенствования. «Книжный труд» – писательство, копирование рукописей, работа над составлением сборников – был особо важен для прп. Нила и его учеников.

Сорские монахи так характеризуют основное направление литературно-педагогической деятельности своего учителя: «...отец наш... не остави нас самочинием водимым быти, но вкратце собрав от Божественных Писаний о истинней православной вере и о дельных завещаниих (т. е. практические советы), предаде нам написано. Внимающе же со страхом Божиим преданию его, благодатию Христовою не погрешим от истинныя веры и елико по силе нашей подражатели будем преданию святых отец» [198, с. 51].

Старец тщательно изучал «Божественные Писания», в котором он видел единственного «наставника непрельщенного» для себя и своих единомышленников: «Больше всего испытую Божественные Писания: прежде заповеди Господни и толкования их, и апостольские предания, также жития и учения святых отцов, и тем внимаю. И яже согласна моему разуму, к благоугождению Божию и к пользе души переписываю себе и теми поучаюсь, и в том жизнь и дыхание мое имею... И когда случится мне что-то делать, если не нахожу того в Святых Писаниях, откладываю это на время, пока не найду. Потому что по своей воле и по своему разуму не смею ничего делать»^{*}; «Я ведь не делаю ничего без свидетельства Божественных Писаний, но, святым Писаниям последую, делаю сколько по силе. Ведь когда нужно мне что-то сделать, испытую прежде Божественные Писания и, если не найду согласного с моим соображением о начинании дела, откладываю его, пока не найду; когда же найду, благодатью

Божией, делаю в благой уверенности как одобренное. От себя же не смею творить, поскольку я невежда и деревенщина»^{*}.

«Говорить от Писаний», основываться на них – таков главный принцип аскетико-литературной и педагогической деятельности прп. Нила [238, с. 116–119]. «Я, многогрешный и неразумный, собрав от Святых Писаний то, что сказано духоносными отцами на эту тему, записал себе это на память... Это немногое сказал я, как и подобает, не от себя, но от Святых Писаний, малое от многого собрав... Я же ничего доброго не делаю, но только пересказываю Божественные Писания...» – свидетельствует сорский учитель.

Цитируя и пересказывая аскетических авторов, прп. Нил составил два своих главных произведения: «Предание о жительстве скитском» (в разных списках и изданиях заглавие несколько варьируется) и «От писаний св. отец о мысленном делании» (которое многие публикаторы неверно называют «Уставом прп. Нила Сорского» или «Уставом скитской жизни»). Краткое «Предание» включает в себе основные принципы организации жизни в скиту («правила приема», о «исхождении из келлии», о «самочинниках», «рукоделии», «милостыне», «нестяжании» и т. д.), и по жанру и содержанию является, как отмечает Г. М. Прохоров [238, с. 31], уставом внутренней жизни Нило-Сорского скита. Монашеская жизнь в скиту основана на «святых Писаниях», а монахи призваны «хранить заповеди Божии и исполнять предания св. отцов» [Там же, с. 85].

«“Предание” Нила Сорского, несмотря на свою лаконичность и кажущуюся простоту, является сложным духовным произведением... Здесь воплотился и обрел чеканные формулировки весь жизненный и духовный опыт великого старца: его глубокие знания традиций как древнего палестинского и египетского монашества, так и современного ему афонского и русского. Из множества правил монастырской жизни, которые содержатся в святоотеческих творениях, житиях святых, преподобный выбрал те, которые считал наиболее необходимыми для

^{*} Слова прп. Нила из послания Герману Подольному «яже согласна моему разуму» в изданиях переводятся в смысле критического и «избирательного» подхода прп. Нила к отеческим наставлениями, что явно не соответствует контексту. Нужно или цитировать данные слова без перевода, или, исходя из контекста, переводить так: «которые мне понятны», «которые я уразумел».

того, чтобы оградить свой скит от влияния “мира” и внутренних “нестроений”», – говорит Е. В. Романенко [247, с. 149].

Если в «Предании» прп. Нил изложил вопросы, связанные главным образом с «телесным подвигом» иноков, то сочинение «О мысленном делании» посвящено средствам и методам подвига «внутреннего» – «главной иноческой добродетели», которая должна «составлять главнейший предмет забот и усилий» [173, с. 74]. Сочинение представляет собой аскетико-психологический трактат в 11 главах, в нем автор «очень часто предпочитает говорить» святоотеческими словами, как замечает А. С. Архангельский [12, с. 177]. Перечисляя «основные патристические источники идей Нила Сорского» и отмечая «основательное знание» им византийской аскетической традиции, Архангельский видит главную заслугу прп. Нила «в том, что он «собрал мысли отцов о внутреннем подвижничестве, рассеянные в их творениях, свел в одно стройное целое и, для удобнейшего руководства, предложил русским инокам в возможно сжатом виде» [Там же, с. 182].

Но при этом, как показывает исследование, прп. Нил Сорский отнюдь не отвергал «внешнего», «телесного делания» и не считал, что оно свойственно исключительно общежительному монашеству, а только напоминал о важности, универсальности «делания внутреннего» для всех христиан. Писания прп. Нила Сорского «обнимают всецело обе стороны подвижничества, внешнюю и внутреннюю» [247, с. 17].

И действительно, главы «О мысленном делании» («Устав») стали учебным пособием для русских подвижников, важной вехой в истории исихазма на Руси, так как до прп. Нила русские монахи, несмотря на глубокое знание ими переводной аскетической литературы, подобных трактатов не создавали в силу преобладания устной традиции.

Сочинение «О мысленном делании» – центральное, основное в духовном наследии прп. Нила. Его содержание говорит о принадлежности автора к исихастскому движению и раскрывает исихастскую методологию его учения о духовно-нравственном совершенствовании.

Систематизатор наследия прп. Нила дает краткое описание этого сочинения: «...святой отец рассуждает об умном или мысленном делании, под именем которого разумеет внутреннее, духовное подвижничество. Сказав предварительно словами Святого Писания и святых отцов о превосходстве этого внутреннего делания перед внешним, о недостаточности одного внешнего делания без внутреннего, о необходимости последнего не только для отшельников, но и для живущих в общежительных монастырях, преподобный Нил разделяет свой “Устав” на 11 глав... Все главы удобно подвести под три отдела. 1) В первых четырех главах святой старец говорит вообще о сущности внутреннего подвижничества, или о нашей внутренней борьбе с помыслами и страстями, и о том, как вести нам эту борьбу, чем подкреплять себя в ней, как достигать победы. 2) В пятой главе, самой важной и обширной, показывает, в частности, как вести нам внутреннюю брань против каждого из восьми греховных помыслов и страстей, от которых рождаются все прочие, именно: против чревообъядения, против помысла блуда, против страсти сребролюбия, против страсти гнева, против духа печали, против духа уныния, против страсти тщеславия, против помыслов гордостных. 3) В остальных шести главах излагает общие средства, необходимые для успешного ведения духовной брани, каковы: молитва к Богу и призывание Его святого имени, памятование о смерти и о Страшном Суде, внутреннее сокрушение и слезы, охранение себя от злых помыслов, устранение себя от всяких попечений, безмолвие и, наконец, соблюдение для каждого из исчисленных занятий и действий приличного времени и способа. В послесловии преподобный Нил говорит, с какими расположениями предложил он свой “Устав”» [122, с. 417–418].

Памятником аскетической письменности являются «Синодик», переложенный прп. Нилом с греческого, и «Молитва», носящая покаянный характер [238, с. 33]. Считается, что старец составил молитву незадолго до кончины. О «Завещании» прп. Нила, «редком даже в среде монашества», в литературе писали много, именно в силу того, что оно производит «потрясающее впечатление» [247, с. 75]. Святой старец просит «повергнуть» его тело «в

пустыне» без погребения. «Оно еще раз ярко высветило главную черту духовного образа» прп. Нила – «глубочайшее сознание своего недостойнства», по словам Е. В. Романенко [Там же].

Научно подтверждено, что прп. Нилу принадлежат также четыре послания к ученикам (Вассиану Патрикееву, Гурию Тушину, Герману Подольному, «брату, пришедшему с восточной стороны», которому адресовано самое краткое послание). Послания содержат наставления как в монашеской «внешней деятельности»: (посте, чтении и т. д.), так и в молитвенном «внутреннем делании» и имеют большое аскетико-воспитательное значение.

«О несомненном успехе призывов Нила постоянно читать “Божественные писания” свидетельствует количество списков любимой им литературы (“Лествицы” Иоанна Синайского, сочинений Исаака Сирина, Григория Синаита и др.), сделанных в конце XV – начале XVI вв., особенно в Белозерье. Надо сказать, в это время увеличивается количество списков и других замечательных книг, переведенных с греческого и пополнивших русскую литературу столетием раньше», – говорит Г. М. Прохоров [238, с. 32–33].

Нило-Сорский скит, небольшой, затерянный среди лесов и болот, имел богатую библиотеку. В ее составе было значительное количество богослужебных книг, патристическая и агиографическая литература: прологи и «соборники писмяные», составленные, как правило, из житий и поучений святых отцов, «патерики скитской и азбучной», творения святых отцов х²⁴⁷, с. 160ъ. Самые древние рукописные книги скитской библиотеки датируются XV – началом XVI в. (т. е. временем жизни прп. Нила). В дальнейшем библиотека быстро пополнялась, поскольку «переписка книг была самым распространенным рукоделием сорских монахов» [Там же]. Это говорит о глубоком усвоении традиции «исследования Писаний» воспитанниками и преемниками прп. Нила.

2.4.2. Агиографические труды – важнейший компонент содержания духовно-нравственного воспитания и просвещения

Большое значение в воспитательной системе прп. Нила имело изучение его учениками агиографических материалов и работа с ними, поскольку этим путем реализовывался важнейший метод воспитания – метод примера.

Для этого прп. Нил собрал и переписал тексты житий древних святых, содержащиеся в различных рукописях. В результате получилось «грандиозное собрание житий, годовой комплект Четых Миней» [238, с. 43]. Сборники прп. Нила включают в себя 24 жития святых Палестины, Египта, Афона и повести о страданиях мучеников. Из предисловия составителя известно, какое значение он сам придавал этой работе: «...я... немало потрудился в этом... ради заповеди о любви к Богу и к ближнему, да этих дивных отцов житиям внимая, будем ревнителями делания их и с ними жизнь вечную унаследуем» [Там же]. Подбор житий, как отмечается [171, с. 330], имел большое мировоззренческое и воспитательное значение для подражания «вере святых».

Сорский наставник в житиях святых видел важнейшее средство воспитания, поскольку они содержат примеры борьбы с греховными страстями и победы над ними, устремленности к цели духовно-нравственного воспитания, веры, «ревности о соблюдении заповедей» [247, с. 85], примеры трудолюбия, молитвы. Ситуации из житий раскрывали особенности воспитательного процесса и педагогические методы древних отцов: твердое и строгое отношение к самочинникам, наставления, проповедь, строительство обителей и составление уставов, личный пример в изучении Писаний, в подвигах поста и нестяжания, заботы об учениках.

Помимо практического нравственно-воспитательного значения, изучение агиографии имело большой религиозно-просветительный смысл и было очень актуально в условиях борьбы с ересью «жидовская мудрствующих» (кон. XV – нач. XVI в.). Немаловажными оказались агиографические примеры твердости в вере и аналогии церковным событиям, современным прп. Нилу. Так, например,

основная тема житий свв. Феодора и Евфимия Великих, Саввы Освященного, включенных прп. Нилом Сорским для своих сборников, это верность Православию. Жития давали знания об истории Вселенских Соборов, о принятии ими догматов, о сущности еретических учений. Житийные тексты учили, как следует христианам поступать во времена еретических смут.

Прп. Нил Сорский не мог остаться в стороне от борьбы с ересью «жидовствующих», внесших смуты в жизнь русского общества. Одним из методов борьбы с ересью, предложенных прп. Нилом, было «обнародование» агиографических материалов. Переписывая житийные рассказы о борьбе с ересями в раннехристианские времена, прп. Нил обличал и современную ему ересь. Исследователи считают, что отбор житий по содержанию, характер корректорской работы прп. Нил с текстами говорят о его взглядах на различные вопросы русской церковно-общественной жизни и его мнении по поводу ереси [247, с. 93–95].

Известно, что старец присутствовал на соборе 1490 г., осудившем еретиков. Об отношении прп. Нила Сорского к еретикам «выразительно свидетельствует текст, переписанный им из “Бесед старца Зосимы”: “...лютеиши суть яда змиина глаголи их”» [Там же, с. 91]. Я. С. Лурье установил, что прп. Нил Сорский лично переписывал «Просветитель» – антиеретическое богословское сочинение прп. Иосифа Волоцкого и, возможно, участвовал в создании «Послания иконописцу», защищающему правую веру и иконопочитание [169, с. 436]. При этом старец Нил предпочитал, как замечает исследователь, действовать не на внешнем плане, богословском и юридическом, а на внутреннем плане, молитвенном [199, с. 418], а также литературно-просветительном. В одном из житий, переписанных прп. Нилом, содержится пример «милосердия о заблудших», молитвы за тех еретиков, которые были не столь упорны и вскоре покаялись [Там же].

Основным способом борьбы с ересью прп. Нил считал духовное просвещение. Знание Божественных Писаний, христианских догматов и церковной истории способно утвердить человека в вере и противодействовать распространению еретических учений. В обстановке «шатаний и сомнений»

конца XV – начала XVI в. не только «Просветитель», но и агиографические сборники прп. Нила Сорского сыграли значительную роль в духовном просвещении русского монашества и общества в целом.

Житийные материалы редакции прп. Нила Сорского переписывали монахи Кирилло-Белозерского, Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского монастырей [171, с. 124], и это, безусловно, свидетельствует о значимости агиографических трудов прп. Нила Сорского в деле духовно-нравственного совершенствования, а также об их большой научно-культурной ценности.

2.4.3. Принципы и методы «книжной справки» прп. Нила в связи с исихастской учебно-воспитательной традицией

Для того чтобы читатели могли лучше усвоить литературный материал и получить максимальную пользу, прп. Нил постарался произвести «справу» (редактирование, корректирование) текстов житий, включенных им в свои сборники. «Переписывая каждое житие, Нил Сорский сверял сразу несколько списков, т. к. нашел в текстах много неисправного и не согласующегося между собой... Он сам свидетельствует, что вносил в тексты житий исправления, согласуясь со своим разумом и разными списками», – говорит Е. В. Романенко [247, с. 64]. «Наибольший интерес исследователей, – продолжает она, – всегда вызывала фраза Нила Сорского о том, что он исправлял текст “согласно своему худому разуму”. Возникли предположения, что преподобный Нил критически относился к содержанию житий... не признавал жития авторитетом для себя... внес начала критики в русскую агиографию» [Там же, с. 64–66]. Текстологический анализ Ниловых сборников позволил сделать выводы: «Преподобный Нил не создавал своих особых редакций: его задача была исправить ошибки, уточнить неверные чтения, найти более полный и точный список. Сравнение житий из его сборников с другими списками и редакциями показывает, что он ничего из текстов не убирал, даже того, что казалось бы, по

общему убеждению историков, должно было противоречить его взглядам» [Там же, с. 79].

Текстологическое исследование не входит в задачи данной диссертации, но необходимо обратить внимание на содержание и методы составительской и корректорской работы прп. Нила, поскольку это позволяет проанализировать связь учебно-воспитательной традиции школы прп. Нила и традиций исихастских просветительных центров, в частности Тырновской книжной школы.

Прп. Нил придерживался исихастских методов «исследования Писаний», практикующихся в духовных центрах православной книжности. Неправомочно предполагать «критическое отношение» прп. Нила и его школы к «Божественным Писаниям» в процессе их изучения и «их отчасти критического усвоения», о чем заявляет, например, А. С. Архангельский [12, с. 134–135].

Поправки прп. Нила Сорского в текстах житий имеют характер: грамматический; синтаксический (старец иначе строит предложение, убирает кальки с греческого языка, в результате текст становится более облегченным и понятным); стилистический (прп. Нил подбирает более благозвучные синонимы, заменяет архаичные слова на более употребительные в его время); правки, уточняющие смысл. В некоторых случаях прп. Нил исправлял неверно употребленное слово, оборот, целую фразу [Там же, с. 69].

Исследователи обращают внимание на четкое построение фраз, прозрачность смысла в списке преподобного Нила. В житиях, переписанных им, почти не встречаются смысловые ошибки. Достигается такой результат разными путями: прп. Нил старался отыскать более исправный вариант жития в других источниках или правил сам «согласно своему разуму», т. е. исходя из контекста.

Прп. Нил не оставлял малопонятных, невразумительных фраз, подбирал более пригодный вариант. Важная черта: при работе над текстом для старца не существовало мелочей. Он добивался его максимальной выверенности и понятности. Он обязательно давал на полях перевод встречавшихся греческих слов, например: «ксенодохиион» – «странноприимница», «епистолия» – «послание» и т. д. «При сравнении различных списков житий становится

очевидным, что тексты Нила Сорского всегда отличает большая четкость в изложении и построении фраз, значительно меньше количество малопонятных неясных мест... создается впечатление «фильтрации текста», каждое слово жития осмыслено, убраны ошибки, неточности, тексты становятся максимально доступны для восприятия» [Там же, с. 77–78].

Приоритетным направлением деятельности тырновских книжников был перевод с греческого; прп. Нил не переводил тексты, он в основном стремился отыскать «исправные» списки и создать свой вариант, выверенный, правильный. При различии в отдельных приемах работы (дословный перевод, калькирование, «архаизация», усложнение синтаксиса («плетение словес») у тырновских книжников [216, с. 28, 31]; облегчение словесных конструкций, «осовременивание» текста у прп. Нила) обе школы соблюдали исихастский принцип – как можно точнее выразить мысль, «истинствовать» в слове, правильно относиться к словам, чтобы не отклониться от русла церковной традиции. Тырновские книжники и прп. Нил Сорский применяли общий исихастский метод – при помощи определенных филологических и художественных средств сконцентрировать внимание читателя на тексте для лучшего его усвоения.

Таким образом, содержание книжных трудов прп. Нила Сорского и методы его работы как автора, составителя и редактора имеют строго исихастскую направленность, при которой «литературная деятельность органически сочетается с умным деланием» [300, с. 127]. В скиту образовалась «книжная школа», бывшая органической частью исихастской школы подвижничества.

Сам процесс переписывания книг использовался иноками для более успешного изучения патристического наследия: во время списывания лучше всего удается удержать внимание на содержании текста. Такая работа производится медленно, что дает возможность полнее понять и отчетливее запомнить текст.

2.5. Значение педагогического учения прп. Нила Сорского для современной педагогики и образования

«Тот очень ошибся и впал бы в заблуждение, кто подумал бы, что значение Нилова устава ограничивается наитеснейшею сферою скита... Кому, в самом деле, не полезно знать, какие тонкости имеют страсти человеческие, как надобно сражаться со смертными грехами гордости, блуда, гнева и т. п. и как побеждать их? Кому не полезно знать и кто откажется от необходимости исполнять, хотя мало и елико по силе, наставления св. Нила о мысленном делании? Сам блаженный Нил обширнее понимал свой труд... когда в самом оглавлении предания... прибавил: “и всем прикладно имети сие”» [238, с. 32], – пишет Н. В. Елагин, издатель перевода сочинений прп. Нила на современный русский язык.

С этими словами известного деятеля русской культуры нельзя не согласиться. Как и со словами, что для «нравоучителя» и педагога тем более «необходимо глубоко изучить и знать жизнь со всем разнообразием человеческих проявлений, со всеми изгибами страстных движений, со всею глубиною различных импульсов, которые движут человеческою деятельностью, чтобы воспользоваться, как должно, этими богатыми материалами» [122, с. 397].

Прп. Нил Сорский на основе жизнедеятельности созданного им скита реализовал модель воспитания личности, устремленной к духовно-нравственному совершенству и способной принести пользу себе и обществу. В своем аскетико-педагогическом учении он охарактеризовал основные компоненты воспитания: его цели, задачи, содержание, принципы, методы, средства, условия.

Идеи и принципы, на которых основывается учение прп. Нила Сорского, носят онтологический смысл и фундаментально значимы для современной педагогики, так как дают возможность теоретического осмысления самых фундаментальных проблем воспитания: человек, истинная цель его воспитания, содержания и т. д. К числу важнейших жизненных проблем безусловно принадлежит проблема развития теории духовно-нравственного воспитания.

Учение прп. Нила раскрывает истинный образ человека, истинные побудительные «импульсы человеческой деятельности», помогает бороться со злыми и развивать добрые качества человека с помощью средств, данных аскетической исихастской традицией.

Всестороннее развитие человека на основе приоритета духовно-нравственного воспитания способствует реализации его личностного потенциала. Духовность проявляется в обращенности человека к высшему идеалу и высшим ценностям; в его сознательной устремленности к совершенству; соответственно одухотворение заключается в освоении высших ценностей и приближении к своему идеалу. Истинно общечеловеческие ценности – любовь, добро, красота, свобода, истина, надежда, вера – утверждают примат человеческой личности и выступают в качестве абсолютных духовных идеалов. Обращение к психофизической сущности человека определяется необходимостью изучения феномена взаимодействия духовной и телесной сферы, устройства жизни человека по законам духовной и нравственной жизни в органичном единстве познавательных, этических, эстетических потребностей и способностей человека.

Чтобы достичь своей цели, воспитание должно быть системным и целостным во всех своих компонентах. Его учение дает проверенные методы и средства борьбы с «грехом», то есть со злыми «импульсами» и качествами человеческой природы, и способствует развитию добрых качеств.

Концепция духовно-нравственного воспитания прп. Нила может с успехом использоваться для разработки современных концепций и построения современных систем духовно-нравственного воспитания и образования, ориентированных на христианскую традицию.

Основной задачей духовно-нравственного воспитания является «доброе изменение» человека и его преображение. Польза, получаемая человеком на личном уровне в процессе своего совершенствования, очевидна: он внутренне целен, уравновешен, спокоен, человеколюбив, в значительной степени защищен от многих психологических проблем, от непомерных материальных требований, жажды пустой славы, безрассудной ненависти и т. д.

Воспитательные действия направлены на человека, но пользу получает не только он лично, но все общество, поскольку воспитуемый становится общественно полезным человеком. Он не замкнут в своей индивидуальности, но открыт для общественного служения, неравнодушен к страданию ближних, к вопросам социально-государственным, способен к самой энергичной деятельности на благо людей и к созданию истинных культурных ценностей. Примеры этому многочисленны в истории. Общественный организм, состоящий из нравственно ориентированных людей христианской аскетической традиции, представляет собой структуру прочную и во всех смыслах удобную для жизни. Личность, зрелая духовно-нравственно, оказывает благотворное воздействие на весь окружающий мир, на экологию, бережно относится к природе в силу своего аскетически-рационального образа жизни и в силу того, что видит в ней Божие творение.

Идеи и принципы педагогического учения прп. Нила Сорского особенно важны для современной системы духовно-нравственного воспитания. Всестороннее развитие человека на основе приоритета духовно-нравственного развития способствует реализации личностного потенциала человека.

Самое же важное его достоинство – оно дает образец построения идеальной формы духовно-нравственного воспитания, важнейшие компоненты которой (содержание (богатейшая христианская литература) и методы) могут использоваться в наши дни в повседневной практике воспитания.

Таким образом, духовно-нравственное воспитание и является тем фундаментом, на базе которого и возможно всестороннее развитие человека.

Выводы по главе II

1. Духовно-нравственное и педагогическое становление преподобного Нила Сорского продолжалось более тридцати лет. Его воспитание шло сначала в Кирилло-Белозерском монастыре, а затем в Афонских монастырях и

Константинополе. За это время он в совершенстве овладел практикой монашеского делания, изучил Священное Писание, обширную богословскую литературу, сформировался как христианский писатель и как опытный наставник, руководитель, духовный отец, писатель, старец, способный руководить монастырем и воспитывать монахов, вести их путем духовно-нравственного совершенствования.

2. Концепция духовно-нравственного воспитания Нила Сорского – это система основополагающих евангельских идей, в своей совокупности составляющих педагогическую систему русской исихастской педагогической традиции. Под духовно-нравственным воспитанием в рамках христианской традиции прп. Нил Сорский понимает «слияние» жизни человека с Богом-Троицей под воздействием благодати Святого духа и постепенное приобщение человека к духовным идеалам. Целостное понимание иерархии Бог–человек–мир определяет возможность осознания человеком Высшей реальности бытия – Бога. Духовно-нравственное становление и развитие понимается как процесс и результат формирования высших свойств личности. Старец использует опыт святых отцов и разрабатывает способ осмысления духовного развития человека, достигаемого в процессе воспитания и определяемого им как полное раскрытие духовных сил, способностей, заложенных Творцом в человеке. Педагогическую концепцию старца отличает интерес к этико-нравственным проблемам, творческой свободе и ответственности. Он использует онтологический подход к исследованию соотношения нравственного и духовного, духовного и телесного, духовного и психического, определенного непосредственным участием Бога в судьбе человека. Церковная жизнь христианина представляется как особая школа воспитания мужества, смирения и добротолубия. Концепция Нила содержит все основные компоненты педагогической системы: цель – воспитание по образу и подобию Божию. Преподобный Нил утверждает, что идеалом воспитания для человека является следование образу Иисуса Христа. Раскрытие образа Божия в себе является необходимым условием «совлечения ветхого человека». Опираясь на свободную волю и личный труд восприятия «новозаветной реальности» и

исполнения христианских заповедей, человек встает на путь всестороннего духовного развития и совершенствования. Путь – исполнение евангельской заповеди «будьте совершенны, как совершенен есть Отец Ваш Небесный». Он обосновывает следующие основополагающие принципы: уважения личности учащегося, приоритета духовного воспитания над обучением; опоры на положительные примеры, принцип соответствия воспитательного процесса возрастным особенностям обучающихся; духовно-антропологический принцип и принцип соответствия воспитания индивидуальным особенностям учащихся. Методы – послушание, терпение, следование наставлениям наставников, изучение Священного Писания, богословской и агиографической литературы, труд, собственное упражнение в духовной практике, личный живой пример, метод убеждения, упражнения, поощрения. Принципы и методы воспитания, обосновываемые преп. Нилом, обусловлены природой человека и полностью соответствуют потребностям духовного развития. Воспитание в благоговении перед Богом (страхе Божьем) формирует внутреннюю свободу человека и порождает способность противостоять злу через смирение. Смирение трактуется старцем как отсутствие горделивых претензий. Свобода нравственного выбора определяется нравственной интуицией, или иными словами, совестью. Любовь к ближнему трактуется старцем как важнейшее условие духовного совершенствование.

Концепция духовно-нравственного воспитания прп. Нила Сорского строится на евангельских принципах и является дальнейшим развитием педагогических идей святых отцов.

3. Возвратившись в 1485 г. на Русь, Нил организует свой монастырь, который стал подлинным выражением исихастской педагогической традиции. Эта традиция поддерживалась как за счет духовного устройства монастыря, так и за счет специального воспитания. Внешнее устройство было организовано на основе Устава, который является не только организацией всей жизни, но и важнейшим педагогическим памятником средневековой Руси и который предполагает особое жителство, постоянную молитву и постоянный труд. Особенностью монастыря

Нила было то, что в нем оставались только высокообразованные монахи. Поэтому его скит по праву можно считать своего рода «училищем», т. е. высшей монастырской школой. В работах прп. Нила мы находим обоснование определяющего значения евхаристической и молитвенной традиции в духовном развитии человека. Принимая во внимание внутреннюю целостность и иерархичность строения личности (дух–душа–тело), прп. Нил объединяет умственное, нравственное, физическое и трудовое воспитание. По своей сути воспитание является «перевоспитанием» человека и осуществляется в «борьбе» с проявлением его греховной (в онтологическом смысле) природой. Тело возможно воспитывать физическим трудом, физическими упражнениями, постом, бдением, нестяжательством, воспитание души возможно с помощью умственных занятий и последующего развития способности анализировать и размышлять, духовно-нравственное преображение человеческой природы прп. Нил связывает с аскетико-молитвенной практикой «умного делания» и способностью человека противостоять соблазнам и страстям. Согласно прп. Нилу соблюдение канонів церковной жизни, проявление телесной аскезы заключается в приготовлении к «умному деланию», духовному блюдению, сердечному хранению. Через обращение к чувствам и воображению развивается воля и конкретно-образное мышление человека, а осознание воспитанниками ценности человеческой жизни понимается старцем как первоочередная задача. Он настаивает на необходимости аскетизма и нравственного самосовершенствования каждым человеком. Это объясняется тем, что грехопадение ведет человека к разладу и последующему распаду духовной жизни и выражается в понятии страсти, подчиняющей себе волю человека. Очищение помыслов, борьба со страстями, преображение души возможны только через внутреннюю работу. Воспитательные усилия прп. Нила направлены на формирование в человеке внутреннего убеждения, способности к деланию «умной молитвы», приводящей человека к самостоятельной оценке своих действий и окружающей действительности, ведущего человека к вершинам духовного совершенства.

Преподобный Нил явил себя не только как прекрасный организатор монашеской жизни и богослов, но и как замечательный педагог. Старец изучает непосредственный жизненный опыт человека во всей его полноте и уникальности, помогает личному самоопределению каждому воспитаннику и помогает найти оптимальный путь («оптимальную траекторию») воспитательного процесса. Особое внимание Нил уделяет воспитанию у своих учеников чувства личной ответственности за Отечество. Преподобный Нил придерживается правила не быть судьей ученику; по его твердому убеждению, только через смирение, терпение учитель способен добиться уважения ученика. Важнейшим средством воспитания был личный пример старца. Путь убеждения и личного примера являлся важнейшим способом воспитания. Признавая свободу личности, главную свою задачу он определял как помощь ученику в его духовном становлении, а не обучении, ибо для духовного делания нужен опытный наставник. Как и преподобный Сергей, он воспитал много учеников. Некоторые из них стали святыми.

4. Содержанием духовно-нравственного воспитания в учении прп. Нила Сорского являются Священное Писание, Священное Предание, святоотеческое наследие (труды святых отцов, агиографическая литература). Он видит смысл жизни человека в образе жизни по заповедям Христовым. Утверждая, что человек не рождается изначально богатым в духовном и нравственном смысле, он настаивает на необходимости изучения законов духовной жизни, изложенных в Священном Писании и в аскетических писаниях святых отцов. И он сам написал несколько таких трудов. Пример высокой жизни преподобных отцов и пустынножителей способен оказать существенное воздействие на умы послушников, так как христианские подвижники являют собой живой пример достижения высших образцов духовно-нравственного совершенства в устройении жизни в соответствии с христианскими заповедями. Он же сам составил многие жития святых на основе других текстов, что свидетельствует о нем как о прекрасном ученом. Советы старцев о воспитании сердца и ума, совести и смирении, молитве и покаянии, борьбе со страстями составляют важнейшую

часть содержания духовно-нравственного воспитания, так как они несут в себе живой пример реализации своих наставлений в своей жизни, идеальный образец жизни и совершенствовании по христианским заповедям.

5. Значение педагогики преподобного Нила Сорского для современности состоит в том, что оно позволяет понять сущность воспитания, состоящую в том, что оно есть путь всестороннего телесного, душевного (психического) и духовного совершенствования человека в соответствии с Высшим идеалом; путь совершенствования себя в своих отношениях с Богом, миром, (природным и социальным), самим собой.

Учение сорского наставника и созданная им модель воспитания могут иметь большое значение для развития современного российского образования и педагогики. Идеи и принципы, на которых основывается учение прп. Нила Сорского, носят фундаментально значимый смысл и особенно важны для современной системы духовно-нравственного воспитания. Всестороннее развитие человека на основе приоритета духовно-нравственного развития способствует реализации личностного потенциала человека. Духовность проявляется в обращенности человека к Высшему идеалу и высшим ценностям; в сознательной устремленности человека к совершенству; соответственно одухотворение заключается в освоении высших ценностей, в приближении к Высшему идеалу. Истинно общечеловеческие ценности – любовь, добро, красота, свобода, истина, надежда, вера – утверждают примат человеческой личности и выступают в качестве абсолютных духовных идеалов. Обращение к психофизической сущности человека определяется необходимостью изучения феномена взаимодействия духовной и телесной сферы, устройства жизни человека по законам духовной и нравственной жизни в органичном единстве познавательных, этических, эстетических потребностей и способностей человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

– Христианская педагогика как совокупность категорий и понятий, рассматривающая сущность и состав человека, созданного «по образу и подобию Божию», о его греховном и естественном (безгрешном) состоянии, о закономерностях, идеалах и содержании синергичных процессов духовно-нравственного совершенствования и воспитания человека определяют систему целей, задач, содержания, методов, условий, средств и других компонентов педагогики в русле христианской традиции для достижения онтологических целей воспитания.

– Универсальная религиозная система христианства сформировала свою особую педагогику, в которой сложился свой категориальный аппарат, отражающий представление о природе человека и его всестороннем развитии в процессе воспитания; определение условий для такого воспитания. Предметом духовного воспитания выступает человек, его метапсихологические факторы и качества: душа, дух, вера, мистическое переживание, бессмертие и смерть, любовь, обожение, благодать, надежда, интуиция, грех и другие. В ней раскрыты цели, задачи, содержание и методы воспитания и образования; разработано четкое представление о нормах жизни, необходимых для исполнения христианином любого возраста, и правилах воспитания, возможность и необходимость духовно-нравственного развития и совершенствования человека.

– Христианская педагогика является живым, реализованным во многих и многих поколениях учением. Духовность и нравственность являются важнейшими общечеловеческими свойствами и характеристиками личности. Христианское сознание критерий своих духовно-нравственных педагогических опытов находит в Боге, как онтологическом Идеале, дающем человеку

возможность и средства духовно-нравственного совершенствования. Среди сущностных основ воспитания необходимо перечислить важнейшие для христианского сознания, такие как трансцендентность целей, теоцентричность, церковность, синергийность.

– Исследование показало, что учебно-воспитательный процесс в Древней Руси и русская педагогика основывались на духовно-нравственных традициях христианства. На Руси прочно усвоились принципы и нормы христианской жизни (выполнение заповедей, частое посещение богослужений, почитание святых, постоянное общение с духовником, домашняя молитва, общая воздержанность во всем, благопристойное поведение, послушание). Древнерусские учебно-воспитательные традиции, построенные на идеях христианской педагогики, позволили создать особую систему древнерусского воспитания и образования, которая была направлена на воспитание общества, семьи, человека. В Древней Руси были созданы социально-педагогические условия, позволившие успешно развиваться образованию. Христианское воспитание распространяется на все сферы: социальную, нравственную, духовную, и все институты общества: семью, сословия, государство. Отсюда – глубокие благотворные изменения в социально-государственной, семейно-бытовой и культурной сферах, а также формирование таких духовно-нравственных качеств личности древних русичей, как любовь к отечеству, благородство, трудолюбие, взаимное уважение, почитание старших и «начальных» и т. д.

– Важнейшей чертой древнерусского воспитания и образования была тесная взаимосвязь с монастырем, который являлся важнейшим духовно-культурным и образовательным учреждением Руси. Об успешности монастыря как воспитательного учреждения свидетельствует сонм святых, которые были воспитаны в монастырях. Особенно благотворно воздействовала на формирование добрых нравов, высокий уровень «книжности» и образованности общества монашеская, аскетическая культура. Она развивалась на Руси под влиянием афоно-византийских традиций и основывалась на учении исихазма с его концепцией преображения человека на основе духовно-нравственного

совершенствования, основанной на сочетании внешних и внутренних аскетических методов. Исихастские понятия, исихастская концепция обожения составили теоретико-методологическую основу православной русской, древнерусской и средневековой русской педагогики, а практика исихастов – ее аскетическую методику.

– На исихастских традициях строил свою жизнь прп. Нил Сорский и известные русские подвижники, такие как прпп. Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский и другие. Их аскетическая, церковно-политическая и духовно-культурная деятельность инициировали явление, названное «золотым веком» русского монашества, расцвет русской культуры и государственности в целом. Богословско-аскетическая концепция исихазма, ярким представителем которого явился русский святой прп. Нил Сорский, доказывает необходимость и возможность преобразования человека. Понятие «исихии» раскрывает практический подход к преобразению человека. Он включает в себя всестороннее телесное и духовно-нравственное совершенствование человека, преодоление греха. Эта практика способствует достижению святости, позволяющей человеку достичь Бога и пребывать в Боге, что рассматривается в исихазме в качестве смыслообразующего феномена духовно-нравственного воспитания.

– Прп. Нил Сорский занимает важное место в формировании русской исихастской традиции и распространении исихазма на Руси. Пройдя первоначальную монашескую подготовку в Кирилло-Белозерском монастыре, прп. Нил продолжил свое воспитание на Афоне и в странах византийского мира, по всей вероятности, от непосредственных преемников главных деятелей движения исихазма, какими были свв. Григорий Синаит, Григорий Палама, патриархи Каллист и Филофей, Феодосий Тырновский и другие. В результате он сложился не только как опытный монах, но и как духовный руководитель, наставник, отец, учитель, старец, способный успешно руководить другими в их духовно-нравственном совершенствовании.

– На основе опыта воспитательной деятельности прп. Нила Сорского и его письменных трудов была реконструирована его педагогическая концепция. Основные характеристики воспитания соответствуют принципам аскетико-антропологической системы христианства в целом. Понятие «воспитание» в учении прп. Нила раскрывается в самом широком смысле, как целостный процесс восстановления нарушенного грехопадением естественного состояния человека и его восхождение к совершенству для подготовки к жизни вечной. Отсюда общая задача и главное содержание воспитания – очищение души от греховных мыслей и страстей, исправление жизни и приобретении высоких духовно-нравственных качеств: послушание, смирения, терпения, беззлобия, любви. Среди главных основ воспитания – правильное вероучение, твердая вера и любовь к Богу, церковная традиция.

– Принцип синергийности пронизывает все учение прп. Нила, причем «Божественному вседействию» он придает решающее значение в деле воспитания. Отсюда главнейшие синергийные средства духовно-нравственного совершенствования – церковные таинства, богослужение, «слово Божие» («Божественные Писания»). Прп. Нил указывает необходимые «внешние» и «внутренние» методы «доброделания», из них самый действенный в его системе, безусловно, исихастский метод концентрации внимания, средствами которого выступают «трезвение» («постоянное наблюдение за своим умом и сердцем») и «умная» Иисусова молитва.

– Концепция духовно-нравственного воспитания Нила Сорского – это система основополагающих евангельских идей, в своей совокупности составляющих педагогическую систему русской исихастской педагогической традиции. Концепция духовно-нравственного воспитания прп. Нила Сорского строится на евангельских принципах и является дальнейшим развитием педагогических идей святых отцов. Под духовно-нравственным воспитанием в рамках христианской традиции прп. Нил Сорский понимает «слияние» общей жизни человека с Богом-Троицей под воздействием благодати Святого духа и постепенное приобщение к духовным идеалам. Целостное понимание иерархии

Бог–человек–мир определяет возможность осознания человеком Высшей реальности бытия – Бога. Духовно-нравственное становление и развитие понимается как процесс и результат формирования высших свойств личности. Старец использует опыт святых отцов и разрабатывает способ осмысления духовного развития человека, достигаемого в процессе воспитания и определяемого им как полное раскрытие духовных сил, способностей, заложенных Творцом в человеке. Концепция Нила содержит все основные компоненты педагогической системы: цель – воспитание по образу и подобию Божию, путь – «будьте совершенны, как совершенен есть Отец Ваш Небесный». Преподобный Нил утверждает, что идеалом воспитания для человека является следование образу Иисуса Христа. Раскрытие образа Божия в себе является необходимым условием «совлечения ветхого человека». Опираясь на свободную волю и личный труд восприятия «новозаветной реальности» и исполнения христианских заповедей, человек встает на путь всестороннего духовного развития и совершенствования. Содержание – изучение Священного Писания, богословской и агиографической литературы; методы – следование наставлениям наставников, духовно-нравственная практика, труд; послушание, терпение и т. д. Педагогическую концепцию старца отличает интерес к этическо-нравственным проблемам, творческой свободе и ответственности. Он использует онтологический подход к исследованию соотношения нравственного и духовного, духовного и телесного, духовного и психического, определенного непосредственным участием Бога в судьбе человека. Церковная жизнь христианина представляется как особая школа воспитания мужества, смирения и добротолубия. Воспитание в благоговении перед Богом (страхе Божьем) формирует внутреннюю свободу человека и порождает способность противостоять злу через смирение. Смирение трактуется старцем как отсутствие горделивых претензий. Свобода нравственного выбора определяется нравственной интуицией, или совестью. Любовь к ближнему трактуется старцем как важнейшее условие духовного совершенствования. Прп. Нил рассматривает духовно-нравственную культуру ученика как основу образования и воспитания.

Он обосновывает следующие основополагающие принципы: принцип уважения личности учащегося, принцип приоритета духовного воспитания над обучением, принцип опоры на положительные примеры, принцип соответствия воспитательного процесса возрастным особенностям обучающихся, духовно-антропологический принцип и принцип соответствия воспитания индивидуальным особенностям учащихся. Методы и принципы воспитания, обосновываемые прп. Нилом, обусловлены природой человека и полностью соответствуют потребностям духовного развития: личный живой пример, метод убеждения, упражнения, поощрения.

– Хорошее знание форм монашеского подвижничества, «книжной культуры», учебно-воспитательной исихастской традиции, а также большой личный аскетический опыт способствовали прп. Нилу в деле создания Нило-Сорского скита и формирования особой воспитательной среды обители.

– Сущностные основы воспитания в системе прп. Нила уясняются в процессе изучения жизни, деятельности, творческого наследия старца, а также наиболее выдающихся его учеников. В работах прп. Нила мы находим обоснование определяющего значения евхаристической и молитвенной традиции в духовном развитии человека. Принимая во внимание внутреннюю целостность и иерархичность строения личности (дух–душа–тело), прп. Нил объединяет умственное, нравственное, физическое и трудовое воспитание. По своей сути воспитание является «перевоспитанием» человека и проявляется в «борьбе» с проявлением его греховной (в онтологическом смысле) природы. Тело возможно воспитывать физическим трудом, физическими упражнениями, постом, бдением, нестяжательством; воспитание души возможно с помощью умственных занятий и последующего развития способности анализировать и размышлять, духовно-нравственное преображение человеческой природы прп. Нил связывает с аскетико-молитвенной практикой «умного делания» и способностью человека противостоять соблазнам и страстям. Согласно прп. Нилу соблюдение канонической церковной жизни, проявление телесной аскезы заключается в приготовлении к «умному деланию», духовному блюдению, сердечному хранению. Через

обращение к чувствам и воображению развиваются воля и конкретно-образное мышление человека, а осознание воспитанниками ценности человеческой жизни понимается старцем как первоочередная задача. Грехопадение подразумевает под собой разлад и последующий распад духовной жизни и выражается в понятии страсти, подчиняющей себе волю человека. Очищение помыслов, борьба со страстями, преобразование души возможны только через внутреннюю работу. Прп. Нил ценит в человеке внутреннее убеждение, способность к «умной молитве», приводящей человека к самостоятельной оценке своих действий и окружающей действительности, и настаивает на необходимости аскетизма и нравственного самосовершенствования каждым человеком.

— Основу содержания воспитания его монахов заняли изучение «Божественных Писаний», богословской и апокрифической литературы, и исихастское молитвенное «делание», которые можно считать главным содержанием воспитательной деятельности монастыря. Содержанием духовно-нравственного воспитания в учении прп. Нила Сорского являются Священное Писание, Священное Предание, святоотеческое наследие (труды святых отцов), агиографическая литература. В образе жизни по заповедям Христовым видит он смысл духовной жизни человека. Утверждая, что человек не рождается изначально богатым в духовном и нравственном смысле, он настаивает на необходимости изучения законов духовной жизни, изложенных в Священном Писании и в аскетических писаниях святых отцов. Пример высокой жизни преподобных отцов и пустынножителей способен оказать существенное воздействие на умы послушников, так как христианские подвижники являют собой живой пример достижения высших образцов духовно-нравственного совершенства в устроении жизни в соответствии с христианскими заповедями. Советы старцев о воспитании сердца и ума, совести и смирении, молитве и покаянии, борьбе со страстями составляет важнейшую часть содержания духовно-нравственного воспитания, так как старцы несли в себе живой пример реализации своих наставлений в своей жизни, идеальный образец жизни и совершенствования по христианским заповедям.

– Личность учителя в системе прп. Нила выступает как средство воспитания. Сам сорский наставник обладал многими духовно-нравственными качествами, необходимыми истинному учителю. Преподобный применяет в своей наставнической деятельности совокупность разных методов духовно-нравственного воспитания. Преподобный Нил придерживается правила не быть судьей ученику; по его твердому убеждению, только через смирение, терпение учитель способен добиться уважения ученика. Путь убеждения и личного примера являлся важнейшим способом воспитания. Признавая свободу личности, главную свою задачу он определял как помощь ученику в его духовном становлении, а не обучении, ибо для духовного делания нужен опытный наставник. Старец изучает непосредственный жизненный опыт человека во всей его полноте и уникальности, помогает личному самоопределению каждого воспитанника и помогает найти оптимальный путь, «оптимальную траекторию» воспитательного процесса. Особое внимание Нил уделяет воспитанию у своих учеников чувства личной ответственности за Отечество. Его воспитательная деятельность отличалась успешностью. Он воспитал ряд известных подвижников. Значение учительской деятельности прп. Нила велико, а его педагогический опыт можно считать идеалом воспитательной деятельности.

– Концепция духовно-нравственного воспитания прп. Нила и в целом его опыт построения воспитательной системы основывается на онтологических принципах и могут с успехом применяться на современном этапе. Значение педагогического учения прп. Нила не ограничивается сферой монашества. Оно полезно и применимо для многих образовательных учреждений и для всех, находящихся на пути духовно-нравственного возрастания, как педагогов, так и воспитуемых, поскольку дает проверенные методы и средства борьбы со злыми «импульсами» человеческой природы и способствует развитию добрых качеств. Самое же важное его достоинство – оно дает идеальную форму духовно-нравственного воспитания, важнейшие компоненты которой могут использоваться в наши дни, в том числе и аскетическая литература.

В самом обобщенном виде результаты исследования можно свести к следующему: в работе описана сущность христианской педагогики и ее основные категории; представлены учебно-воспитательные традиции Древней Руси во взаимосвязи с педагогической деятельностью монастырей; раскрыта педагогическая концепция исихазма как методологическая основа воспитательной системы прп. Нила Сорского; изучено духовно-нравственное и педагогическое становление прп. Нила; осмыслена аскетико-педагогическая концепция духовно-нравственного воспитания прп. Нила Сорского; проанализирована сущность системы воспитания в Нило-Сорском скиту; исследована содержательная основа воспитательного процесса Нило-Сорской пустыни; прп. Нил охарактеризован как учитель, показано значение особенностей для развития современной педагогики и образования.

Таким образом, задачи, поставленные в исследовании, решены, и положения, выносимые на защиту, доказаны. Перспективы нашего исследования мы видим прежде всего в том, чтобы продолжить изучение педагогического учения Нила Сорского в общем контексте исихастской традиции русской и афонской педагогической культуры, величайшим представителем которой в средневековой Руси стал преподобный Сергей Радонежский, его ученики, Иосиф Волоцкий и Нил Сорский со своими учениками; более системном изучении его опыта и особенно практики деятельности его «ученого монастыря», в прослеживании святоотеческой средневековой педагогической традиции и педагогической традиции Нового времени. И особенно с педагогической практикой Оптиной пустыни, Глинской пустыни; творчеством и практикой Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника; в творческом использовании учения прп. Нила Сорского в современной педагогике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
2. Акопов, Г. В. Российское сознание: историко-психологические очерки / Г. В. Акопов. – Самара : СамГПУ, 2002. – 96 с.
3. Александр (Семенов-Тяньшанский), еп. Отец Иоанн Кронштадтский / Александр (Семенов-Тяньшанский). – Париж, 1990. – 380 с.
4. Александр (Семенов-Тяньшанский), еп. Православный катихизис / Александр (Семенов-Тяньшанский). – М., 1990. – 128 с.
5. Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси. Основы православного образования в России / Алексей II // Педагогика. – 1995. – № 3. – С. 74–81.
6. Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России: Слова, речи, послания, обращения 1990–1998 гг. / Алексей II / Под ред. епископа Бронницкого Тихона. – М. : Изд-во Московской Патриархии, 1999. – 912 с.
7. Алова, Г. Н. Православная педагогика в средневековой Руси : уроки для современности / Г. Н. Алова // Магистр. 1997. – № 4. – С. 37–46.
8. Андрей Лоргус, прот. Личность человека в свете православного учения / Андрей Лоргус // «Духовный мир человека на пороге третьего тысячелетия», сб. докладов научно-методического семинара. МИИТ, кафедра «Теология». М. : Изд-во МИИТ, 2003.
9. Андроник (Трубачев), игумен. Русская духовность в жизни преподобного Сергия и его учеников / Андроник (Трубачев) // Ангел-хранитель земли русской. – М. : Луч, 1994. – С. 92–124.
10. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / Сост. С. Д. Бабишин. – М. : Педагогика, 1985. –

343 с.

11. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русское государство XIV–XVII вв. – М. : Педагогика; 1985. – 368 с.

12. Архангельский, А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в Древней Руси / А. С. Архангельский. – СПб., 1882. – Ч. 1. Преподобный Нил Сорский. – 324 с.

13. Афанасий Александрийский, свт. Творения: В 4 т. / Афанасий Александрийский. – М., 1994. – Т. 3. – 528 с.

14. Афонский патерик: В 2 ч. – 7-е изд. – М., 1897. – Ч. 1. – 558 с.

15. Бабишин, С. Д. Из истории зарождения школы высшего типа в Древней Руси / С. Д. Бабишин // Советская педагогика. – 1972. – № 8 – С. 94–100.

16. Бабишин, С. Д. Основные тенденции развития школы и просвещения в Древней Руси (первая половина XIII в.) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / С. Д. Бабишин. – Киев, 1985. – 47 с.

17. Безрогов, В. Г. Воспитательные идеи Нового Завета: Раздел учебного пособия / В. Г. Безрогов // История образования и педагогической мысли в эпоху Древности, Средневековья и Возрождения. – М. : 2004. – 77 с.

18. Безрогов, В. Г. Становление образовательных традиций христианской школы в I V веках : автореф. дис ... д-ра пед. наук / В. Г. Безрогов. – М., 2004. – 42 с.

19. Беленчук, Н. Н. История отечественной педагогики / Н. Н. Беленчук. – М. : Изд-во Прав.

20. Беленчук, Л. Н. Просвещение в России: взгляд западников и славянофилов / Н. Н. Беленчук. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. – 147 с.

21. Белозерцев, Е. П. Образ и смысл русской школы / Е. П. Белозерцев. – М. : МПГУ, 1999. – 309 с.

22. Белозерцев, Е. П. Образование: историко-культурный феномен / Е. П. Белозерцев. – СПб., 2004. – 453 с.

23. Беляева, В. А. Воспитание личности на основе идей отечественной педагогической культуры / В. А. Беляева // Педагогический форум, посвященный Году учителя. Межвуз. науч.-методич. конф., 4 марта 2010 г. XVII Рязанские педагогические чтения. – Рязань : РГУ, 2010. – С. 3–5.
24. Беляева, В. А. Духовно-нравственное становление и развитие личности учителя в контексте светской и православной педагогической культуры / В. А. Беляева. – Рязань, 1998. – 134 с.
25. Белякова, Е. В. Славянская редакция Скитского устава / Е. В. Белякова // Древняя Русь. – М., 2002. – № 4/10. – С. 28–36.
26. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1993. – 382 с.
27. Бердяев, Н. А. Проблема человека (к построению христианской антропологии) / Н. А. Бердяев // Ступени: филос. журн. – 1991. – № 1. – С. 90–95.
28. Богуславский, М. В. Преемственность и новаторство в развитии основных направлений отечественной педагогической науки (конец XIX – XX вв.) / М. В. Богуславский. – М. : ИТИП РАО, Издательский центр ИЭТ, 2012. – 500 с.
29. Бокач, Ф. Афон / Ф. Бокач. – Париж, 1959. – 64 с.
30. Бондаревская, Е. В. Ценностные основания личностно-ориентированного воспитания / Е. В. Бондаревская // Педагогика, 1995. – № 4. – С. 29–36.
31. Боровкова-Майкова, М. С. Великий старец Нил, пустынный Сорский / М. С. Боровкова-Майкова. – Б. м., 1908. – 17 с.
32. Боровкова-Майкова, М. С. Нил Сорский и Паисий Величковский / М. С. Боровкова-Майкова. – СПб., 1911. – 8 с.
33. Боровкова-Майкова, М. С. Нила Сорского предание и устав / М. С. Боровкова-Майкова. – СПб., 1912. – 164 с.
34. Братусь, Б. С. К проблеме человека в психологии / Б. С. Братусь

// Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С. 3–19.

35. Братусь, Б. С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Б. С. Братусь; под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Шур. – М. : Смысл, 1997. – С. 67–91.

36. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) / С. Н. Булгаков // Вехи; Из глубины. – М. : Правда, 1991. – С. 31–72.

37. Булгаков, С. Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви / С. Н. Булгаков. – К. : Лыбидь, 1991. – 235 с.

38. Ванина, И. Н. Идеи духовно-нравственного воспитания личности в трудах В. С. Соловьева : автореферат дис. ... канд. пед. наук / И. Н. Ванина . – Курск, 2008. – 21 с.

39. Василий (Кривошеин), архиеп. Преподобный Симеон Новый Богослов / Василий (Кривошеин). – Н. Новгород, 2000. – 448 с.

40. Василий Великий, святитель. Беседы на Шестоднев / Василий Великий. – М. : Московское подворье Свято-Троицкой Лавры, 2001. – 70 с.

41. Василькова, Ю. В. Страницы отечественного образования с древнейших времен до конца XVIII в / Ю. В. Василькова. – М., 1996. – 375 с.

42. Великие духовные пастыри России / Под ред. А. Ф. Киселева – М. : ВЛАДОС, 1999. – 496 с.

43. Видов, С. В. Философско-педагогические идеи святителя Тихона Задонского в контексте современных проблем духовно-нравственного воспитания : автореф. дис. ... канд. пед. наук / С. В. Видов. – Рязань, 2006. – 20 с.

44. Видякова, З. В. Становление русской школы: теория и практика (с древнейших времен до Октябрьской революции 1917 г.) / З. В. Видякова. – Липецк : ЛГПИ, 2000. – 193 с.

45. Владимир Мономах. Поучение / Владимир Мономах //

Древнерусская литература. – М. : Школа–Пресс, 1993. – С. 80–85.

46. Владимиров, Артемий, прот. О новых подходах к преподаванию духовно-нравственных дисциплин / Артемий Владимиров // Материалы докладов VIII Междунар. Рождеств. чтений. – М. : Отдел религиозного образования и катехизации, 2000. – С. 189–194.

47. Владимиров, Артемий, прот. О рождении и воспитании ребёнка / Артемий Владимиров // Свет православия: Христианский собеседник. – 1997. – Вып. 26–27. – С. 32.

48. Воробьев, Владимир, протоиерей. Проблемы российского образования и Православие / Владимир Воробьев // Материалы докладов VII Междунар. Рождественских чтений – М. : Отдел религиозного образования и катехизации, 1999. – С. 130–139.

49. Воробьев, М. Н. Православное просвещение на Руси (X–XVII вв.) / М. Н. Воробьев, // Педагогика. – 1996. – № 2. – С. 84–88.

50. Гагаев, П. А. Западники и славянофилы в отечественной педагогике / П. А. Гагаев // Педагогика. – 2001. – № 1. – С. 58–68.

51. Гагаев, П. А. Размышления о судьбах русской школы / П. А. Гагаев // Педагогика. – 1998. – № 6. – С. 10–15.

52. Гатилова, Н. Н. Духовно-нравственное воспитание человека в трудах святителя Игнатия Брянчанинова : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. Н. Гатилова. – Курск, 2006. – 22 с.

53. Георгий (Тертышников), архимандрит. Святитель Феофан Затворник и его учение о спасении / Георгий (Тертышников). – М. : Сретенский монастырь, 1999. – 569 с.

54. Георгий (Шестун), игум. Православная педагогика / Георгий (Шестун). – 4-е изд. – М., 2010. – 672 с.

55. Гладких, Л. П. Основы духовно-нравственного воспитания. Подготовка педагогов / Л. П. Гладких // Приложение к журналу «Православное образование»: Информационный вестник Отдела

религиозного образования и катехизации Московской патриархии. – 2004. – № 1. – С. 6–8.

56. Голубинский Е. Е. История русской церкви // Е. Е. Голубинский. – Собр. соч.: В 2. т. – Т. 2: Период второй, Московский. – Ч. 1. – М., 1900.

57. Григорий Богослов. Избранные творения / Григорий Богослов.. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 402 с.

58. Григорий Палама, свт. Триады в защиту священнобезмолвствующих / Григорий Палама. – М., 1995. – 384 с.

59. Григорий Синаит, прп. Главы о заповедях и догматах / Григорий Синаит // Добротолюбие. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992. – Т. 5. – С. 180–216.

60. Григорий Синаит, прп. Творения / Григорий Синаит. – М., 1999. – 160 с.

61. Григорович-Барский, В. Второе посещение Св. Афонской Горы / Григорович-Барский В. – М., 2004. – 476 с.

62. Григорьев, В. В. Исторический очерк русской школы / В. В. Григорьев. – М., 1990. – 587 с.

63. Громов, М. Н. Максим Грек / М. Н. Громов. – М. : Мысль, 1983. – 199 с.

64. Громько, М. М., Буганов, А. В. О воззрениях русского народа / М. М. Громько, А. В. Буганов. – М. : Паломник, 2000. – 541 с.

65. Гудзий, Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. – М., 1938. – 452 с.

66. Данилюк, А. Я. Развитие человеческого потенциала средствами воспитания и социализации в условиях модернизации России / А. Я. Данилюк // Педагогика. – № 1. – 2011. – С. 3–15.

67. Дворецкая, М. Я. Святоотеческая психология / М. Я. Дворецкая. – СПб. : Русская Симфония, 2005. – 168 с.

68. Демков, М. И. История русской педагогики: в 3 ч. / М. И.

Демков. – М., 1909.

69. Дергачева, И. В. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV–XVII вв. / И. В. Дергачева. – Мюнхен, 1990. – 208 с.

70. Дерягин, В. Я. Иларион. Жизнь и «Слово» / В. Я. Дерягин // Иларион. Слово о Законе и Благодати. – М. : Столица, 1994. – С. 5–27.

71. Джурицкий, А. Н. История педагогики / А. Н. Джурицкий. – М. : ВЛАДОС, 1999. – 432 с.

72. Дивногорцева, С. Ю. Духовно-нравственное воспитание в теории и опыте православной педагогической культуры / С. Ю. Дивногорцева. – М. : ПСТГУ, 2007. – 237 с.

73. Дионисий Ареопагит, св. Корпус сочинений / Дионисий Ареопагит. – СПб., 2006. – 464 с.

74. Домострой. – Ярославль, 1991. – 144 с.

75. Древнерусская литература и наша современность // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. – М., 1998. – С. 26–34.

76. Древнерусские иноческие уставы. – М., 2001. – 296 с.

77. Духовное наследие иеросхимонаха Иеронима. – М., 2012. – 672 с.

78. Духовность // Большой толковый словарь русского языка / Авт.-сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2001. – 289 с.

79. Духовность // Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М., 2002. – 81 с.

80. Евдокимов, П. Н. Православие / Евдокимов П. Н.; пер. с фр. Сергей Гриб. – М. : Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2002. – 500 с.

81. Евсева, Л. М. Афонская книга образцов XV в. / Л. М. Евсева. – М., 1998. – 384 с.

82. Егоров, С. Ф. Теория образования в педагогике России начала

XX века / С. Ф. Егоров. – М. : Педагогика, 1987. – 150 с.

83. Епифаний Премудрый. Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия чудотворца / Епифаний Премудрый // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М. : Худож. литература, 1981. – С. 256–429.

84. Епифанович, С. Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие / С. Л. Епифанович. – М., 2003. – 224 с.

85. Житие, или Жизнь преподобного Феодосия, иже в Тырнове постничавшего, ученика суще блаженного Григория Синаита. Списано святейшим патриархом Константина града кир Каллистом // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – М., 1860. Материалы славянские. Кн. 1. – Разд. 3. – Л. 1–12.

86. Жмакин, В. И. Митрополит Даниил и его сочинения / В. И. Жмакин. – М., 1882. – 13 с.

87. Журавлев, В. К. Русский язык и русский характер / В. К. Журавлев. – М. : Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, 2002. – 256 с.

88. Зарин, С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению: Этико-богословское исследование / Зарин С. М. – М., 1996. – 696 с.

89. Захарченко, М. В. Образовательный потенциал традиционной культуры / М. В. Захарченко, Г. В. Лобкова // Вестник ПСТГУ. – Серия «Педагогика. Психология». – 2007. – № 3. – С. 62–67.

90. Захарченко, М. В., проф. Предисловие / Гергий (Шестун), игум. // Православная педагогика. – 4-е изд. – М., 2010. – 14 с.

91. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В. В. Зеньковский. – М., 1993. – 224 с.

92. Зеньковский В. В. Педагогика / В. В. Зеньковский. – М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1996. – 153 с.

93. Зиновий (Корзинкин), архимандрит. Духовно-нравственная концепция воспитания личности и современное образование : автореф. дис.

... канд. пед. наук / Зиновий (Корзинкин). – Курск, 1999. – 20 с.

94. Зинченко, В. П. О целях и ценностях образования / В. П. Зинченко // Педагогика. – 1997. – № 5. – С. 3–16.

95. Златоструй: Дороги человеческой мысли. Древняя Русь X–XIII вв. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 302 с.

96. Знаменский, П. В. Православие и современная жизнь. Полемика 1860-х годов об отношении православия к современной жизни (А. М. Бухарев) / П. В. Знаменский. – М., 1906. – 86 с.

97. Игнатий (Брянчанинов), свт. Творения: В 5 т. / Игнатий (Брянчанинов). – М., 1998. – Т. 5. – 488 с.

98. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Приношение современному монашеству. Собр. Сочинений / Игнатий (Брянчанинов). – Т. V. – М. : Ковчег, 2006. – С. 7–398.

99. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Слово о человеке / Игнатий (Брянчанинов). – М. : Ковчег, 2006. – С. 340–404.

100. Игнатий Брянчанинов, святитель. Аскетические опыты / Игнатий Брянчанинов // Собр. соч. – Т. 1. – М., 2001. – 658 с.

101. Игнатий Брянчанинов, святитель. Судьбы Божии / Игнатий Брянчанинов // Собр. соч. – Т. 2. – М., 2001. – С. 89–90.

102. Игнатов, А. А. Педагогические воззрения и практика духовного воспитания святителя Феофана Затворника : дис. ... канд. пед. наук / А. А. Игнатов. – Курск, 2004. – 144 с.

103. Идеи эстетического воспитания: Антология: В 2 т. – М., 1973. – Т. 1. – 408 с.

104. Иерофей (Влахос), митр. Православная духовность / Иерофей (Влахос). – СТСЛ, 2009. – 136 с.

105. Изборник 1076 г. – М. : Наука, 1965. – 1090 с.

106. Иларион. Слово о Законе и Благодати / Иларион. – М. : Столица, 1994. – 146 с.

107. Илларион (Алфеев), митрополит. Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие / Илларион (Алфеев). – М. – Клин : Изд-во Братства Святителя Тихона, 1996. 2-е изд. – Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2000. – 9 с.
108. Ильин, И. А. О грядущей России / И. А. Ильин. – М. : Воениздат. – 1993. – 366 с.
109. Ильичёва, И. М. Духовность в зеркале философско-психологических учений (от древности до наших дней) / И. М. Ильичёва. – М. – Воронеж, 2003. – 208 с.
110. Ильминский, Н. И. Беседы о народной школе / Н. И. Ильминский. – СПб., 1889. – 40 с.
111. Иоанн (Снычев), митрополит. Русь Соборная / Иоанн (Снычев). – СПб. : Царское дело, 1995. – 248 с.
112. Иоанн (Шаховской), архиеп. Сан-Францисский. Избранное: Собрание сочинений: В 2 т. / Иоанн (Шаховской). – Н. Новгород, 2000. – Т. 1. – 398 с.; Т. 2. – 496 с.
113. Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский. Избранные творения. Беседы на книгу Бытия / Иоанн Златоуст // Собр. соч. – Т. 1–2. – М. : Посад, 1993. – 903 с.
114. Иоанн Златоуст. О воспитании / Иоанн Златоуст. – М., 2003. – С. 324–357.
115. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе / Иоанн Кронштадтский. – М. : Благовест, 2013. – 784 с.
116. Иоанн Кронштадтский. Христианская философия / Иоанн Кронштадтский. – М. : Республика, 1992. – 212 с.
117. Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении / Иоанн (Маслов). – М. : Самшит, 1993. – 525 с.
118. Исаак Сирий, прп. Слова подвижнические / Исаак Сирий. – М., 1998. – 544 с.
119. История педагогики: в 2 ч. / Под ред. А. И. Пискунова – М. :

Сфера, 1997.

120. Иувеналий, схимитрополит Курский и Рыльский. Проблемы современного православного воспитания : доклады, выступления, размышления / Иувеналий. – Курск : Курск. гос. ун-т, 2006. – 225 с.

121. Иустин (Полянский), еп. Нравственное учение св. Исаака Сирина / Иустин (Полянский), еп. Сочинения. – М., 1895. – Т. 2. – С. 243–402.

122. Иустин (Полянский), еп. Преподобный Нил, подвижник Сорский, и устав его о скитской жизни / Иустин (Полянский), еп. Сочинения. – Т. 2. – С. 403–516.

123. К Свету: Край Кирилла Белозерского. – М., 1997. – Вып. 15. – 192 с.

124. Казакова, Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. / Н. А. Казакова. – Л. : Наука. 1970. – 300 с.

125. Каледа, Глеб, прот. Задачи, принципы и формы православного образования в современных условиях / Глеб Каледа // Журнал Московской патриархии. – М., 1994. – № 7–8. – С. 29–49.

126. Каледа, Глеб, прот. Очерки духовно-нравственных основ создания и построения семьи в современных условиях / Глеб Каледа. – М., 1997. – 149 с.

127. Каптерев, П. Ф. История русской педагогики / П. Ф. Каптерев. – СПб., 1915. – 800 с.

128. Карамзин, Н. М. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» / Н. М. Карамзин. – М., 1988. – 768 с.

129. Катасонов, В. Н. Христианство. Наука. Культура / В. Н. Катасонов. – М. : Наука, 2005. – 284 с.

130. Киприан (Керн), архим. Антропология св. Григория Паламы / Киприан (Керн). – М., 1996. – 528 с.

131. Киприан (Яценко), игумен. Воспитание добродетелей: лекции и интервью / Киприан (Яценко). – М. : Фонд сохранения духовно-нравственной культуры «Покров», 2014. – 368 с.
132. Киприан (Яценко), игумен. Православное воспитание : лекции, интервью, воспоминания / Киприан (Яценко). – М. : Покров ПРО, 2014. – 344 с.
133. Киреевский, И. В. Разум на пути к Истине / И. В. Киреевский. – М., 2002. – 664 с.
134. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России / И. В. Киреевский. – СПб., 2006. – 112 с.
135. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Просвещение и нравственность: забота Церкви, общества и государства»: Материалы докл. XX Междунар. Рождественских чтений. – М. : Отдел религиозного образования и катехизации, 2012. – С. 3–4.
136. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Речь на церемонии открытия XVI Всемирного Русского Народного Собора. 1 октября 2012 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.vrns.ru/documents/69/897/#.UpX4bZ80agQ>
137. Климент Александрийский. Педагог / Климент Александрийский. – М., 1996. – 290 с.
138. Климент Александрийский. Строматы / Климент Александрийский. – СПб., 2003. – Т. 1. – Кн. 1–3. – 544 с.
139. Ключевский, В. О. Краткое пособие по русской истории / В. О. Ключевский. – М., 1917. – 248 с.
140. Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – М., 1911. – Ч. 1. – 472 с.; М., 1916. – Ч. 2. – 528 с.
141. Ключевский, В. О. Два воспитания / В. О. Ключевский // Соч.: в 9 т. – М. : Мысль, 1990. – С. 5–28.
142. Ключевский, В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства / В. О. Ключевский // Путь на Маковец. – М. :

МНРОС, 1993. – С. 150–161.

143. Князев, Е. А. Русское образование: персоналия, LAP Lambert Academic Publishing / Е. А. Князев. – М., 2012. – 153 с.

144. Кожин, В. В. Обличитель ересей непостыдный / Кожин В. В. – М. : Фонд им. прп. Иосифа Волоцкого, 1999. – 176 с.

145. Козлов, Н. С., Громов, М. Н. Русская философская мысль X–XVIII веков / Н. С. Козлов, М. Н. Громов. – М. : МГУ, 1990. – 288 с.

146. Кондаков, А. М. Духовно-нравственное воспитание в структуре Федеральных государственных стандартов общего образования / А. М. Кондаков // Педагогика. – 2008. – № 9. – С. 13–19.

147. Константинов, Н. А. История педагогики : учеб. для студентов пед. ин-тов / Н. А. Константинов. – М. : Просвещение, 1974. – 446 с.

148. Корольков, А. А. Антропология и кризис духовности / А. А. Корольков // Антропологический синтез: религия, философия, образование. – СПб. : РХГИ, 2001. – С. 3–12.

149. Корольков, А. А. Духовная антропология / А. А. Корольков. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – 323 с.

150. Корольков, А. А. Русская духовная философия / А. А. Корольков. – СПб. : РХГИ, 1998. – 576 с.

151. Костикова, М. Н. Вероисповедная политика Министерства народного просвещения Российской империи в XX веке : автореф. дис... докт. наук / М. Н. Костикова. – Курск, 2002. – 35 с.

152. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 4 тт. / Н. И. Костомаров. – Т. 1. / Н. И. Костомаров, Изд. Рипол-классик. – М. : Рипол-классик, 1998. – 592 с.

153. Коялович, М. О. История русского самосознания / М. О. Коялович. – Минск, 1997.

154. Крикунов, А. Е. Феномен образования в проблемном поле русской персоналистической философии : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / А. Е. Крикунов. – Елец, 2010. – 22 с.

155. Культура Древней Руси. – М. : Просвещение, 1967. – 303 с.
156. Кураев, А. В. Философско-антропологическое истолкование православной концепции грехопадения : дис. ... канд. филос. наук / А. В. Кураев. – М., 1994. – 170 с.
157. Лавровский, И. А. О древнерусских училищах / И. А. Лавровский. – Харьков, 1854. – 189 с.
158. Лённгрен, Т. П. Соборник Нила Сорского: В 3 ч. / Т. П. Лённгрен. – М., 2000. – Ч. 1. – 472 с.; М., 2002. – Ч. 2. – 512 с.; М. 2004. – Ч. 3. – 582 с.
159. Леонтьев, К. Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза / К. Н. Леонтьев. – М. : Духовная проза, 1996. – 798 с.
160. Лифинцева, Н. И. Духовность, культура, образование как ценностные основания воспитательной системы педагогического вуза. Воспитательная система педагогического вуза: проблемы становления / Н. И. Лифинцева. – Курск, 2002. – Ч. 1. – С. 55–65.
161. Лихачев, Д. С. Возникновение русской культуры / Д. С. Лихачев. – М. : АН СССР, 1958. – 240 с.
162. Лихачев, Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV в.) / Д. С. Лихачев. – М. : АН СССР, 1962. – 172 с.
163. Лихачев, Д. С. От Илариона до Аввакума / Д. С. Лихачев // Памятники литературы Древней Руси. – М., 1978. – 620 с.
164. Лосский, В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви / В. Н. Лосский // Богословские труды. – М., 1972. – Сб. 8. – С. 7–128.
165. Лосский, В. Н. По образу и подобию / В. Н. Лосский. – М., 1995. – 200 с.
166. Лука (Войно-Ясенецкий). О бессмертии / Лука (Войно-Ясенецкий) // Сила моя в немощи совершается. – М. : Отдых христианина,

2001. – С. 335–344.

167. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике кон. XIV – нач. XVI в. – М.; Л., 1960. – 532 с.

168. Лурье, Я. С. Общерусские летописи XIV–XV в. / Я. С. Лурье. – М.; Л., 1976. – 532 с.

169. Лурье, Я. С. Иосиф Волоцкий / Я. С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси: В 3 вып. – Л., 1988. – Вып. 2. – Ч. 1. – С. 434–439.

170. Лурье, Я. С. О путях доказательства при анализе источников (на материале древнерусских памятников) / Я. С. Лурье // Вопросы истории. – 1985. – №5. – С. 61–68.

171. Лурье, Я. С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого – памятник идеологии раннего иосифлянства / Я. С. Лурье // Труды отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1956. – Т. 12. – С. 116–140.

172. Лурье, Я. С. Россия древняя и Россия новая. Избранное / Я. С. Лурье. – СПб, 1997.

173. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: В 12 т. / Макарий (Булгаков) – СПб., 1857. – Т. 1. – 328 с.; СПб., 1874. – Т. 7. – Кн. 2. – 542 с.

174. Макарий, митрополит Всероссийский. Великие Минеи Четьи / Митрополит Макарий. – Т. 1–2. – М., 1910.

175. Максим Грек. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: в 3 ч./ Максим Грек. – М., 1910–1911.

176. Максим Исповедник, прп. Творения / Максим Исповедник. – М., 1993. – Кн. 1: Богословские и аскетические трактаты. – 360 с.

177. Мансветов, И. Д. Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской Церкви / И. Д. Мансветов. – М., 1857. – 448 с.

178. Маслов, Н. В. Основы русской педагогики / Н. В. Маслов. – М. : Самшит-издат, 2006. – 504 с.

179. Медушевский, В. В. Основы духовно-нравственного воспитания

и образования в школе / В. В. Медушевский. – М. : Моск. консерватория, 2001. – 65 с.

180. Меньшиков, В. М., Сластенин, В. А. Российская школа в контексте европейского образования (историко-теоретический анализ) / В. М. Меньшиков, В. А. Сластенин. – Курск. : КГПУ, 1999. – 176 с.

181. Меркурий (Иванов), митрополит. Практический опыт и перспективы церковно-государственного сотрудничества в области образования : доклад на XVIII Рождественских чтениях / Меркурий (Иванов) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/> Официальный сайт Московского патриархата.

182. Метлик, И. В. Православие в русской школе: трудный путь возвращения / И. В. Метлик // Вестник ПСТУ. – IV. Педагогика. Психология. – 2010. – Вып. 1(16). – С. 7–30.

183. Метлик, И. В. Религия и образование в светской школе / И. В. Метлик. – М. : Планета-2000, 2004. – 384 с.

184. Мильков, В. В. Основные направления религиозно-философской мысли Древней Руси XI-XV вв. : автореф. дис. ... д-ра филос. наук в форме науч. докл. : 09.00.03 / В. В. Мильков; Ин-т философии РАН. – М., 2000. – 98 с.

185. Миронов, В. И. Воспитательный потенциал религиозной (православной) педагогики и его реализация в негосударственном общеобразовательном учреждении : автореф. дис... к. пед. наук / В. И. Миронов. – Екатеринбург, 2010. – 27 с.

186. Миропольский, С. И. Исторический очерк церковно-приходской школы в России / С. И. Миропольский. – СПб., 1895. – 108 с.

187. Мудрик, А. В. Социальная педагогика / А. В. Мудрик. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Академик, 2007. – 224 с.

188. Мудрость Менандра по русским спискам. – СПб., 1892. – 42 с.

189. Муравьев, А. Н. Русская Фиваида на Севере / А. Н. Муравьев. – СПб., 1855. – 520 с.

190. Муравьев, А. В., Сахаров, А. М. Очерки истории русской культуры IX–XVIII вв. / А. В. Муравьев, А. М. Сахаров. – М. : Просвещение, 1984. – 336 с.
191. Налетова, Н. Ю. Генезис православного образования в контексте культурно-исторического развития России : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Н. Ю. Налетова. – Смоленск, 2014. – 44 с.
192. Нечволодов, А. Сказания о Русской земле / А. Нечволодов. – М., 1997. – 848 с.
193. Нечипоров, Б. Введение в христианскую психологию / Б. Нечипоров. – М. : Школа – Пресс, 1994. – 192 с.
194. Никандров, Н. Д. Православие – судьба России: размышления на пороге третьего тысячелетия / Н. Д. Никандров // Материал докл. VIII Междунар. Рождественских чтений. – М. : Отдел религиозного образования и катехизации, 2000. – С. 41–48.
195. Никандров, Н. Д. Ценности как основа целей воспитания / Н. Д. Никандров // Педагогика. – 1998. – № 3. – С. 3–10.
196. Николин, И. П. Что такое нравственность? / И. П. Николин. – Сергиев Посад, 1912. – 148 с.
197. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – 3-е изд. – М. : Политиздат, 1983. – 448 с.
198. Нил Сорский, прп. Предание о жительстве скитском / Нил Сорский. – СПб., 1852. – 286 с.
199. Новиков, Н. М. Путь умного делания: В 4 т. / Н. М. Новиков. – 2-е изд. – М., 2011. – Т. 1. – 928 с.; М., 2006. – Т. 2. – 816 с.; М., 2008. – Т. 3. – 1008 с.
200. Новикова, Л. И. Методологический аспект проблемы моделирования воспитательных систем // Моделирование воспитательных систем: теория практике / Л. И. Новикова; под ред. Л. И. Новиковой, Н. Л. Селивановой. – М., Изд-во РОУ. – 1995.
201. Новикова, Л. И. Педагогика детского коллектива: Вопросы

теории / Л. И. Новикова. – М., Педагогика, 1978. – 269 с.

202. О вере и нравственности по учению Православной Церкви. – М., 1991. – 368 с.

203. Овчинников, А. В. Политико-правовой процесс в отечественном образовании 1801–1917 гг. : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / А. В. Овчинников. – М., 2009. – 46 с.

204. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., Отдел внешних церковных связей Московского патриархата, 2001. – 127 с.

205. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. – М. : Педагогика, 1989. – 480 с.

206. Павлов, А. С. Курс лекций по церковному праву \ А. С. Павлов. – СПб., 1995. – 137 с.

207. Паисий (Эзнепидис), схимон. Слова: В 3 т. / Паисий (Эзнепидис). – М., 2003. – Т. 3. – 344 с.

208. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы: в 4 т. – СПб., 1897–1898.

209. Памятники литературы Древней Руси: в 12 т. – М. : Худож. лит., 1978–1994.

210. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL:http://www.patriotica.ru/religion/panarin_prav.html

211. Парфений (Аггеев), схим. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле: В 4 ч. / Парфений (Аггеев). – М., 1856. – Ч. 2. – 240 с.

212. Пашков, С. В. Духовно-нравственное воспитание в системе современного российского образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук / С. В. Пашков. – Курск, 2010. – 26 с.

213. Перевезенцев, С. В. Тайны русской веры / С. В. Перевезенцев. – М., 2001. – 432 с.

214. Переводные памятники философской мысли в Древней Руси. – М. : ИФ РАН, 1992. – 206 с.
215. Петр (Пиголь), игум. Иеросхимонах Иероним (Соломенцов) о воспитании христианской нравственности / Петр (Пиголь) // Святоотеческое наследие и воспитание юношества: Сб. докл. секции XIII Международных Рождественских образовательных чтений. – М., 2005. – С. 7–28.
216. Петр (Пиголь), игум. Исихазм – путь к обожению / Петр (Пиголь) // Философские науки. – М., 2005. – № 2. – С. 59–71.
217. Петр (Пиголь), игум. Исихастская школа прп. Феодосия Тырновского / Петр (Пиголь) // www.pravoslavie.ru. 2010. 16 сентября. То же: Практика исихазма в России // Шестое чувство. – М., 2010. – № 6. – С. 28—31.
218. Петр (Пиголь), игум. О псалмопении: Путь исихазма и метод православного воспитания / Петр (Пиголь) // Церковный вестник. – 2003. – Апрель. – № 7 (260). – С. 14.
219. Петр (Пиголь), игум. Прп. Григорий Синаит и его духовные преемники / Петр (Пиголь). – М., 1999. – 208 с.
220. Петр (Пиголь), игум. Путь воина: Святой благоверный князь Димитрий Донской и духовные истоки победы на Куликовом поле / Петр (Пиголь) // Московский строитель. – 1990. – № 21. – С. 13.
221. Петракова, Т. П. Духовные основы нравственного воспитания / Т. П. Петракова. – М., 1997. – 96 с.
222. Петракова, Т. И. Святоотеческая традиция в духовно-нравственном воспитании: к осмыслению понятий / Т. И. Петракова // Святоотеческое наследие в духовно-нравственном воспитании детей и молодёжи. – М. : Вестник ПСТГУ, 2001. – С. 15–19.
223. Пискунов, А. И. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в. : уч. пособие для педагогических учебных заведений / А. И. Пискунов; под ред. академика РАО А. И. Пискунова. – 2-е изд., испр. и дополн. – М. : Сфера,

2001. – 512 с.

224. Платон (Игумнов), архимандрит. Нравственность / Платон (Игумнов) // О вере и нравственности по учению Православной Церкви. – М. : Изд-во Московской патриархии, 1991. – 365 с.

225. Плигузов, А. И. Полемика в Русской Церкви первой четверти XVI столетия / А. И. Плигузов. – М., 2002. – 416 с.

226. Плигузов А. И. Противостояние митрополичьей и вассиановской Кормчих накануне судебных заседаний 1531 г. / А. И. Плигузов // Исследования по источниковедению истории СССР. Дооктябрьский период. – М.: Наука, 1985. – С. 23–68.

227. Победоносцев, К. П. Сочинения / К. П. Победоносцев. – СПб. : Наука, 1996. – 510 с.

228. Повесть временных лет. – Петрозаводск : Карелия, 1991. – 191 с.

229. Подушкина, И. М. О поисках духовной опоры в развитии российского образования / И. М. Подушкина // Тезисы докл. и выст. всерос. науч.-практ. конф. – Курск, 1999. – С. 253–257.

230. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1846. – Т. 1. – 392 с.

231. Половинкин, А. А. Пробуждение России: преодоление неверия и маловерия / А. А. Половинкин. – Волгоград, 2000. – 248 с.

232. Поляковская, М. А. Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии / М. А. Поляковская // Византийский временник. – 1964. – Т. 24. – С. 202–208.

233. Порфирий (Успенский), еп. Второе путешествие по Св. Горе Афонской / Порфирий (Успенский). – М., 1880. – 536 с.

234. Порфирий (Успенский), еп. История Афона: В 2 т. / Порфирий (Успенский). – М., 2007. – Т. 1. – 1088 с.

235. Порфирий (Успенский), еп. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты: В 2 ч. / Порфирий (Успенский). – Киев, 1877. – Ч. 1. – Отд. 1. – 386 с.
236. Потаповская, О. М. Педагогическое сопровождение семьи в вопросах духовно-нравственного воспитания детей / О. М. Потаповская. – М., 2002. – 28 с.
237. Потаповская, О. М. Семейная гостиная: программа занятий с родителями в семейной школе духовно-нравственного воспитания / О. М. Потаповская. – М., 2003. – 40 с.
238. Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / Нил Сорский и Иннокентий Комельский; изд. подг. Г. М. Прохоров. – 3-е изд. – СПб., 2011. – 424 с.
239. Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России и Устав его о жительстве скитском. – М., 1869. – 168 с.
240. Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России, и Устав его о жительстве скитском. – 2-е изд. – М., 1869. – Переизд.: Кириллов, 2008.
241. Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России, и Устав его о жительстве скитском. – 2-е изд. – М. : Русский Афонский Пантелеймонов монастырь, 1886.
242. Преподобный Нил Сорский, первооснователь скитского жития в России и Устав его о жительстве скитском. Кириллов, 2008. – 256 с.
243. Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. – М. : АПН СССР, 1983. – 121 с.
244. Пушкарёв, С. Г. Роль православной церкви в истории русской культуры и государственности / С. Г. Пушкарёв. – Женева, 1985.
245. Раков, Э. Монастыри Белозерья / Э. Раков // К Свету. – Вып. 15. – С. 41–47.
246. Рачинский, С. А. Сельская школа / С. А. Рачинский. – М., 1991. – 176 с.

247. Романенко, Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества / Е. В. Романенко. – М. : Памятники исторической мысли, 2003. – 256 с.
248. Романенко, Е. В. Первый скит России: страницы истории XV–XX вв. / Е. В. Романенко // К Свету. – Вып. 15. – С. 62–92.
249. Романенко, Е. В. Прп. Нил Сорский / Е. В. Романенко. – М., 2008. – 368 с.
250. Романенко, Е. В. Роль Нила Сорского в спорах его времени: вопрос о ереси / Е. В. Романенко // К Свету. – Вып. 15. – С. 93–101.
251. Рубцов, В. В. Психолого-педагогическая подготовка учителя для «Новой школы» / В. В. Рубцов // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 1. – С. 5–12.
252. Рубцов, В. В. Святоотеческая психология и образовательная практика / В. В. Рубцов // «Учительская газета». – № 7. – 2008.
253. Русский монастырь св. великомученика и целителя Пателеимона на Св. Горе Афонской. – М., 1886. – 280 с.
254. Рыбаков, Б. А. Из истории культуры Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : МГУ, 1984. – 240 с.
255. Рыбаков, Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории / Б. А. Рыбаков. – М. : Молодая гвардия, 1984. – 351 с.
256. Сазонова, Л. И. Духовный свет древнерусской литературы / Л. И. Сазонова // Педагогика. – 1995. – № 3. – С. 98–103.
257. Сапунов, Б. В. Книга в России. XI–XIII вв. / Б. В. Сапунов; под ред. С. П. Луппова. – Л. : Наука, 1978. – 230 с.
258. Сапунов, Б. В. Истоки русской школы / Б. В. Сапунов // Советская педагогика. – 1989. – № 6. – С. 111–118.
259. Симонов, Р. А. «Вторая грамотность» на Древней Руси / Р. А. Симонов // Советская педагогика. – 1989. – № 12. – С. 90–97.
260. Симонов, Р. А. Кирик Новгородец – ученый XII века / Р. А. Симонов. – М. : Наука, 1980. – 111 с.
261. Симонов, Р. А. Математическая мысль Древней Руси / Р. А.

Симонов. – М. : Наука, 1977. – 120 с.

262. Сказание о начале славянской письменности. – М. : Наука, 1981. – 198 с.

263. Склярова, Т. В. Православное воспитание в контексте социализации / Т. В. Склярова. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2006. – 164 с.

264. Склярова, Т. В. Профессиональная подготовка социальных педагогов в конфессионально-ориентированных высших учебных заведениях : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Т. В. Склярова. – М., 2008. – 35 с.

265. Слостенин, В. А. и др. Педагогика / В. А. Слостенин. – М. : Академия, 2002. – 576 с.

266. Слостенин В. А., Чижакова Г. И. Введение в педагогическую аксиологию : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Слостенин, Г. И. Чижакова. – М. : Академия, 2003. – 192 с.

267. Слободчиков, В. И., Исаев, Е. И. Основы психологической антропологии / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М., 1995. – 384 с.

268. Слободчиков, В. И. Очерки психологии образования / В. И. Слободчиков. – Биробиджан, 2005. – 272 с.

269. Слободчиков, В. И. Антропологическая перспектива отечественного образования / В. И. Слободчиков. – Екатеринбург : Издат. отдел Екатеринбургской епархии, 2009. – 264 с.

270. Словарь исторический о русских святых. – СПб., 1862. – 288 с.

271. Смолич, И. К. Русское монашество, 988–1917 / И. К. Смолич. – М. : Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1999. – 608 с.

272. Соболевский, А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. / А. И. Соболевский. – СПб., 1894. – 30 с.

273. Сперанский, М. Н. История древней русской литературы / М. Н. Сперанский. – М., 1914. – 599 с.

273а. Степанов, Е. Н., Лузина, Л. М. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания / Е. Н. Степанов, Л. М. Лузина. – М. : ТЦ

Сфера, 2003. – 160 с.

274. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года.

275. Сурова, Л. В. Православная школа сегодня : книга для учащихся и учащихся / Л. В. Сурова. – Владимир : Изд-во Владимирской епархии, 1996. – 495 с.

276. Сухомлинский, В. А. Избр. пед. соч.: в 3 т. / В. А. Сухомлинский. – М. : Педагогика, 1979–1981.

277. Сырку, П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. / П. А. Сырку. – СПб., 1898. – 648 с.

278. Сырку, П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII вв. / П. А. Сырку. – СПб., 1901. – 524 с.

279. Сырку, П. А. Монаха Григория житие преподобного Ромила: (По рукописи XVI в. с приложением службы преподобному Ромилу по рукописи XVII в.) / П. А. Сырку // Памятники древней письменности и искусства. – СПб., 1900. – Вып. 136. – 92 с.

280. Тахиаос, А. Влияние исихазма на церковную жизнь в России в 1328-1406 гг. / А. Тахиаос. – Салоники, 1962. Цит. по: Успенский Л. С. Богословие иконы. – 201 с.

281. Тодоров, Н. Славянские культуры и Балканы / Н. Тодоров. – София, 1978. – 408 с.

282. Толстой, М. В. Путевые письма с Севера / М. В. Толстой. – М., 1868. – 104 с.

283. Троицкий, В. Ю. Пути русской школы / В. Ю. Троицкий. – М. : Свет Отечества, 1994. – 96 с.

284. Трубецкой, С. Н. Этика и догматика / С. Н. Трубецкой // Вопросы философии и психологии. – М., 1895. – Кн. 29 (4). – С. 484–517.

285. Успенский, Л. А. Богословие иконы Православной Церкви / Л. А. Успенский. – Париж, 1989. – 480 с.

286. Ухтомский, А. А. Интуиция совести / А. А. Ухтомский. – СПб., 1996. – 528 с.
287. Ушинский, К. Д. О народности в общественном воспитании / К. Д. Ушинский // Собр. соч.: в 11 т. – М. : АПН РСФСР, 1948. – Т. 2. – С. 69–161.
288. Ушинский, К. Д. О нравственном элементе в русском воспитании / К. Д. Ушинский // Собр. соч.: в 11 т. – М. : АПН РСФСР, 1948. – Т. 2. – С. 425–488.
289. Ушинский К. Д. О пользе педагогической литературы / К. Д. Ушинский // Собр. соч.: в 11 т. – М. : АПН РСФСР, 1948. – Т. 2. – С. 32.
290. Ушинский К. Д. Отчет о командировке за границу / К. Д. Ушинский // Собр. соч.: в 11 т. – М. : АПН РСФСР, 1948. – Т. 3. – С. 453–586.
291. Фаддей (Успенский), архиеп. Творения: В 2 кн. / Фаддей (Успенский). – Тверь, 2003. – Кн. 2. Записки по дидактике. – 336 с.
292. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.
293. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – Ростов н/Д : Мартис, 1999. – 382 с.
294. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России / Г. П. Федотов. – СПб. : София, 2005. – 496 с.
295. Феодосий Печерский. Слово о терпении и любви / Феодосий Печерский // Русская душа. – М. : Роман-газета, 1994. – С. 17–21.
296. Феофан Затворник, свт. Начертание христианского нравоучения / Феофан Затворник. – М., 1891. – 506 с.
297. Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. Творения / Филарет (Дроздов). – М. : Отчий дом, 1994. – 476 с.
298. Флоренский, Павел, свящ. Иконостас / Павел Флоренский // БТ. – М., 1972. – Сб. 9. – С. 83–148.

299. Флоровский, Г. В. Восточные отцы IV в. / Г. В. Флоровский. – Париж, 1931. – 328 с.
300. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – Вильнюс, 1991. – 600 с.
301. Франк, С. Л. Реальность и человек: метафизика человеческого бытия / С. Л. Франк // С. Л. Франк. С нами Бог. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 133–436.
302. Харисова, Л. А. Религиозная культура в содержании общего образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Л. А. Харисова. – Казань, 2002.
303. Хоружий, С. Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека / С. Хоружий // Православное учение о человеке : избр. ст. – М.; Клин, 2004. – С. 154–167.
304. Хоружий, С. С. Антропология христианская / С. С. Хоружий // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. – Т. 1. – С. 134–138.
305. Хоружий С. С. Владимир Соловьев и мистико-аскетическая традиция Православия / С. С. Хоружий // БТ. – М., 1997. – Сб. 33. – С. 233–245.
306. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы / С. С. Хоружий. – М., 1998. – 352 с.
307. Хоружий С. С. О старом и новом / С. С. Хоружий. – СПб., 2000. – 480 с.
308. Хохлова, А. Б. Эвристическое значение основных категорий православной педагогической мысли (на материале трудов Феофана Затворника) / Хохлова А. Б.; Вестник Тамбовского университета им. Г. Р. Державина. – Вып. 7 (75). – С. 220.
309. Хрестоматия по гуманистической психотерапии. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 1995. – 304 с.
310. Человек и история в средневековой философской мысли русского, украинского и белорусского народов. – Киев : Наукова думка,

1987. – 160 с.

311. Черепнин, Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник / Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1969. – 438 с.

312. Шадриков, В. Д. Духовные способности / В. Д. Шадриков – М. : Магистр, 1996. – 102 с.

313. Шевченко, Л. Л. Воспитание нравственной культуры учителя в процессе профессиональной подготовки: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Л. Л. Шевченко. – М., 2005. – 55 с.

314. Шевырев, С. П. Нило-Сорская пустынь / С. П. Шевырев. – М., 1850. – 16 с.

315. Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: В 2 ч. / С. П. Шевырев. – М., 1850. – Ч. 2. –144 с.

316. Шеховцова, Н. Л. Духовность нравственного воспитания в русской философско-педагогической мысли (вторая половина XIX века – первая половина XX века) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Н. Л. Шеховцова. – Белгород, 2007. – 43 с.

317. Школа и педагогика в культуре Древней Руси. – М. : РОУ, 1992. – 208 с.

318. Этика и догматика // Вопросы философии и психологии. – М., 1895. – Кн. 29 (4). – С. 484–517.

319. Этическая мысль. – М., 1988. – 284 с.

320. Юркевич, П. Д. Курс общей педагогики / П. Д. Юркевич. – М., 1869. – 404 с.

321. Янин, В. Л., Зализняк, А. А. Новгородские грамоты на бересте / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. – М. : Наука, 1993. – 352 с.

322. Янушкевичене, О. Л. Историко-педагогический анализ становления и развития теории духовного воспитания подрастающего поколения : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / О. Л. Янушкевичене. – МПГУ, Москва, 2009.

323. Яцимирский, А. И. Византийский религиозный мистицизм XIV в. перед переходом его к славянам / А. И. Яцимирский // Странник. – СПб., 1908. – Декабрь. – С. 662–672.

324. Callistos (Ware), bishop. The hesychasts: Gregory of Sinai, Gregory Palamas, Nicolas Cabasilas // The study of spirituality. Cambridge, 1986. – P. 242–255.